Большевистская диктатура в свете анархизма

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В СВЕТЕ АНАРХИЗМА

Десять лет советской власти

(Коллективное исследование)

ПАРИЖ, 1928 г.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В СВЕТЕ АНАРХИЗМА

Десять летъ советской власти

(Коллективное исследование)

Издатели: Заграничная организация русских Анархистов-Коммунистов «Дело Труда».

Федерация Анархо-Коммунистических Групп Сев. Америки и Канады.

ПАРИЖ, 1928 г.

2007052105

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Эта книга написана товарищами, недавно выброшенными деспотической рукой большевистского правительства в классическую страну русской эмиграции.

Условия, в которых она писалась, были крайне неблагоприятны. Тяжелый труд на заводах оставлял авторам мало досуга. Они могли работать над ней урывками. С нашей стороны было сделано все возможное, чтобы обеспечить их всем необходимым, но и здесь вставали иногда непреодолимые трудности.

При всех недостатках и пробелах, книга эта, по нашему убеждению, может сослужить большую службу тем из товарищей, которые доселе знакомятся с советской Россией по отравленным ложью оффициальным источникам большевизма.

Книга не дает общей положительной программы строительства, которой рабочие классы России должны заменить режим большевистской диктатуры. Это и не входит в ее задачу. Она подводит лишь генеральные итоги десятилетию большевистской диктатуры, показывает убийственность этих итогов для всех областей общественно-хозяйственной жизни трудящихся СССР и лишь в крайне общих чертах намечает выход, противопоставляя, в отдельных главах, большевистскому режиму анархическое понимание строительства свободного общества труда. Дело с л е д у ю щ и х работ анархистов этот вывод конкретизировать, представить его в виде положительной, построительной программы порабощенных ныне рабочих классов СССР.

Заграничная Организация Русских Анархистов - Коммунистов «Дело Труда».

Июнь, 1928 г. Париж.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Характер русской революции

Десять лет прошло с тех пор, как русский народ, миллионами согнанный с земли, оторванный от труда, раздраженный разрухой, разгромами, бездарностью вождей, измученный, изверившийся, мстительный, — вышел из опостылевших окопов и опрокинул половинчатый, трусливый, подпираемый буржуазией, режим Керенского.

С этого дня революционный народ сам стал строить свою историю.

Но еще годы земля поилась кровью.

Революционные всходы поднимались среди неслыханных мук, свобода рождалась в судорогах многомиллионного народа.

Октябрьская революция пришла не из марксистских схем. Россия была мало похожа на страну, в которой, по словам Маркса, сосредоточие средств производства и обобществление орудий труда достигли бы такой степени, что не могли долее выносить своей капиталистической оболочки, и последняя должна была разорваться...

«Оболочка» у нас разорвалась неожиданно, разорвалась в стране с крайне низкой техно-экономической культурой, со слабой централизацией средств производства, со слабо организованным транспортом, слабой буржуазией, слабым пролетариатом, огромным по численности и общему удельному весу страны крестьянством, — в стране, в которой, казалось, не могло

быть речи о непримиримом антагонизме между ростом производительных сил и достигшей зрелости системой капиталистических производственных отношений.

Позже, уже в 1922 г. на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, ветеран революции, старушка Цеткин, обронила драгоценное признание: «Русская революция прокралась к нам, яко тать в нощи. Кто ожидал, что первая пролетарская революция разразится именно в России»?

Но мировая война, вскрывшая до конца банкротство хозяйственной и политической системы старой империи, подготовила величайшее народное движение, которое по существу своему могло быть только социальной революцией.

Предупреждая мероприятия «революционного правительства», гораздо чаще вопреки им, революционный народ, трудовые массы задолго до октябрьской революции своим почином осуществляли социальные идеалы. Они отбирали у прежних владельцев земли, инвентарь, копи, фабрики, заводы; гнали или уничтожали особо ненавистных и опасных представителей власти, сбрасывали в стихийном революционном порыве все формы экономического и политического гнета.

В глубоких недрах России кипела социальная революция, когда в столице произошел октябрьский переворот.

После полного идейного и морального банкротства меньшевиков и эс-эров, безнадежно скомпрометировавших себя в глазах трудовых масс в эпоху Временного Правительства, два революционных течения противостояли одно другому, способные питать и одушевлять своими лозунгами великое народное движение — анархизм и большевизм.

Первые шаги социальной революции были анархическими. Могло ли быть иначе в стране политически молодой, не проходившей развращающей школы партийного и парламентского политиканства? В стране, по признанию духовного вождя большевизма, — проник-

нутой «величайшей ненавистью и недоверием масс ко всему государственному»?

Анархизму в начальных фазах революции принадлежала значительная и подлинно поднимающая роль.

Мысль, что всякая национальная, империалистическая война должна быть обращена в гражданскую — есть по существу анархическая мысль, ведущая свою родословную со времен I Интернационала и получившая заострение и углубление на социалистических конгрессах в Цюрихе, Брюсселе и др. Ее ранним одушевленным проповедником и теоретиком был анархист Домела Ньювангуис. Эта мысль, наконец, нашла воплощение в известной резолюции о милитаризме международного Амстердамского Конгресса Анархистов 1907 г. Правда, в эпоху империалистической войны, в рядах анархистов наметилось течение, представленное рядом авторитетных и популярных имен, примкнувшее к оборончеству, и мотивировавшее эту позицию необходимостью защиты политически передовой Франции против системы германо-австрийского милитаризма. Но огромное большинство анархистов всех стран стояло на точке зрения анархистов-интернационалистов и громило оборончество. На этой почве, с первых дней войны стояла и группа большевиков во главе с Лениным, что дало повод соц.-демократам оборонцам (Ж. Гед, Плеханов и др.) обвинять их в анархическом уклоне. В антимилитаристических резолюциях Циммервальда и Кинталя анархисты не приняли непосредственного участия, ввиду традиционного предубеждения против работы с государственниками. Позиция левого крыла соц.-демократии по вопросу о войне была признана недостаточным поводом для совместной работы анархистов со сторонниками диктатуры.

Первоначально мировая война охватила страны с преобладающим влиянием с.-демократии, и анархисты были бессильны поднять в них рабочие и крестьянские массы. Но в ряде стран — Испании, Юж.-Американской республике, в Швейцарии, Голландии, Швеции — анархисты вели энергичную антимилитаристическую пропаганду, созывали конференции (Феррель, — Испания,

Амстердам — Голландия, Бразилия), во всех воюющих странах — Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, Болгарии они дали ряд мучеников.

Великая русская революция, бурлившая могучими потоками крестьянских и рабочих масс, инстинктивно восприняла анархические идеи и формы выступления. Именно анархические лозунги — методы прямого действия, непосредственного захвата земель и средств производства — были подлинно революционными и всенародными лозунгами этой эпохи.

Когда в начале революции трудовые массы ринулись на разрушение собственности и государства, анархисты были вместе с ними. Октябрьская революция уже невольно шла по линиям, намеченным народным взрывом и, естественно, должна была отразить анархические тенденции. Она сломала старый государственный аппарат и выдвинула в политической области принцип федерации советов. Она обратилась к прямой экспроприации, упразднив частную капиталистическую собственность, отобрав землю у помещиков, дома и движимый капитал у финансовых, промышленных и торговых капиталистов. В области экономического строительства она выдвинула принцип федерации фабрично - заводских комитетов для управления производством, домовые комитеты для правильного распределения жилищ.

В этом раннем развитии Октябрьской революции анархисты, всеми имевшимися в распоряжении их силами, боролись за нее, работали рука об руку с большевиками в утверждении, в укреплении новых принципов.

Среди фаланги одушевленных борцов, оставшихся до конца верными идеям и методам анархизма, быть может следует особо упомянуть об Юстине Жуке, строителе Шлиссельбургского порохового завода, умершем на военно - революционном посту, о Железнякове, разогнавшем Учредительное Собрание, погибшем в боях против контр-революции, о Грачеве и Федотове, руководивших Двинским полком, первым выступившим в бой под анархическими знаменами, сыгравшем решающее значение в октябрьских событиях в Москве; прежде всего и более всего о Кронштадте 1917-18 года, ставшем

под влиянием анархистов подлинной ячейкой свободной общественности и давшем своих бойцов на все фронты гражданской войны.

Но уже скоро союз анархистов с большевиками дает зловещую трещину.

Воспитанный годами на своеобразной подпольной философии, в которой пламенная вера в социальную революцию причудливо сочеталась с не менее фанатической верой в государственность, централизм, большевизм выработал целое учение о необходимости для подготовки и проведения социальной революции особого заговорщического штаба, составленного исключительно из просвещенных теоретиков движения, патентованных революционеров и наделенного полномочиями диктатора, который должен был уяснить, выработать наперед своими собственными силами классовое самосознание пролетариата. Основной чертой большевистской психологии всегда было недоверие к трудовым массам, к пролетариату. Предоставленный собственным силам, по убеждению большевиков, — «он мог бы выработать лишь тред-юнионистское сознание».

Эти патентованные революционеры, мечтавшие овладеть массами при помощи демагогических приемов, чтобы ввести их в выношенный в партийных комитетах социалистический рай, и анархизм, полагавший, что в классовых боях, в создании нового строя, обезпечивавшего свободу и экономическое равенство, решающее слово принадлежит самим трудящимся массам — были всегда политическими антиподами.

Но большевизм, стремившийся к диктатуре, с самого начала правильно, выгодно учел положение для себя. Он выбросил за борт ненужную ему более демократическую программу и провозгласил лозунги социальной революции. С свойственными ему гибкостью, оппортунизмом и бесстыдством он шел то с народничеством, вплоть до усвоения (принятия) его «социализации земли», то с анархизмом, с его отказом от парламентаризма и пропагандой рабоче-крестьянских советов.

Для низложения своих противников он не брезгал прибегать к беззастенчивой и лживой демагогии. На всех перекрестках клялся он именем пролетариата, но одновременно готовил ему цепи, на которых потом десять лет держал его в болотах догматической, деспотической государственности.

Бесспорно, в начале революции, когда большевистская игра не была раскрыта до конца, масса легко поддавалась его беззастенчивой демагогии. Большевизм сумел создать вокруг себя гипнотизирующую атмосферу пламенной, бескомпромиссной революции. Не зная подлинного лика большевизма, пролетариат Запада готов был видеть в его политике новую эру социализма. Бакунизированный марксизм Ленина вызывал энтузиазм. «Государство и революция» читалось с упоением. И анархизм не раз ловился на громкие слова большевистского якобинизма. Но, использовав с маккиавелиевской ловкостью энергию, опыт, силы анархистов, якобинизм спешил отделаться от них, опасаясь их влияния на массы. Популярность анархистов среди рабочих Москвы, Петрограда, Украины была поистине огромна. Можно без всякого преувеличения сказать, что в 1917 и 18 г. г. не было ни одного мало-мальски крупного завода не только в районе столиц, но и далее, где бы не было анархической организации, где не велось бы энергичной агитации в анархическом смысле.

Мирному сосуществованию анархистов и большевиков пришел конец с подписанием Брест-Литовского договора. Анархисты рассматривали «похабный» мир, как капитуляцию перед германским империализмом, капитуляцию, открывавшую настежь двери уступкам и компромиссам. В глазах анархистов мир был актом морального бессилия. Раскол стал неизбежным. Под вымышленным предлогом, что анархисты рекрутируют черную гвардию из «общественных подонков», в ночь на 12 апреля 1918 г. большевики внезапным нападением разгромили сперва московскую федерацию анархистов, а затем и все анархические организации в республике.

Со дня разгрома анархистских организаций все, что числилось когда либо в арсенале жандармско-полицейских средств, было пущено в ход против анархизма: универсальный шпионаж — дома, на улице, на службе; провокация, заложничество, цензурные неистовства; административные взыскания, конфискации изданий; избиение в тюрьмах, ссылки, расстрелы.

И в недавние еще, близкие к юбилею дни, когда мучительные кануны перед казнью Сакко и Ванцетти поставили на ноги пролетариат всего мира, когда с небывалой напряженностью два мировых антагониста — эксплоатирующие и эксплоатируемые — стали друг против друга, когда повсюду, не исключая большевистской республики, считалось долгом сознательного человека поднять голос против палачей, — одним русским анархистам «диктатура пролетариата» приказала молчать. Для выражения своих мыслей и чувств они не могли найти ни одной газеты. Трибуна была им категорически воспрещена. Простое перепечатание акта протеста стоило сделавшему это трех лет тюрьмы, а выступление в отдельных случаях на митингах рабочих-анархистов повлекло за собой снятие с работ, аресты, тюрьмы и ссылки.

Так легальный анархизм стал невозможен. Анархисты были загнаны в подполье...

В торжественные дни заседаний в Москве I Международного Конгресса Красных Профессиональных Союзов, иностранные делегаты — анархо-синдикалисты — были не мало взволнованы известием, что группа анархистов, заключенная в Таганскую тюрьму в Москве, объявила голодовку, чтобы добиться освобождения.

Иностранные гости вступили по этому поводу в переговоры с ЦК партии большевиков. Казалось чудовищным, что Советская республика, рабочее государство и пр. держит в тюрьмах представителей революционного мировоззрения, его крайний левый фланг.

Коммунисты были вынуждены об'яснить с'ехавшимся товарищам свою тактику по отношению к русским анархистам. Появилось сперва изумительное по цинизму и развязности письмо Троцкого, позже, специаль-

ный пасквиль Яковлева, собравшего грязь по всем задворкам для очернения ненавистных анархистов.

Основных положений, с коими оперировал тогда большевизм, было немного. Они сводились к трем лаконическим формулам, оставшимся и после основными пунктами обвинения против анархистов: 1) русский анархизм, за исключением незначительных и невлиятельных групп, есть или бандитизм или махновщина; 2) махновщина есть идеология деревенского кулака и 3) русскій анархизмъ есть поэтому естественный союзник мирового империализма и, следовательно, партизан контр-революции.

Абсурдность этих положений ясна каждому едва грамотному политически человеку. Смог ли 150-ти миллионный народ, который многочисленные исследователи и историки не раз находили одаренным по преимуществу анархической природой, народ, давший анархической мысли и анархическому действию имена таких вождей, как Бакунин и Кропоткин, имевший в рядах своей трудовой интеллигенции самоотверженных борцов за анархическое мировоззрение, народ, невероятным напряжением революционной воли, снесший трехсотлетнюю монархическую династию — свести могучее идейное и практическое движение к жалкому, поистине позорному ублюдку, каким постарались и стараются его изображать правоверные коммунисты?

Но логика, история, чувство справедливости — все бессильно перед волей победителя.

Горе побежденным!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анархисты; их ошибки в революции.

Однако, как была возможна подобная расправа? Как мог актуальный, близкий массам анархизм сойти на положение гонимой секты? Здесь, помимо условий общего об'ективного порядка, были два рода причин. Одни проистекали из существа воззрений многих анархи-

стов на Октябрьскую революцию, воззрений, оказавшихся ошибочными; другие — из организационных особенностей самого анархизма.

Октябрьская революция в представлениях анархистов открывала эпоху последовательного разложения и гибели капиталистических систем. Она была первым актом мировой социальной революции, время наступления которой должно было определяться степенью сопротивляемости капиталистических форм хозяйства. Однако, русская революция, независимо от ее конкретного содержания и достигнутых ею успехов, одним фактом своего существования должна была стать влиятельным стимулом к нарастанию и укреплению революционного движения в международном масштабе. Отсюда, в представлении огромного большинства анархистов этой эпохи, Октябрьская революция, не будучи ни по существу, ни по форме д о к о н ц а анархической, должна была служить, как и государственный социалистический строй, исторически из нее сложившийся, фазой общественного развития, непосредственно предворяющей новую революцию с подлинно анархическим содержанием.

Этот процесс подготовки новой революции и последовательного превращения авторитарного и государственного режима в безгосударственный анархический строй в глазах анархистов обусловливался: а) разрешением в процессе государственного социалистического строительства ряда основных техно-экономических проблем (индустриализации и электрификации страны); б) нарастанием, развитием и укреплением классового самосознания в рядах промышленного пролетариата; в) всесторонним выявлением и заострением противоречий между городом и деревней в условиях государственного социалистического правительства, поскольку последнее и в догме и в практике считало себя прежде всего защитником интересов промышленного пролетариата; г) постепенным преобразованием ранее существовавших классовых противоречий в новый принципиальный антагонизм между организаторами, как органами публичной власти и организуемыми, как

новой специфической формой государственной эксплуатации; д) наконец, систематическим подавлением личного начала якобинской государственностью и соответствующим нарастанием бунтарского чувства против авторитарного характера общественности.

Этими общими соображениями определялись и ближайшие практические выводы анархистов.

Советская власть, не давая простора анархическому строительству, сосредотачивая социальное творчество в руках органов власти, подавляя личную свободу и личную инициативу диктатурой класса, приводящей в конечном счете к партийной диктатуре, к диктатуре отдельных лиц, воспитывая общество в духе жестокого и последовательного авторитаризма — находится в коренном противоречии с основными устремлениями анархического мировоззрения. Однако, анархизм, считаясь с траншейным положением советской власти, защищает социальную революцию и советскую Россию против посягательств международного империализма.

Эта система взглядов, сложившаяся в эпоху гражданских войн, была усилена позже еще одним практическим соображением, в значительной мере обусловившим дальнейшее поведение анархистов. Всякое нападение на советскую власть, благодаря широте и разнообразию применявшихся ею демагогических приемов, благодаря систематическому и развращающему гипнозу, коим она научилась держать массы, — могло быть истолковано в последних, как нападение на «рабоче-крестьянскую власть». Эта фикция получила огромный исторический вес. Трудность или даже невозможность ее расшифровки в условиях чрезвычайного режима, установленного большевистским правительством, практически обесценивала возможные выступления анархистов, не доводя их до сознания масс.

Потребовались годы большевистской самодержавной практики, доведение принципов и методов работы советской власти до их логического и психологического предела, чтобы анархизм, накопивший за эти годы огромный опыт, пришел к убеждению необходимости радикального пересмотра системы своих воззрений и из-

брания новых методов борьбы, соответствующих действительной природе советской государственности.

Несравненно большее значение в поражении анархистов сыграла их неорганизованность.

Основные методы действия анархистов, его отдельные тактические приемы, не взирая на общий материалистический характер его миропонимания, всегда страдали сугубым «идеализмом», сугубой отвлеченностью. Убеждение в творческой силе масс в конечном счете покоилось всегда на убеждении в творческой силе личности, как единственной непререкаемой реальности исторического процесса. Отсюда постулат об уважении воли, намерений отдельной индивидуальности приобретает почти беспредельное значение.

Свобода личности не подлежала ограничениям в силу каких угодно, хотя бы и важнейших политических мотивов. Соблюдение таких взглядов в чистоте неизбежно парализовало возможность каких бы то ни было прочих коллективных построений, всегда предполагающих, в силу психо-физического своеобразия самой человеческой природы, необходимость известных практических компромиссов.

Ригоризм, безусловность требований анархической этики принципиального максимализма личности — ограничивали возможность совместной коллективной работы анархистов.

С особой силой, разлагающее влияние этого момента сказалось в пору, когда анархисты впервые получили историческую возможность свободно обратиться к массам, имея одновременно рядом с собой и против себя блестяще вооруженного противника. Анархисты оказались бессильны тогда, когда вся страна кипела, как котел, лава революционной воли искала выхода, массы требовали плана прямого, ясного, конкретного, доступного всем. Но у анархистов не оказалось общепризнанных организационных начал, общепризнанной теоретической платформы, общепризнанного продуманного плана и т. д. Что было самым тяжелым для анархизма, это то, что рассеивая свои лозунги повсюду, он не сумел создать прочных связей ни в профдвиже-

нии, ни в кооперации. Наконец, к этому перечню причин анархических неудач надлежит отнести и то поразительное, утрированное до комизма доверие к большевикам, которое отличало многих анархистов в эту пору. Вера в подлинную революционность большевиков, в их способность подчинить свои партийные интересы реальным интересам трудовых масс, была такова что ряд наиболее неустойчивых, легковерных или развращенных большевистской демагогией анархистов не остановился даже перед вступлением в ряды РКП. Эти ренегаты не сыграли никакой роли в последующем развитии революции. Они принесли мало пользы себе, партии, ме нее всего революционному народу. Некоторые, не выдержав режима, сбежали потом и из рядов партии. Но самый факт измены внес лишнюю смуту в слабо организованные анархические ряды.

Революция приходила в грозе и буре. Для овладения стихиями нужны были решительные беспощадные средства. Опираясь на величайшее, творческое напряжение народных масс, нужно было не только смести все враждебное анархическим идеалам, но и немедля закладывать фундамент нового общества.

А большевики, не брезгая грязной работой, не беспокоясь о чистоте репутации, об исторических апологиях и возмездиях, возводили казармы и застенки, чтобы запрятать туда сверх - программные стихии и подчинить их единственно непреложному и непогрешимому уставу непогрешимой партии большевиков. И массы только что совершившие великие сдвиги, — опрокинувшие трон, ликвидировавшие войну, овладевшие землею, — но веками воспитанные в рабстве, не устояли перед посулами нового хозяина и получили палку, какой не знала и дореволюционная Россия.

Так была проиграна решающая битва.

Но поражение было вместе с тем и великим историческим уроком.

Десять лет последовательного крушения государственнических утопий и вынужденное стояние на исторических задворках — воспитали анархизм, спаяли его

разрозненные силы, излечив навсегда от болезней аморфизма, и дали ему, наконец, в руки подлинно анархическую программу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Большевизм; теория и практика большевистской революции.

Мстительные стихии, вставшие из столетий рабьей терпеливости, взяли верх над всеми историческими конкретными препятствиями. Рассеялись последние клочки белой России. Ушли европейские интервенсисты, «диктатура пролетариата» стала хозяином страны. Условия ее первоначального существования были трудны. Кругом, во вне — настороженный, ощетинившийся капиталистический мир, уверенный в себе, испытанный в боях, вооруженный наукой, техникой, орудиями истребления.

Внутри — нищета, первобытные технические навыки масс, тонкая прослойка промышленной культуры, растрепанная мировой и гражданской войнами, отсутствие организационных навыков .

Но стройка началась.

Основной капитальной трудностью советской диктатуры с ее начала до ее юбилейных дней было то, что ставка ее на международную революцию в том виде, как она формулировалась неоднократно вождями партии в 1917-18 г. г. — оказалась несостоятельной.

Октябрьская революция была крушением марксистских схем. Предоктябрьская Россия не походила на страну с натянутой капиталистической оболочкой. Менее, чем какая либо другая из европейских стран, по догме марксизма, могла она претендовать на социальную революцию. Но в мировых и специальных для России коньюнктурах 1917 года был ряд исключительных условий, вызвавших катастрофический распад в производственной системе в национальном масштабе.

«России — писал Ленин — в конкретной исторической чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года бы-

ло легко начать социалистическую революцию». Такими исключительно благоприятными условиями для подготовки социалистической революции были: 1) возможность сочетания лозунга социальной революции с окончанием мировой империалистической войны, вызвавшей чрезвычайную напряженность и крайнюю усталость масс; 2) возможность, по крайней мере известное время, остаться по выходе из войны вне сферы влияния продолжавших борьбу европейских империалистических групп, источавших одна другую; 3) возможность за этот, хотя бы кратчайший период передышки, приступить к внутренней организационной работе и наметить основные линии революционного строительства; 4) исключительно благоприятное положение России, благодаря огромным масштабам ее террирории и слабо развитым путям сообщений, в смысле возможной встречи с новыми агрессивными поползновениями западноевропейского империализма; 5) наличность тех же условий на случай гражданской войны; 6) возможность почти немедленного удовлетворения основных требований революционного крестьянства, не взирая на глубокое расхождение по существу между общедемократическими лозунгами крестьянства и социалистической программой партии пролетариата, захватившей политическую власть. Наконец, у революционной России был уже огромный опыт, — опыт 1905 года, когда революция была раздавлена самодержавной монархией именно потому, что она вылилась только в политическую революцию, и ее лозунги не могли поэтому всколыхнуть ни крестьянства, ни значительной части пролетариата.

Таковы были эти исключительно благоприятные условия для подготовки социальной революции. Но этот перечень благоприятных условий вскрывает вместе с тем огромную сложность и внутреннюю противоречивость линий, по которым после энтузиастского начала должна была развиваться революция. Незрелость техно - хозяйственных и политических форм таила в себе потенции конфликтов, в государственнических формах диктатуры пролетариата неразрешимых.

Позже, когда с зрелостью большевизма выросла и

потребность в большевистской науке, — Бухарин, натасканный Лениным по всем капитальным вопросам теории большевистской революции и научившийся с легкостью неиз'яснимой разрубать все трудные философские, политические и экономические проблемы — сумел подвести марксообразный фундамент революции в своей эфемерной «Экономике переходного периода». «Устойчивость частно - капиталистических систем — писал он — была прямо пропорциональна высоте государственно-капиталистической организации... Наиболее устойчивыми в гигантском конфликте должны были оказаться системы с наиболее развитой техникой, которой требовала империалистическая война... Поэтому, крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народно-хозяйственных систем, с наименее развитой государственной капиталистической организацией».

Однако, и Бухарин вслед за Лениным признал, что «после победы пролетариата, причина легкости этой победы диалектически превращается в причины величайших трудностей. Экономическая отсталость страны, громадное поле расщепленного, раздробленного, мелко - собственнического труда, в противоположность труду действительно обобществленному — все это представляет громадные препятствия для организации планомерной обще-хозяйственной системы».

Именно здесь и, конечно, еще гораздо ранее, чем были осознаны все трудности консолидации нового порядка, приходила на помощь ставка на международную революцию. Последняя, принимая во внимание высокую техно - экономическую зрелость западно - европейских капиталистических систем, казалась не за горами. В каждом движении пролетариата венгерского, берлинского, гамбургского чувствовалось приближение желанного девятого революционного вала. Он должен был развязать все трудности, сложившиеся для страны с нищенским техническим оборудованием, чудовищной диспропорцией между потребностями страны и ее производительными возможностями, окруженной враждебными капиталистическими системами. Ленин в «Тезисах о

тактике РКП», принятых 3-м Конгрессом Коминтерна 12-VII-21 года, говорил, что «получилось хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие ,что социалистическая республика может существовать, конечно, не долгое время в капиталистическом окружении».

Еще прямей и откровенней высказался он в речи о Тактике РКП, произнесенной 5-VII-21 г. — «Когда мы начинали в свое время международную мировую революцию... нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также после нее, мы думали сейчас же или по крайней мере очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или в противном случае, мы должны погибнуть... Но, в действительности, движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других капиталистических, наиболее развитых странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается... во всем мире и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия, хотя она в экономическом и военном отношениях в сто раз сильнее нас, не в состоянии задушить нас».

Однако, революция развивалась очень медленно. Шли годы. Новый тезис был поставлен на обсуждение партии — тезис о стабилизации капитализма. И большевистский стан раскололся: одни (так называемое большинство) взяли смело курс на изолированное социалистическое развитие, не надеясь более на поддержку мировой революции в ближайшие годы; другие (оппозиция) полагали, что установка на независимый от мирового хозяйства темп развития искажает все перспективы, сбивает с пути плановое руководство.

И вот еще недавно (12-10-27 года) бессменный большевистский Фигаро — Бухарин, во чтобы то ни стало желающий быть оптимистом и вместе приятным человеком, на VII Московском Губернском С'езде профессиональных Союзов, развил, по мысли не очень новую, но впервые откровенно до конца высказанную те-

орию международной революции. Он посмеялся легонько над наивными людьми, представляющими международную революцию в качестве «какого то в известной степени одновременного акта, происходящего сразу в ряде капиталистических стран в один прекрасный день»; потрепал устряловщину и, вспомнив Ленина, глубокомысленно пояснил, что мировая революция есть «эпоха революций, есть длительный процесс, есть в высшей степени длительный процесс, не только длительный, но и разнородный процесс и т. д. и т. д.». В качестве до конца убеждающих аналогий, он сослался на буржуазные революции — английскую, французскую и пр. и пр. — и успокоительно заверил, что «великий процесс революционного перехода человеческого общества от господства феодализма к господству капитализма на разных континентах и материках занял изрядное количество столетий». Конечно, тут же он оговорился, что «с международной социальной революцией будет много иначе», что «рабочий класс завершит свою революцию по всему земному шару в несравненно более быстрый срок, чем это делала буржуазия» — все же на этот раз Бухарин поостерегся устанавливать календарные сроки, тем более, что после обидных для буржуазии параллелей было уже легко перейти к шаблонной магии большевизма: об'явить, что международная революция «не есть нечто, что будет, а есть нечто, что происходит, не есть нечто только чаемое и ожидаемое, а есть сущее, не есть то, что придет через неизвестный срок, а есть то, что имеет уже место в действительности». И на самом деле, Бухарин, после этого, пред'явил послужной список международных революций, в который, руководясь правилом, что пригодится и веревочка, внес все то, что мог, — и то, что является подлинными симптомами приближающей международной революции, и то, что является заурядным продуктом органического развития буржуазного общества.

Стремясь реабилитировать во что бы то ни стало свою партию от обвинения в отсутствии революционной интуиции, Бухарин одним взмахом языка отожествил историю буржуазного общества вообще с социальной

революцией. Конечно, факт развития буржуазного общества есть процесс заострения его противоречий и приближения таким образом революции. Но самые жестокие противоречия капитализма и самые жестокие способы разрешения их не есть еще социальная революция, как принято понимать ее в теоретических исследованиях, как и в практических соображениях. У Бухарина революция всегда, везде, во всем. Это великолепный способ развязать себе и партии руки и отпустить единомышленникам все грехи по части предвидения.

Но... одно дело ждать революцию, как заострение социального процесса, опрокидывающее социальную базу через 5, через 10, через 50 или через 100 лет. Если руководствоваться правилом — над нами не каплет — можно с революцией вставать, с революцией обедать, с революцией ложиться спать и так, прожив спокойно узаконенное число лет, передать революцию в безмятежное пользование наследникам. Но в стране, где техно - экономические и финансовые рессурсы напряжены до крайности, где сохранение фасадов на предмет международной рекламы и все тех же надежд на революцию достигается за счет эксплоатации рабочих сил с одной стороны и чрезмерного же их расточения с другой — революция перестает быть ласкающим пейзажем. Она есть острая необходимость, вне которой немыслимо строительство.

Дело разумеется не в том, что самый важный основной прогноз партии оказался ошибочным, и тем более не в том, что в бухаринских фокусах больше смелости, чем чистоты и ловкости, но в том, что медленность революционного развития в Европе создаст для нас специфические трудности.

В ранний период советской истории Россия должна была одновременно на разных фронтах вести неослабную борьбу с агентами мирового империализма и просто авантюристами. Лишь с ликвидацией врангелевской армии, при том исключительно при решающей помощи революционного повстанчества Украины (махновщины) непосредственному вооруженному вмешательству во внутренние дела страны пришел конец. Позже началась

эра невооруженного вмешательства, когда планы и предположения советской власти становились игрушкой в руках владеющих командными экономическими высотами империалистов, когда советской власти, в поисках кредита и машин, приходилось жертвовать своими, годами облюбованными, принципами и при том, в конечном счете, без надлежащего эффекта. Так было, хотя бы в вопросе о признании царских долгов. Никакое оппортунистическое красноречие не замажет здесь глубокой обиды революционного самолюбия.

Не менее сложным, запутанным, даже хаотическим было и остается внутреннее положение страны.

Решительный катастрофический разрыв всей сети производственных отношений, расстройство транспорта, голод, безработица, относительная неорганизованность пролетариата, необычайная сложность и противоречивость условий крестьянского хозяйства; психология «мелкого хозяйчика», непримиримо враждебная новому советскому строю; частью добровольный, частью вынужденный «саботаж» советских учреждений со стороны технической интеллигенции; незнание местных условий и практическая неумелость партийных вождей; наконец, глубокая ненависть и недоверие масс ко всему государственному, — таковы были условия, в коих протекали первые самые трудные шаги социалистической революции.

Нельзя не отметить также особых трудностей, вытекающих из глубокой противоречивости и даже противности интересов и вожделений наиболее влиятельных в стране социальных групп.

Передовая, наиболее влиятельная в промышленных центрах, группа фабрично - заводского пролетариата, независимо от его относительной технической обще - культурной отсталости, сравнительно легко допускала возможность применения чисто коммунистических методов.

Могучая численным составом и определяющим влиянием в хозяйстве, группа крестьянства подозрительно и даже ненавистно относилась и относится ко всем попыткам коммунистической государственности опекать и

контролировать ее хозяйственную деятельность.

Наконец, многочисленная и технически влиятельная группа мещанства, включившая в себе разнородные служилые и нетрудовые элементы: от осколков буржуазии, позже нэпачей, бесчисленных «мелких хозяйчиков», до авторитетных спецов и технических агентов всех сортов и видов, — представляла весьма неустойчивую, живущую зигзагами среду, — от полного отождествления себя с коммунистическими заправилами страны, от подкоммунивания, лакейства, лизоблюдства до полного отвращения к новому режиму, до явного и скрытого саботажа.

Все эти группы жили — особенно в начале — своими установившимися бытом, профессией, способами; по своему расценивали революцию и ее дальнейшие возможности, по своему реагировали на мероприятия советской власти.

Известный теоретик анархизма, т. Боровой, был глубоко прав, когда писал уже в самом начале революции: «Не взирая на наличность мучительных антагонизмов, не взирая на то, что в стране быть может не было достаточно реальных предпосылок для революции, было поздно рассуждать о том, что бы загонять ее, преждевременную гостью, назад, обратно и ждать нового более благоприятного момента. Только слепым, тенденциозным или определенно реакционным элементам могло казаться, что революция могла быть «сделана» иначе. Революция не была и не могла быть механическим продуктом отвлеченной человеческой воли. Она была процессом, со стихийной силой вырвавшимся из нужд народа, из всей сложной совокупности условий, определявших органическое содержание его жизни».

И именно потому, что революция пришла стихийной силой, вспоенная лишениями и страданиями народа, что она не укладывалась ни в какие теоретические сметы, обманула рассчеты всех партий, она была живой, действенной, неотразимой.

Возвращение к старому хозяйственно - политическому типу, типу промышленного феодализма, было невозможно, ибо оно прежде всего шло в разрез с ве-

личайшим приобретением революции — утверждение принципиального права каждого трудящегося на достойное человека существование. Оно невозможно было и по соображениям обще-экономической логики, ибо старый хозяйственный тип имел свою собственную внутреннюю логику, напоенную содержанием, враждебным интересам свободной общественности. Он не давал места трудовой инициативе.

И мнилось, что единственно здоровый, единственно правильный путь — спасти революцию от внешних врагов, избавить ее от раздирающих ее мучительных противоречий, расширить и углубить ее содержание — заключается в обращении к непосредственной творческой инициативе трудящихся масс. Они, столетиями несшие на плечах тяжесть государственности, одни могли найти верные слова для созидания новой свободной общественности. Последняя должна была стать достойным увенчанием беспримерного революционного под'ема.

Задача революционных партий состояла в том, чтобы слить свое одушевление с одушевлением масс, передать им свои знания, свой организаторский опыт, быть на страже приобретений революции, сигнализируя массам о каждой грозящей революции опасности...

И на заре революции, независимо от путей ее победы, Ленин понимал как будто верно роль, которую должен был сыграть большевизм в утверждении и развитии революции. — «Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? Чем подкрепляется?» И на вопросы эти он сам определенно недвусмысленно ответил: «Его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой».

Однако, эта мысль уже тогда и особенно сейчас находится в вопиющем неразрешимом противоречии с духом марксизма в его официальном большевистском преломлении.

В жертву старому, мертвящему канону, утверждавшему недоверие к революционной инициативе масс, мо-

нополизирование ее за штабом патентованных революционеров, государственным централизмом, — в жертву этому канону были принесены все весенние мечтания большевизма.

На пламенный энтузиазм, на глубокую революционную напряженность, с которыми трудовые массы выступили на завоевание свободы и новых прав, коммунистическая государственность ответила политикой компромиссов и террором. Болото приспособленчества, в которое погрузилась большевистская диктатура, ядовитыми миазмами отравила революцию. Большевизм убил ее душу, убил ее моральный смысл.

Прежде всего народно-хозяйственная система, утверждаемая и охраняемая большевизмом, есть система универсальной и беспощадной эксплоатации.

На деле, по существу, а не по официальной прессе, не в утопиях, не в методологических исследованиях понятий — строй советской диктатуры есть система капитализма.

Основной признак последней — антагонистические формы социальных отношений — вычеркнут только формально, только в декретном праве. Фактически антагонизм этот живет, глубок и упорно растит бунтарские чувства. Закабаление труда, упразднение рабочего и служащего, как человека, как личности; усиливающаяся государственная эксплоатация труда, нарастающая безработица; решительная невозможность для трудящихся масс отстаивать свои интересы там, где они в чем либо противоречат директивам из центра; превращение профсоюзов в бессильный подголосок партии; беспощадные санкции против протестантов; чудовищный рост карательного аппарата; образование привиллегированных паразитических групп, выполняющих исключительно функции надзора и охраны — таковы основные черты советской капиталистической государственной системы.

Только схоласты и фанатики могут в советской форме наемничества усмотреть раскрепощение труда.

Но то же должно быть сказано и в отношении к крестьянству.

И здесь государство — универсальный хозяин, всесоюзный мироед, опутавший крестьянство крепкой сетью партийных мероприятий. И здесь — тяжелый неоплачиваемый по его действительной стоимости труд; систематическая экспроприация продуктов крестьянского труда под формой государственных заготовительных операций; обесценение крестьянского рубля; непрерывное нарастание избыточного населения; убивающая медленность сельско-хозяйственного прогресса, благодаря неуклюжему централизму большевистской политики; судорожные метания от бедняка к середняку, от середняка к кулаку и обратно; глубокое, не взирая на отдельные подачки, пренебрежение к культурным интересам деревни, относительно далекой, не мозолящей глаз; беспощадные репрессии за попытку активного или пассивного сопротивления хищнической политики диктатуры.

Ни политическая, ни экономическая эксплоатация пролетариата и крестьянства не исчезли. Изменились формы эксплоатации: прежде она была просто капиталистической, ныне, под именем «рабоче - крестьянской» власти, «советского хозяйства» — она стала государственно - капиталистической.

И вопрос, поставленный 5 лет тому назад «рабочей оппозицией» партийному руководству, остается актуальным и до сих пор: «Действительно ли мы (пролетариат) хребет классовой диктатуры, или же мы — безвольное стадо, быдло, которое служит подпоркой для тех, кто, оторвавшись от масс и угнездившись под надежную сень партийной вывески, творят политику и строят хозяйство без нашего руководства, без нашего классового творчества?».

* * *

Воззрения большевизма на государство — каноничны. Имеется законченная, общепризнанная догма государства — шедевр марксистской диалектики и вместе виртуозный вариант поэмы «Великий Инквизитор».

Догма большевизма вынашивалась еще в мансарде эмиграции, но боевое крещение получила в пору, когда страна потрясалась гражданскими войнами, а хозяйство

умирало в силу полного распада производственных связей.

Логическое «совершенство» догмы обеспечило ей «долгую жизнь». И ныне, к десятилетию, ее принципы остались «незыблемыми».

Своим заявлением: «Государство — это я», большевистская диктатура взяла на себя ответственность за революцию во всей ее исторической и моральной полноте.

Убивая общественное творчество, она отныне полагалась только на свою инициативу.

Какими же средствами большевистская диктатура полагала консолидировать социальную революцию? Какой путь избрала она, чтобы не только механически подчинить массы своей феруле, но воспитать их, вдохновить передовыми социалистическими лозунгами, вдохнуть в них, искалеченных войной, продовольственной разрухой, полицейской регламентацией, многочисленными тяжкими неудачами на внутреннем и внешнем фронтах — свежий, бодрый дух, веру в социалистическое строительство?

Что противопоставила она их первоначально так ярко горевшему революционному энтузиазму?

Две вещи были и остаются началом и концом творческой деятельности большевистской диктатуры: 1) Теория коммунистической государственности и 2) Красный террор.

В программных речах, в выступлениях и дискуссиях на с'езде, в знаменитом памфлете по адресу болеющих «Детской болезнью левизны», Ленин постепенно создал ту своеобразную доктрину коммунистического государства, которой было суждено войти в обязательное руководство партии и определить все дальнейшие ее шаги на поприще практической политики.

Это — доктрина зигзагообразной политики: «лавирования», «передышек», «соглашательств», «дани», выгодных «шагов назад», выгодных «отступлений» и «отказов» — законченная классическая теория компромиссов.

Пренебрегая «хихиканием лакеев буржуазии», Ленин в своих речах к трудовому народу звал его «лавировать», «отступать», «выжидать», «медленно строить» и пр. и пр. Не пламенный коммунизм, а трезвая коммер-

ция, выторговывающая у непобежденной еще буржуазии клочки социализма, должны были стать лозунгом момента. Воспитание в себе мещанских добродетелей, скопидомчество духа, боязнь в себе и других «вора» — вот то, что должно было войти в первую заповедь возрождавшегося народа.

В памфлете, задуманном и написанном по всем правилам партийного маккиавелизма, Ленин, пренебрегая отжившей неклассовой моралью, уподобляет тактику возглавлявшейся им партии, тактике военного вождя, не желая замечать пропасти, разделяющей их цели.

Все средства хороши, раз они ведут к победе. Есть компромиссы и компромиссы. «Вся история большевизма — поучал он «левых» немецких коммунистов, захлебывавшихся в своей революционности, — и до, и после октябрьской революции п о л н а (курсив Ленина) с л у ч а я м и л а в и р о в а н и я, с о г л а ш а т е л ь с т в а, к о м п р о м и с с о в с д р у г и м и и в т о м ч и с л е с б у р ж у а з н ы м и п а р т и я м и». И, не оставаясь голословным, Ленин подробно перечислил соглашательские шаги своей партии, начиная с соглашения с буржуазными партиями в 1905 году до принятия — уже в момент октябрьского переворота — «целиком, без изменения эс-эровской аграрной программы».

Компромисс и соглашательство, заклейменные — и столь справедливо — большевиками для всех иных фракций государственного социализма, — стали маяками, светившими путь их революционному творчеству. И эта политика погрузила их в бездны приспособленчества, лицемерия и беспринципности.

Брестский мир, аграрная политика с ее судорожными метаниями, недоуменное качание между «коллегиальностью» и единоличием; геркулесовые столбы несведения концов с концами в политике частного капитала; экспромтные и вместе беспокойные призывы по адресу западно - европейского капитализма через головы своего и иностранного пролетариата; в целом, с неслыханной беззастенчивостью применяемая система двурушничества, когда шуйца компартии сознательно игнорирует, или даже принципиально отрицает то, что делает ее де-

сница; когда с одной стороны важнейшей очередной задачей текущего момента возвещается борьба с мелкой буржуазией, а с другой стороны в ряде декретов, дифирамбически раз'ясняемых и комментируемых оффициальными публицистами, создаются техно - экономические и психологические предпосылки для воссоздания и укрепления ее же, — все это останется навсегда железным памятником насквозь противоречивой, насквозь лживой, себялюбивой, думающей лишь о самосохранении, оппортунистической политики большевистской диктатуры.

Ленин умер, но дело его живет. Оппортунистическое знамя было подхвачено верными руками и продолжает реять перед редеющими рядами старой большевистской гвардии.

В июле 1927, оффициальный орган «Правда» опубликовал трехэтажные «Заметки на современные темы» Сталина, в которых заместитель Ленина должен был китайские поражения партии превратить в китайские победы. Сталин мысленно обращается к незабвенным тактическим принципам ленинизма и иллюстрирует их удачными примерами собственной политической практики.

Все движется — даже марксистская диалектика. Ленинская диалектика «лавирования» перешла в Сталинскую диалектику «виляния». Почти с иезуитской ловкостью, Сталин ошарашивает ко всему привычную аудиторию ленинской постановкой вопроса — «каким образом лозунги для партии перевернуть в лозунги для масс?.. как и каким образом подводить массы к революционным позициям, чтобы сами массы убедились на своем собственном политическом опыте в правильности партийных лозунгов? А убеждать массы нельзя лишь одной пропагандой и агитацией. Для этого необходим собственный политический опыт самих масс». Затем следуют исторические экскурсии, и Сталин выходит из китайской авантюры победителем. Оказывается, китайские коммунисты, полгода назад, не должны были бороться с гоминдановским руководством. Почему? Потому что сладости Гоминдана не успели еще набить массам оскомину, и правильная позиция компартии должна была заключаться в

том, чтобы она, потирая руки, наблюдала, как Гоминдан, фатально исполняя свое историческое предназначение, становился все более постылым массам и без навязчивой указки коммунистов. В весьма короткий срок Гоминдан себя исчерпал до конца и вскрыл свою зловредную сущность.

В этом раскрытии гнусной природы Гоминдана, по-видимому, была повинна не столько китайская история, сколько «провокационные» бумажки оппозиции. Но о таких деталях Сталин не пишет и не говорит. Во всяком случае, коммунисты и русские и китайские получили право завопить: долой! Вопила ли китайская коммунистическая партия или русская китайскими голосами, но Сталинская политика «виляния» закончилась трагедией Кантона, и массы, руководимые «великим» тактиком приобрели тяжелый, но «собственный политический опыт», — как не следует доверять вождям, хотя бы и действующим по патентованным принципам.

Вторым методом управления был и остается террор. Террор по отношению к классовым врагам, недовольным, инакомыслящим, всем, кто не только действует, но и мыслит ортодоксально. Массы в значительных слоях — еще темны, извращены многовековым рабством, скрывают в своей толще немало индиферентных и прямых шкурников и потому они, по старинному рецепту Руссо, насильно должны быть сделаны свободными.

«Пролетарское принуждение» — писал Бухарин (особенностями своей логики и своего письма, состряпанный из двух вождей — Плеханова и Ленина) — «во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

И это, одновременно наивное и полное цинизма доктринерство, эта изуверская социальная квази-философия, сдобренная партийной педагогической указкой и нажимами «канонизированных чиновников» (выражение Шляпникова) — стали единственными методами управления в партийной диктатуре, сохранившей вывеску

«диктатуры пролетариата» для домашних праздников и международных выставок.

Итак, беспрекословная социалистическая паства, безмолвствующий народ с одной стороны, всеведующая, всестроющая партия — с другой. Неисповедимые иным пути — открыты только ей.

В стране есть только один бесспорный источник истины — государство. Но... государство есть диктатура пролетариата, диктатура пролетариата есть диктатура партии, диктатура партии — диктатура ее Центрального Комитета, диктатура Ц. К. — диктатура Политбюро, пресловутой таинственной «семерки». Наконец, диктатура «семерки» есть диктатура первой головы, сверх головы, головы из голов. На ролях сверхголовы был прежде Ленин; ныне волею большевистского провидения — Сталин. Формально, государственная азбука большевизма усвояется легко. Каждый гражданин есть прежде всего слуга государства, его чиновник, творящий волю его, если не за совесть, то за страх. Свободная инициатива личности или общества категорически вычеркивается из обихода государства. Нет иных целей, кроме целей государства. Попытки выйти из заколдованного круга должны караться беспощадно.

Советы — филиальные отделения правящей партии, советские учреждения — канцелярии, исполнители, передаточной инстанции воли центра на переферии.

Все продукции государственной жизни должны нести на себе печать коммунизма в его официальном, правительственном истолковании. Иное излишне, вредно и опасно. Последняя и высшая инстанция в суждении о правде и справедливости — Чека, ныне ГПУ. Вот аракчеевски ослепительная, большевистски законченная система казарменного единоличия, подчиняющая себе все стороны жизни, не останавливающаяся ни перед разрушением культурных ценностей, ни перед хищническим расточительством человеческой энергии. Система — подкрепляемая штыками, тюрьмами, концентрационными лагерями, административной ссылкой, расстрелами.

Террор всегда был и остается последним доводом дрожащего за свое существование правительства.

Террор соблазнителен огромными возможностями. Он дает как бы механическое решение безвыходным вопросам. Но принципы террора наносят непоправимые удары свободе и революции. Чудовищная власть одинаково развращает и губит, как ее врагов, так и ее служителей. Народ, не знающий свободы, привыкает к диктатуре. Сражаясь против деспотизма и контрреволюции, — террор становится лучшей их школой.

Правительство, вступившее на путь террора, неизбежно отрывается от масс, — оно должно с'узить до предела круг лиц, облеченных чрезвычайными полномочиями во имя его спасения. И неизбежно рождается то, что может быть названо паникой власти. Диктатор всегда труслив. Везде мерещатся ему измены и опасности. И чем страшнее деспоту, тем беспорядочнее, тем беспощаднее разит все окружающее, — не различая призраков и реально существующих вещей — его напуганное воображение; тем более сеет оно вокруг себя отчуждения и ненависти.

Правительство, вступившее на этот путь, силой внутренней логики, должно пройти его до конца.

Народ безмолвствует, а именем его идет беспощадная расправа сперва с партийными врагами, потом инакомыслящими, наконец, всеми сомневающимися в незыблемости канонов диктатуры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Советское хозяйство (НЭП)

В истории советского хозяйства есть два самостоятельных, своеобразных, глубоко отличных один от другого периода: а) эпоха военного коммунизма; б) эпоха нэп'а.

Продиктованная логикой военщины, вдохновляемая партийной догмой, политика военного коммунизма отразила в себе разом господствующие стихии времени — геронку и панику. Импровизированная, без знания страны, ее материальных рессурсов, без возможности

учета ее потребностей, без средств, управлявшая агитацией, реквизициями, казнями, парализуемая неслыханными условиями существования городов, спасавшихся от голодной смерти прорывами диктаторского плана, искажаемая мешочничеством, демагогией, классовыми подачками — политика военного коммунизма привела к грандиозной катастрофе 1921 года — вымиранию целого края, людоедству, восстаниям, и т. д., и т . д.

Предостережение было дано. Система военного коммунизма становилась угрозой для дальнейшего существования большевистской диктатуры.

Маневрирующий Ленин спешил открыть клапан. Нэп должен был, хотя временно, снять трудности, ставшие на пути диктатуры. Оффициально нэп был признан «отступлением от передовых позиций, захваченных в период военного коммунизма, на которых большевизм долее держаться не мог... Временным допущением капитализма в определенных рамках и при определенных условиях, установленных пролетарской революцией» (Микоян).

Новая система должна была создать реальные предпосылки для построения «социалистического» фундамента народного хозяйства в СССР.

Первый период нэп'а, по мысли его зачинателей, должен был быть посвящен коренной перестройке и укреплению советского хозяйства; второй — индустриализации страны, т. е. постепенному превращению страны аграрной в страну индустриальную.

Эти грандиозные задачи требовали широчайшего финансирования.

В конкретных условиях международной обстановки, расчеты на получение помощи извне были бы напрасны. Страна должна была создать собственные рессурсы, другими словами, поставить и разрешить труднейшую задачу внутреннего накопления. Однако, этот путь оставался единственным путем индустриализации страны.

Исследовать его возможности, значит, исследовать советское хозяйство.

Нэп, введенный большевиками, с одной стороны, как продукт бессилия и страха их перед требованиями и велениями подлинной социальной революции, а с другой стороны, как уступка мелко буржуазной стихии, — этот нэп разбил вдребезги каноны большевизма и вбил жестокий клин, как в линии хозяйственного строительства диктатуры, так и в психологию коммунизма, как такового. Эпохой военного коммунизма кончился героический период революции. Пришли будни. Революционер должен был сойти с привычного ему пьедестала — воина, трибуна, агитатора. Основной коммунистической добродетелью стало уменье торговать. Хороший революционер прежде всего — хороший купец. Успехи прилавка стали мерой социалистических достижений. На этой почве — рождение красного купца — выросли неисчислимые и неразрешимые противоречия. С одной стороны — красный купец, социалист, революционер, должен был помнить прежде всего о своей революционной миссии. Поднять мировой пролетариат, зажечь мировой пожар — было и оставалось священным долгом купца-коммуниста. С другой стороны, вдохновляемый лозунгом «социалистического накопления», купец-поджигатель должен был забыть классовую щепетильность. Он должен был научиться столковываться со своим классовым врагом, блюсти заключенные с ним договоры, поддерживать и развивать добрососедские отношения с матерым империалистическим хищником.

Большевизм завел по капиталистическому миру полпредства и торгпредства, стал домогаться участия в конференциях и с'ездах; подчиняясь европейским традициям, он начал облекать представителей своих во фраки и цилиндры, но рядом, восполняя миссию, забывая дипломатический язык, гремел проклятия старому миру, обличал буржуазные правительства, звал к бунту и революциям пролетариат. Кого могло обмануть это наивное двоедушие? Кого могли обмануть заверения красного купца, — когда революционные плутни его выходили наружу, — что его правительство независимо от Центрального Комитета партии, от Коммунистического Интернационала? И когда это наивное, неприкры-

тое ничем двоедушие когда то революционного большевизма, набивало оскомину трезвой, хищнически проницательной, но остающейся монолитной буржуазии, и она влетала с грубыми обысками в его торгпредства, изгоняла его полпредов, — большевизм, задетый в своих лучших чувствах честного коммерсанта, начинал вопить о нарушенном доверии, грозил предоставить Европу ее собственной печальной участи, устраивал в СССР грозные демонстрации, бряцал оружием, не взирая на смертельную боязнь войны. Можно ли придумать более верную школу лицемерия и лжи не только для непосредственных участников этой перманентной хозяйственно-политической комедии, но для партии в целом, особенно для молодых ее членов? Можно ли придумать более действительное средство для калечения души коммуниста?

Так, нэп, вырванный стихиями у большевистского догматизма, обмозгованный и оформленный всеприспособляющимся Лениным, двуликий, скользкий, трусливый, с демагогическими оглядками и демагогическими подачками, антагонистический, пропитанный насквозь противоречиями, — стал неизживаемым, раздирающим противоречием в психологии современного коммунизма.

***

При суждении о формах, характере, путях и средствах советского хозяйства необходимо иметь в виду основное капитальное соображение, которое обычно или не замечается или замалчивается советскими экономистами и политиками. Это соображение о чрезвычайно высокой стоимости социалистической формы советского хозяйства. В конкретных условиях советской действительности это соображение приобретает тем большую значимость, что хозяйство СССР вышло из революции, вызванной не органическим разложением отжившего экономического порядка, но великой катастрофой — мировой войной. Страдание и нищета, ею порожденные, стимулировали волю революционных масс, и устои старого порядка рухнули ранее, чем были возведены леса для будущей постройки. Образовался

огромный зияющий разрыв между потребностями восставшего многомиллионного народа и реальными техническими возможностями их удовлетворения.

Капиталистический режим, несмотря на все свои внутренние неразрешимые противоречия, по своим основным заданиям, — идеально прост. Он призван удовлетворять потребности верхних десяти тысяч. Остальные являются или более или менее квалифицированными орудиями производства или ложными издержками хозяйственной системы. Их участь не может беспокоить командную верхушку капитализма. Они существуют стихийной силой капиталистического накопления. Их берут на содержание, поскольку этого требует правильный ход капиталистической машины. Их вышвыривают за борт, когда они, хоть в какой либо мере становятся мертвым грузом и пробуют жить за счет капиталистического мешка.

Социалистическая форма хозяйства и, даже, так называемая, «переходная форма», строющая социализм, — выкидывает диаметрально - противоположные, глубоко обязующие лозунги: «все для трудящихся», «власть принадлежит трудящимся» и пр., и пр.

Требование не только политического, но и экономического равенства есть краеугольный камень системы.

Отныне, по букве социалистической догмы, нет человеческого стада, человеческого материала, человека — только орудия производства, человека — только ложных издержек капитализма и пр. Каждый трудящийся вправе выявить свои потребности. Нет «10.000», но 10 миллионов, 100 миллионов, весь народ.

Не будем считаться с демагогией и ее лживыми посулами. Не по силе демагогии, но по силе основных постулатов социалистического строительства дело обстоит именно так, что все люди отныне являются не только более или менее равноправными производителями, но и еще, и в гораздо большей степени, равноправными потребителями. Никто по крайней мере не смеет властно заявить, тем более откровенно проводить в системе, что важно напитать лишь отборную кучку и кучки, а на

остальных наплевать. Все должны быть сыты, все должны быть обуты, все должны проходить через школу, все должны получить книгу, больницу, пенсию и пр. и пр.

Это не все. Капиталистический режим, со свойственной ему технической гибкостью и психологическим аморализмом, непрерывно чистился от всякой плесени. Автоматически выбрасывал он отсталых, неудачников, неприспособившихся, давил их, и на трупах строил благополучие и процветание уцелевших.

Человеческие жертвы и гибель индивидуальных хозяйств его ни мало не страшили. Капиталистический режим — есть деловой режим. Сперва капиталистическое накопление, потом человеческое достоинство, человеческое здоровье, человеческая жизнь. Капиталистическое государство ни мало не смущалось чудовищным расточением человеческих сил. Человеческие резервы — безграничны. И капиталистическое государство менее всего могло брать на себя функции страхования больных и неуспевших.

Социалистическая форма хозяйства не может быть безразличной к гибели хотя бы одного хозяйственного атома. Каждый атом есть часть его собственного тела. В социализме кровеносная система — е д и н а. Если кровоточит какой либо орган, это чувствует весь организм. Поэтому социалистическая система хозяйства поддерживает и должна поддерживать, в силу сложных экономических и политических соображений такого механизма, предприятия, хозяйства, которые явно невыгодны, убыточны, которые могут быть только на консервации.

И первое — универсальное, на весь народ, расширение потребительского фонда и вынужденное консервирование, хотя бы временное, явно невыгодных для целого частей организма, непомерно повышает стоимость социалистической формы хозяйства.

Социалистическая форма хозяйства требует максимального развития производительных сил, величайшей экономии человеческого труда. Даже при наличии достаточных техно - экономических предпосылок для по-

строения социалистической формы хозяйства, потребности страны растут таким бурным темпом, с такой интенсивностью, что рост валовой продукции при известном нам уровне техники, едва ли в состоянии поспевать за ними.

В советской системе, технически крайне скудной, имеющей в себе за пределами собственно восстановительных процессов весьма скромные производственные возможности, разрыв между интенсивно и прогрессивно нарастающим потребительским спросом и техническими возможностями его покрытия — огромен и в течение известного, еще значительного, срока времени не может не затянуться...

Так, если тенденция к перепроизводству является необходимой характеристикой формы капиталистического хозяйства, тенденция к относительному недопроизводству является столь же необходимой и правильной характеристикой современного хозяйства СССР. Независимо от частных противоречий — специфических заострений товарного голода на одни товары, обратно — наличия достаточных, даже избыточных товаров, — общий закон развития по крайней мере на два ближайшие десятилетия, при условии сохранения основ системы, остается незыблемым: страна будет страдать от хронического недопроизводства.

Советские экономисты, пока весьма немногие, усвоившие эту точку зрения — имманентности советскому хозяйству недопроизводства — указали на ряд частных соображений, подкрепляющих ее: а) огромный рост рабочей силы, остающейся не у дел, усиливающей по преимуществу кадры городского населения, поднимающей спрос на промышленные товары (текстиль, обувь, посуда) и являющейся по существу чистым потребителем; б) систематический рост удельного веса фонда заработной платы, в общей стоимости ежегодной продукции, обусловленный: 1) большим расходованием рабочей силы на единицу продукта, 2) ростом начислений на основную заработную плату, составляющих к 1927-28 текущему году до 30% к общей сумме заработной платы; в) тенденция, в виду острой дефицитности, к на-

турализации запасов и в деревне (зерно, лен) и в городе (ходовые промышленные товары); г) политика цен, ориентирующаяся на систематическое снижение и тем стимулирующая чисто потребительский уклон (в городе). Так, крайняя дороговизна буржуазно - социалистической или государственно - капиталистической системы советского хозяйства, даже не принимая во внимание относительной огромности ее расходов при бедности общих рессурсов на политику внешнюю и внутреннюю, на чудовищный партийный экономически мало или вовсе непроизводительный аппарат — обусловливает хроническое недопроизводство, хроническое недопотребление, постоянный разрыв между потребностями, устремлениями и реальными возможностями. И катастрофа хлебозаготовительной кампании 1927 года, провал зернового экспорта, героически-паническое решение правительственной власти оголить города от промышленных товаров, снять все возможное с сектора рабочего и перенести на сектор деревенский, переход на местах под шумок к принудительной разверстке и практике заградилок эпохи военного коммунизма — помимо просчетов урожаев, просчетов запасов, просчетов денежных рессурсов крестьянства, помимо непредвиденной пестроты географии урожая 1927 года, помимо сокращения посевной площади пшеницы, помимо слабости урожая в пшеничных районах, помимо непредвиденного роста самогоноварения, помимо затяжной распутицы, помимо опасений за состояние озимых посевов, помимо разрыва цен на зерновые хлеба и цен на интенсивные культуры и продукты животноводства, помимо пресловутых «внеэкономических» факторов, помимо, наконец, слабости партийного нажима, обусловленной отвлечением всего аппарата на борьбу с оппозицией и прочих бесчисленных «помимо», привлекаемых со всех сторон для установления преступного стрелочника — были обусловлены прежде всего одной общей универсальной причиной, причиной всех советских бедствий — разрывом между производством и потреблением, предложением и платежеспособным спросом, в частности, невозможностью противопоставить

сельско-хозяйственной товарности промышленного эквивалента.

Мы подошли вплотную к проблемам советской экономики.

А. УЧЕТ

Что такое социалистическое хозяйство? Общеизвестна формула Ленина, если и неисчерпывающая хозяйственной природы социализма в стране с огромным преобладанием аграрных отношений, то дающая в целом правильную характеристику порядка, ориентирующегося на социализм.

Социализм — это советская власть плюс электрификация. Другими словами социализм есть классовая гегемония пролетариата, строющая свое хозяйство на базе всестороннего учета и максимального развития крупной машинной индустрии. В этой формуле, помимо темы чисто политической, есть две темы, слагающие основное содержание экономической политики момента: учет и электрификация, ибо оптимальное развитие крупной индустрии необходимо, по мысли советского законодателя, базировать на последней.

Проблема учета есть, таким образом, важнейшая проблема советской организации хозяйства. Надо отдать справедливость советской власти, что она употребила серьезные усилия для того, чтобы проблема эта, не взирая на ряд крайне неблагоприятных условий, получила всестороннее разрешение. Все центральные и высшие учреждения страны — народные коммисариаты, государственные плановые комиссии, Центральное Статистическое Управление, синдикаты, об'единяющие сбыт товаров производственных трестов, кооперативная система, товарная биржа — словом, все планирующие, регулирующие и даже просто хозяйственные учреждения, имеют свои органы учета, свою собственную корреспондентскую сеть, свои статистически - экономические отделы для соответствующей обработки специальных материалов, свои кон'юнктурные обзоры или специальные кон'юнктурные заседания.

Эта грандиозная система увенчана Центральным Статистическим Управлением и государственно - плано-

вой комиссией СССР, концентрирующими весь материал, собранный и систематизированный другими учреждениями, и строющими на основании их синтетические государственные директивы. Так, Центральному Статистическому Управлению, помимо необ'ятной текущей работы, принадлежит постоянная работа над «балансом народного хозяйства Союза ССР». Государственной Плановой Комиссии СССР — экономическое районирование СССР*), контрольные цифры 25-26 года, 27-28 года, пятилетний перспективный план (26-27 - 30-31 годы), подготовка генерального плана на 10-15 лет и т. д.

Как же понимает высший учетный институт свою основную задачу? «Построение перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент — пишет один из авторитетнейших руководителей гос. - плановой комиссии СССР — есть задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные рессурсы страны, которая в оптимальной степени, обеспечивала бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма». И далее: «задания должны быть достаточно конкретны, для чего они даются в цифровых коэфициентах и должны быть в достаточной степени реальны, для чего их необходимо во всех частях согласовать между собой цепною связью взаимной их зависимости и строго сообразовать с наличными рессурсами страны и реальными возможностями ее развития»... «В процессе строительства мы в любой момент сможем в случае нужды сманеврировать сообразно обстановке этого момента, изменить их в той или иной части».

Таковы задачи высшего планового учреждения страны. В какой же мере обеспечена реализация его предложений, в какой мере самостоятельны его выво-

---

*) Экономический район трактуется, как завершение энергетического комбината.

ды? Здесь встает трудная и сложная проблема революционного строительства .

В своеобразной хозяйственной системе, именуемой нэп'ом — новой экономической политикой — представляющей сочетание частно - хозяйственных стихий с государственно - плановым обобществленным сектором работы, общие законы политической экономии, категории ценностей, прибыли, а, следовательно, и прибавочной ценности, умирающие при господстве социалистических порядков, продолжают жить и без особых последствий отменены быть не могут.

Большевизм, утверждающий себя, как ортодоксальный марксизм, революционный марксизм, ленинизм и т. д., пытается, однако, уже сейчас в общественной системе, в огромной мере носящей характер безпланового, неорганизованного способа производства и обмена, — не считаться с типами закономерностей, слагающихся на основе действий закона ценностей. Другими словами — пытается похоронить политическую экономию и ее принципы, заменив ее непосредственно принципами социальной технологии, пригодной лишь в законченном социалистическом обществе.

Экономика в любом марксизме, не исключая большевистского, долженствующая служить базой общественной системы в целом, обусловливающей своим своеобразием все формы общественного сознания, в том числе и политического, — об'является, таким образом, уже в условиях нэп'а подчиненной политике.

Политическая мысль партийного авангарда, советской верхушки, засевшей в Кремле, диктует экономику. Учет экономических показателей и эксплоатация их в том или другом направлении становится в зависимость от требований политической догмы или политической необходимости. Декрет и экономический закон становятся тождественными.

Именно эту мысль пытается выразить государственно - плановая комиссия рядом с отчетливой формулировкой своих заданий, приведенных выше: «Работа гос.-плановой комиссии в построении перспективного плана чрезвычайно облегчена, ибо совершенно определен-

ная целостная система экономической политики дана нам уже в готовом виде в постановлениях директивных органов страны, которые нам остается лишь надлежащим образом развить и конкретизировать». Так, Госплану —его учету, его методам, его материалам, его выводам предстоит в виде властных неустранимых директив «совершенно определенная, целостная система экономической политики». Госплан должен уметь, как в целом построении, так и в любом отдельном случае, сбалансировать реальные факты с предложенным ему политическим планом.

Последний, помимо требований собственно национальной экономики, диктуется сложным комплексом внешних взаимоотношений, политическими процессами капиталистического мира, требованиями политической пропаганды и просвещения, необходимостью демагогических подачек и пр., и пр., и пр. И в этой пестрой разнородной обстановке не всегда улавливается грань между реально выполнимым и утопией, которой суждено разбиться о колючую и трезвую действительность.

Факты умеют быть упрямыми; подчас не просто их одеть в придуманную для них политическую ткань. Факты выпирают, ткань трещит, проблема безкризисного расширенного воспроизводства производительных сил становится неразрешимой.

Там, где при резкой товарной дефицитности, цены велением регулирующих органов, СТО*), с'ездов — стремительно ползут вниз; там, где при наличии значительных товарных рессурсов, цены под влиянием специфических стимулов (экспортной политики) упорно лезут вверх; там, где самые резкие перемены в финансовом положении торгующих, под влиянием административного воздействия, не получают непосредственного отражения в условиях расчета контр-агентуры — там, очевидно, естественной сигнализации экономики не существует, социалистический учет становится беспоч-

---

*) СТО — Совет Труда и Обороны — высшее и влиятельнейшее правительственное учреждение страны.

венным гаданием, прогноз планирующего органа — знахарством.

И в результате — бесчисленные и грубые просчеты Центр. Статистического Управления, Госплана, требующие немедленно по опубликованию их генеральных планов, контрольных цифр и пр. — серьезнейших поправок. Не только пятилетка Госплана, но и его контрольные цифры на 27-28 год уже сейчас требуют радикальных переделок, передвижек в сроках от одного до двух лет. По недавнему собственному признанию Центр. Статистического Управления, при исчислении им посевной площади 1920 года, была сделана ошибка (недоучет) до 30%. «Пятилетка», т. е. план, рассчитанный на ближайшее пятилетие, по верному выражению одного из ее коментаторов, является «отрезком партийной программы на данный срок».

Этот директивный момент, стремление всегда и везде подчинить жизнь партийной догме, — доминирует во всех трудах органов социалистического «учета», призванных прежде всего именно к уловлению и выявлению основных тенденций жизни.

И экономика, поскольку желают обратить ее уже в настоящих условиях, в продукт волеиз'явления командных политических высот, неизменно мстит за пренебрежение ее законами.

Пренебрежение реальной экономикой есть только одна сторона дела. Другая и столь же важная — заключается в намеренном, тенденциозном извращении — в интересах принятого политического курса — органических тенденций хозяйственного развития в данных конкретных рамках, нарушением его естественных пропорций. Здесь источники тяжких конфликтов, грозящих равновесию экономической и политической системы в целом. Таково в течение ряда лет принципиальное игнорирование нужд сельского хозяйства, сознательное принесение в жертву его интересов интересам усиленно форсируемого курса на промышленную индустриализацию*).

---

*) Самые скромные попытки на критику партийной политики в

Требования социалистического учета парализуются, наконец, еще трудностями об'ективного порядка. Эти трудности заключаются в особой динамичности форм советского хозяйства, в сложном переплете его восстановительных и реконструктивных элементов.

Материалы, поступающие в высшие правительственные учреждения, приходят со значительным запозданием; обработка их, в виду исключительной обширности территории, разнообразия хозяйственных условий, примитивной техники первичной обработки материала и пр. — затягивается на долгие сроки. В результате, к тому моменту, когда получается законченное отображение действительности, оно перестает быть таковым и вводит в заблуждение планирующие и регулирующие учреждения нередко по вопросам первоклассной важности. Отсюда проистекают также многочисленные ошибки, уничтожающие первоначальный смысл крупных плановых работ.

Сюда же надлежит присоединить и громоздкость, неуклюжесть чрезмерно централизованного правительственного аппарата. И только в редких случаях кон'юнктурным регулирующим учреждениям удается относительно точно диагностировать создавшееся положение. Однако, исключительная неповоротливость правительственной машины уничтожает все выгоды положения. Установление тревожного симптома вызывает иногда немедленно реакцию высших правительственных инстанций, но пока идут — проработка в отделах народных комиссариатов, согласование, увязка, внесение в Госплан, СТО, когда, наконец, выносится соответствующее мероприятие, — оно оказывается фатально запоздавшим и нередко, в силу изменившегося положения за 3-4, а иногда и более месяцев, оказывается не только не исцеляющим отмеченное зло, но, наоборот, еще более усугубляющим его. Так обстоит дело в СССР с пер-

---

этом направлении встречаются ожесточенным улюлюканием. Так называемое «неонародничество» подвергается беспощадной травле, как «кулацкое». Отношение к «оппозиции», стоящей как раз на противоположной точке зрения — общеизвестно.

вой частью формулы Ленина, намечающей основные вехи социалистического строительства.

Обратимся ко второй ее части.

В суждениях о советской экономике у всех советских экономистов и публицистов, даже и не зараженных зоологическим патриотизмом, неизбежным отправным пунктом стало указание на неслыханный темп развития советской индустрии, беспримерный, неизвестный истории других стран, рост ее восстановительных процессов, энергичную тенденцию реконструкции и пр.

Головокружительные цифры, словесные дифирамбы, ошеломляя паству на пленумах, конференциях и с'ездах — дают картину редкостного благополучия, создают иллюзию неуклонного, неудержимого шествия вперед на всех парах, к царству подлинного социализма.

В этой полуистерической атмосфере давно сложилось убеждение, что стабилизовавшийся капитализм Европы должен посторониться, что в чудесном беге СССР вперед, ему не страшны никакие помехи, что социалистическое хозяйство, вопреки всяким прогнозам, стихиям и погодам, может быть и будет построено в одной стране и только собственными силами.

Но спустимся на мгновение с командных высот, где так легко кружиться советской голове, и присмотримся к реальной будничной действительности.

Прежде всего, сопоставление темпов хозяйственного развития капиталистической Европы и СССР без учета их хозяйственного своеобразия, является методологически неправильным.

Констатируя чрезвычайную энергию восстановительных процессов в СССР по сравнению с послевоенным развитием Европы, необходимо одновременно считаться не только с различными ступенями хозяйственного развития отдельных стран, являющимися отправными точками для сравнения темпа их дальнейшего движения, но и с качественными различиями их характера строительства.

Представляется бесспорным, что страна, хотя бы исключительно богатая техно - экономическими рессурсами, но органически последовательно и постепенно

развивающая основные предпосылки своего хозяйственного типа, дает менее энергичный темп движения, чем страна технически отсталая, но радикально перестраивающая свою основную базу и делающая первые завоевания в новых сферах общественного труда.

Бурный рост хозяйств последнего типа есть прежде всего свидетельство их молодого возраста. Каждый шаг здесь по отношению к прошлому явится подлинным открытием, своего рода революцией.

Самое скромное техническое приспособление первобытного периода хозяйства знаменует собой нередко целую эпоху. Наоборот, страна, достигшая значительной техно - экономической зрелости, идет по преимуществу, по пути качественного улучшения хозяйства, интенсификации ранее сделанных приобретений. Скачки, резкие отрывы от вчера к сегодня, свойственные незрелым форма хозяйства — здесь невозможны.

Развитие хозяйства СССР, приостановленное эпохой империалистической и гражданской войн, шло в исключительно энергичном темпе впереди восстановления индустрии, оставшейся наследством довоенного порядка. Последовательный рост загрузки предприятий, первоначально просто брошенных, в зависимости от усилия снабжения промышленности сырьем, капитальных вложений, возвращения и подготовки квалифицированных рабочих — дал картину почти волшебного развертывания хозяйства. Восстановительный период был чреват неожиданными и крупными сюрпризами. Перевод заводов с консервации на действующее положение, даже при наличии весьма слабой техники и крайне низкой производительности труда, давал крупные приращения валовой продукции и, следовательно, народного дохода. Но по мере приближения к довоенному уровню хозяйства, с исчерпанием возможностей старого технического оборудования, с необходимостью перехода к реконструкции, — темп хозяйственного роста резко падает и последовательное его замедление становится естественно законом дальнейшего развития.

Пятилетка Госплана, по должности болеющая оптимизмом, приведя цифры, характеризующие движение

народного дохода в целом: 1913 г. — 14.538 миллионов руб. (100%), 1925-26 год — 13.757 мил. руб. (94%); 1930-31 год — 19.989 мил. руб (137,6%) — тем не менее замечает: «кстати сказать и капиталистические страны на заре своего развития росли быстрее нынешнего, напр., те же Соединенные Штаты в 1860 по 1870 год увеличили свой народный доход на 85%, а, скажем, за время с 1840 по 1850 год народное богатство их умножилось по физическому об'ему даже на 140% за одно десятилетие». При неизменном росте общих размеров капитальных вложений: 1925-26 г. — 811 миллионов руб.; 1926-27 год — 1.068 миллионов руб.' на 1927-28 год — 1.193 мил. рублей, — кривая роста промышленной продукции не отмечает такой последовательности: 1925-26 г. — 40% к предшествующему году, 1926-27 год — 19,6%, 1927-28 г. — 22,7%.

Помимо несостоятельности чрезмерно поспешных и оптимистических заявлений о головокружительности нашего хозяйственного развития, в плане его восстановления, с чисто методологической точки зрения подобные утверждения противоречат данным наиболее серьезных ответственных официальных источников.

Вот данные о масштабах движения валовой продукции:

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ (в миллионах рублей по довоенным ценам)

(В. Г. Громан. — Сист. контр. цифр 27-28 г. «Плановое Хозяйство» 1927 г. № 10).

Годы	Промышлен.		Сельск.-хоз.		Всего	
	Абсол.	В % к 1913 г.	Абсол.	В % к 1913 г.	Абсол.	В % к 1913 г.
1913	7700	100,0	11.670	100,0	19.370	100,0
1925 - 26	6876	89,3	11.150	95,5	18.026	93,1
1926 - 27	7820	101,6	11.580	99,2	19.400	100,2
1927 - 28	8870	115,2	11.926	102,2	20.796	107,4

Согласно этим данным, мы имеем для 1926-27 года незначительный перевес по промышленной линии и не-

которое отставание по сельско-хозяйственной. В целом, 1926-27 год стоит на уровне 1913 года. Авторитетный работник Госплана — В. Г. Громан, приводя эти цифры делает примечание, что «цифры 1913 г. заимствованы из последних публикаций ЦСУ, по меньшей мере на 10% менее действительных данных этого периода; следовательно, понижение было более значительное, а современный уровень менее высок, чем это показано в таблице».

Не останавливаясь на этой поправке, не вносящей каких либо решающих изменений в общую картину движения, попробуем расшифровать скрытое за слишком общими и неопределенными в интересующем нас смысле терминами — промышленность и сельское хозяйство.

Курс на индустриализацию с самого начала — и вполне правильно — понимался у нас не как курс на развитие промышленности вообще, но как курс на развитие тяжелой промышленности, по преимуществу (топливная, металлич. индустрия), на развитие производства средств производства, собственного машиностроения (Сталин, 18-IV-26 г.).

Здесь мы, к сожалению, сталкиваемся с невероятным хаосом цифр, о которых мы говорили выше.

Нет ни одной цифры, хотя бы приблизительно окончательной. Самая истинная — самая последняя; каждый день приносит новые и весьма значительные статистическо-экономические сюрпризы.

Возьмем самые последние и самые выгодные, с точки зрения советского хозяйства — цифры производственно - финансового плана на 27-28 год, опубликованные в советской прессе уже в феврале 1928 года. (Сабсович. — Предпол. разв. промыш. в текущем хозяйств. году. Производ. - финансовый план на 27-28 год Т. П. Г. 8-III-1928 г.). Этот сводный производственно-финансовый план, или, как называют его в СССР, промышленно-финансовый план, вносит ряд капитальных поправок в незадолго перед этим опубликованные контрольные цифры высшей госплановой комиссии, поправок, вносящих радикальные изменения не только в количественной, но и качественной характеристике динамики советского хозяйства.

Основные изменения заключаются в следующем. Промышленно - финансовый план констатирует: 1) значительно более высокий темп роста производства; 2) резкое изменение соотношений между развитием тяжелой и легкой индустрии, вернее, между производством орудий и средств производства и производством предметов непосредственного потребления. В то время, как темп роста производства орудий и средств производства несколько ниже в 1927 и 28 г., чем в 1926-27 и предшествующих годах, темп роста легкой индустрии выше. За три года с 1925-26 г. — впервые рост легкой индустрии, вопреки общей тезе об индустриализации, превышает рост тяжелой индустрии; 3) чрезвычайно большой и все ускоряющийся темп роста местной промышленности, определивший по существу общий рост валовой продукции, планируемой ВСНХ промышленности. Этот рост местной промышленности об'ясняет и резкий перелом в росте легкой индустрии, и тот факт, что рост легкой индустрии обгоняет рост тяжелой индустрии. Последняя в местной промышленности играет сравнительно скромную и относительно уменьшающуюся роль. Наоборот, в легкой индустрии местная промышленность получает все более решающее значение.

Самые цифры валовой продукции таковы:

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ПЛАНИРУЕМОЙ ВСНХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

	В миллионах рублей			В % к предыд. году			
				По плану		По к. ц. на	
	25-26 г.	26-27 г.	27-28 г.	27-28 г.		27-28 г.	
Группа «А» (орудия и средства произв.)	2.745,3	3.466,7	4.253,7	126,3	122,7	124,4	119,0
Группа «Б» (легкая индус.)	4.442,1	5.121,0	6.500,0	115,3	127,0	114,8	119,0
Вся план. пром.	7.187,4	8.587,7	10.753,7	119,5	125,2	118,9	117,6

Приняв эти цифры временно, как незыблемые, отметим прежде всего важную тенденцию, стихийно ут-

верждаемую хозяйством, вопреки оффициальным планам и курсам — более быстрого темпа роста легкой индустрии по сравнению с ростом темпа тяжелой. Этим существенно изменяются фактические успехи курса на индустриализацию, как на процесс систематического роста удельного веса тяжелой промышленности страны.

Далее, неожиданный рост легкой индустрии, обусловленный столь же неожиданным ростом местной промышленности, свидетельствует, что хозяйственные успехи с фронта тяжелой индустрии, по преимуществу центральной и общесоюзной, перемещаются на отдельные республиканские фронты, где они питаются не столько «революционной волей» и планами центрального правительства, сколько инициативой и усилиями местного хозяйства. Здесь надлежит отметить, хотя бы успехи кустарей, форсирующих свое производство, невзирая на колоссальные трудности, а иногда и невозможности их снабжения сырьем, ведущие к заготовительному ажиотажу и дезорганизации рынка.

Наконец, успехи тяжелой индустрии надо признать все еще весьма слабыми, не могущими еще хоть сколько нибудь идти вровень с потребностями не только реконструкции, но и восстановления.

ЦИФРЫ РОСТА ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ПРОМФИНПЛАНУ В СРАВНЕНИИ С КОНТРОЛЬНЫМИ ЦИФРАМИ ГОСПЛАНА ДЛЯ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ таковы:

	В миллионах рублей			27-28 г. в % к 26-27		Рост за 2 года	
	25-26	26-27	27-28	По плану	По контр. цифрам	По плану	По контр. цифрам
Топливная	715,5	894,5	1046,4	117,1	118,6	146,4	147,9
Горно - добыв.	32,8	42,5	57,8	135,7	134,3	175,7	169,6
Металлопромыш.	1177,3	1493,5	1849,8	123,8	119,0	156,9	156,2
Электропромыш.	110,1	151,3	224,2	108,0	134,3	202,8	184,9
Строит. - матер.	563,7	707,8	828,3	118,2	113,4	147,1	135,9
Химическая	145,6	177,1	247,2	139,5	128,2	169,2	160,8
Итого	2745,3	3466,7	4253,7	122,7	119,0	155,0	148,6

Большее, однако, значение, чем рост валовой продукции, для наших целей имеет рост товарной массы, а также степень приближения к довоенному уровню или преодолению его.

Прирост товарной массы тяжелой и легкой индустрии характеризуется следующими цифрами за два последние года:

	26-27 г.	27-28 г.	Разница в приросте в 27-28 г. к 26-27 г.
Группа «А»	545,9	472,4	— 73,5
Группа «Б»	315,4	836,0	— 520,6
Вся плановая промышл.	861,3	1038,4	— 447,1

Таким образом, значит, рост товарной массы по всей планируемой промышленности имеет место исключительно за счет прироста легкой индустрии и, наоборот, отмечает довольно значительное падение по тяжелой (каменноугольной, нефтяной, металлич., строит. матер.) при увеличении только электропромыш. (и химической), не взирая на абсолютный рост продукции — для металла в 350 миллионов руб., топлива около 150 мил. руб., строит. матер. около 120 мил. руб., электротехнич. около 75 мил. руб. и химической около 77 мил. руб. Этот расчет дает оптимистический Промфинплан. Контрольные цифры Госплана намечали снижение по приросту товарной массы по группе тяжелой индустрии на 54,5 мил. руб., между тем, как Промфинплан дал увеличение на 93 мил. руб. (из них по металлу 71,6 мил. руб.). Достигнуты ли довоенные уровни?

Для топливной промышленности — да. Для металлургии — нет. Валовая продукция топливной промышленности превысила довоенный уровень уже в 1926-27 г. Добыча угля в 1913 году выражалась в 28.900 тысячах тонн, в 1927-28 г. — 37.100 тысяч тонн, нефти — 9.215 и 10.191 тысяч пуд.

Металлургическая продукция в 27-28 году не выйдет еще из стадии восстановительных процессов. Кон-

трольные цифры Госплана на 27-28 год определяют валовую продукцию в %% к 1913 году — а) для чугуна в 26-27 г. — 70,5%, в 27-28 — 82,3%; б) для металла в 26-27 — 76,3%, в 27-28 г. — 85,2%.

По данным Главметалла в 27-28 году выплавка чугуна составит 80% довоенного, производство мартэна 87,6%, проката — 81%.

Таким образом, восстановительное десятилетие не дало довоенного уровня в той исключительно важной отрасли хозяйства, которая уже в довоенных условиях почиталась, справедливо, весьма отсталой.

Черная металлургия определенно дефицитна. Только в 1929-30 или 30-31 г. г. довоенный уровень будет превышен.

Относительная слабость развития не компенсируется и капитальным строительством, являющимся по определению Госплана — «центральной проблемой перспективного и годового планирования».

И здесь в капитальном строительстве реконструктивный характер выражен пока весьма слабо. Наиболее сильно сказывался он в областях, бывших в условиях довоенного хозяйства на низком техническом уровне — электрификации, нефтяной промышленности.

За четырехлетие с 24-25 по 27-28 год основные массы затрат были направлены на существующие предприятия (капитальный ремонт — переоборудование и расширение*), на новое строительство были отданы относительно незначительные суммы.

---

*) В. Г. Громан так оценивает положение: «преобладающее направление принадлежит еще восстановительному процессу; реконструктивные наши начинания мы вынуждены подчинять требованиям восстановления, т. е. восполнять устаревшие части и тем невольно ослаблять эфективность новых элементов оборудования, так как им приходится равняться по всей совокупности старых производственных условий». (Плановое Хозяйство» № 10). Далее, он, однако, указывает, что эта зависимость реконструктивных начинаний от требований восстановительного процесса последовательно ослабевает.

Вот данные о капитальных вложениях в промышленность:

	Абсолютн. в мил. р.			В %% к итогу		
	25-26	26-27	27-28	25-26	26-27	27-28
Капит .ремон.	157,0	112,0	131,0	19,4	11,3	11,2
Переоб. и расшир.	447,0	568,6	640,0	55,1	57,3	54,9
Новое строит.	100,3	205,4	289,0	12,4	20,7	24,8
Жилстроительст.	106,7	106,8	106,0	13,1	10,7	9,1
Итого	811,0	992,8	1166,0	100,0	100,0	100,0

Наименее реконструктивный характер носили вложения в транспорт (преимущественно ремонт и восстановление на прежней технической базе), угольн. промыш. и особенно метал. промыш. Недостаточное развитие транспорта есть серьезнейшее препятствие не только к дальнейшему развитию сельского и промыш. хозяйства, но и общему культурному под'ему страны. Между тем, транспорт в ряде капитальных наших фондов занимает более чем скромное место. За последние 4 года фонды промышленности выросли на 32,7%, сел. хоз. — на 19,6, транспорта на 6,2%.

Неудивительно, что ближайшие перспективы и в пятилетке Госплана представляются крайне неутешительными: «Работниками по генеральному плану установлено, что для сохранения современной степени обслуживания СССР железными дорогами необходимо к концу 1941 года иметь сеть общим протяжением 120 тысяч километров, следовательно, к концу 31 года сеть должна была бы быть не менее 90.800 километров. На самом деле к концу 31 года протяжение сети будет всего 82.600 километров, т. е. мы будем иметь даже некоторое понижение обслуженности, которое придется наверстать усиленной постройкой ж.-дорог уже за пределами пятилетия».

Бедность советской системы техническими и денежными рессурсами обусловливает еще на ряд лет крупный дефицит металла. В 1913 году этот дефицит исчислялся в 20% от всего отечественного производства (Озерск. «Правда» — 27-X 27 г. № 246). В 26-27 году

баланс черных металлов при заметном снижении норм душевого потребления был сведен с дефицитом в 15-16% от потребности, в 27-28 г., несмотря на ожидаемый прирост валовой продукции черной металлургии, на 13,6 (товарной — на 12,3%), а планируемой промышленности на 17,6% — дефицит в металле предположен в 22,6%. И лишь при выполнении производственной программы на все 100%, что весьма сомнительно, и восполнением отпуска резервными, абсолютно необходимыми на случай аварии и пр., дефицит может быть снижен на 17,5%.

Для отдельных групп потребителей намечены следующие нормы насыщения: для транспорта — 89,1%; металлообраб. пром. — 82,6%; элоктростр-ва и прочих отраслей пром-сти — 77,2%; широкого рынка — 62%.

Таким образом, ни в области металлургии, ни в области металлпром. истекшее десятилетие не принесло решающих успехов. Страна все еще сидит на голодной норме, на которой ее застала империалистическая война.

Положение усугубляется еще и тем, что по указанию руководителя Всесоюзного Металлургического Синдиката — «из года в год продолжается ухудшение положения металлургии с оборотными средствами», в виду отсутствия планового и достаточного банковского кредитования. Отсутствие последнего определяется, разумеется, не только несообразностью или не желанием дать, но и невозможностью дать. Наконец, что по техно-экономичес. соображениям могло бы быть естественным выходом из создавшегося положения — усиление импорта чугуна, черного фабриката (кровля, мелкая сортовка и т. д.) противопоказуется соображениями валютного характера. В результате, как для промышленности, потребляющей металл, так и для широкого рынка упрочивается положение хронического голода. Неудивительно, что председатель Всесоюз. Метал. Синдиката, компетентный судья в вопросах черной металлургии, высказался в том смысле, что «при растущем потребительском и особенно производственном спросе отсутствие черной металлургии становится угрожающим для всего дальнейшего развития народного хозяйства.

В пятилетке Главметалла, хотя и проектируется опережение роста производства над ростом потребности, но интенсивное, в начале пятилетия, оно прекращается к концу его, и в 31-32 г. г. потребность в черных металлах увеличивается на 10%, а производство на 7% (соответственно машиностроению — 9 и 8%), т. е., дефицитность в этой отрасли хозяйства не только не уменьшается, а наоборот возрастает*).

Степень удовлетворения потребности в 31-32 г. в текстильных машинах выразится у нас в 55%, разных оборудов. — 43%, тракторах — 21%.

Степень удовлетворения сел.-хоз. в целом в 31-32 г. дойдет до 83%, т. е. останется заметный дефицит, несмотря на то, что затраты крестьян. хоз-ва на сел. хоз. машины при крайней изношенности ничтожны. В 25-26 г. расходы на крупный сел.-хоз. инвентарь выразились в 5 р. 52 к. на двор или 1 р. 05 к. на душу, что равняется приблизительно 75% довоенного и только в 27-28 году средства, расходуемые крестьянским населением на приобретение с.-хоз. инвентаря, превзойдут довоенные.

Между тем, западно-европейские показатели свидетельствуют нам о чрезвычайной энергии восстановительных процессов в области металлургии. Производственный аппарат даже такой истощенной и ограбленной страны, как Германия, уже превзошел довоенные нормы.

Советский и партийный обозреватель мирового хозяйства, свидетельствует в статье, написанной к десятилетию Советской диктатуры, что «в Европе рост продукции уже повсюду опередил уровень 1913 года». Продукция стали в авг. 27 г. в отношении к 13 году (месяц весьма невыгоден для Англии и Соед. Штатов) дала прирост для Англии — 0,4% (самый низкий месяц года, наиболее высокий март дал — 48,7%), Франции — 16,5%,

---

*) Н. Н. Добровольский. — Строительство новых заводов метал. промыш. «Металл» Орг. Мет. ВМС и ВМТС 27 г. № 5 ст. 8.

Серебровский. — Препятствия металл. пром.-сти. Там же, стр. 5.

С. - Штатов — 35%, Германии — 40%, Италии — 95,8 % *).

Поэтому, безответственны, де́магогичны были тезисы Рыкова к XV партконференции, одобренные Политбюро ЦК ВКП в 1926 г., гласившие, что «голод на промтовары будет иметь место и в текущем хозяйственном году, однако, нет оснований... предполагать его обострение».

Еще больший оптимизм обнаружил преуспевающий чиновник СТО — Кактынь, напечатавший в конце июля 27 г. в «Правде» победоносную статью «О хозяйственных итогах двух последних лет».

В этот период, когда печаталась статья Кактыня, после июньского перелома были дефицитны уже все влиятельные товарные группы — текстиль, металл, кожа, строит. материал. Факторы внеэкономического порядка психологически (слухи о войне) создали панику на продовольственном фронте. В августе-сентябре крупнейшие синдикаты, кооперативная система, биржи, Госплан — говорили о подошедшем вплотную товарном голоде. Стерлись представления сезонности; товар брали в любом ассортименте, любого качества, по любой цене, по любым условиям расчета.

Но не унывающий Кактынь, горевший желанием побить оппозицию во что бы то ни стало, писал, что «все измышления и художества оппозиции не могут опровергнуть того важнейшего факта, того важнейшего итога истекающего хозяйственного года (26-27), который сводится к постепенному, планомерному изживанию товарного голода».

Что это? Глупость? Трусость? Ортодоксальная политика?

После этой беглой характеристики одного из важнейших участков хозяйства, ориентирующегося на индустриализацию, небесполезно вернуться к формуле Ленина и оценить успехи СССР на ответственнейшем

---

*) В. Г. Громан. — Деревня и металл. «МЕТАЛЛ» орган Мет. ВМС и ВМТС, 27, № 5.

фронте социалистического строительства — электрификации.

Б. Электрификация.

Электрификация в планах советского хозяйства справедливо занимает исключительное место.

«Электрификация» — писал руководитель ее Кржижановский — является и движущим и завершающим началом реконструкции общей энергетики страны, наиболее совершенным методом под'ема ее общей работоспособности»... и далее — «Неизбежная непримиримость по отношению к нам капиталистического окружения вынуждает нас обратить сугубое внимание на организацию нашего собственного внутреннего рынка и на строительство такого хозяйственного комплекта, который обеспечил бы нам и оборону и дальнейший хозяйственный под'ем «своею собственной рукой». Отсюда неизбежность нажима и на тяжелую индустрию и на производство средств производства, как на центральный момент нашей общей трудо-и обороноспособности».

Правильность этих положений бесспорна. Но вот наиболее достоверные данные о советской электрификации:

	23-24	24-25	25-26	26-27	27-28	28-29	29-30	30-31
Работа в мил. кил. час.	897	1132	3220	4112	5325	6737	8349	10062
В % к предшеств. году	—	126,2	284,4	127,7	129,5	126,5	123,9	120
На душу населения	—	25	—	—	—	—	—	75

Таким образом, к концу пятилетнего периода, обнимаемого перспективным планом, потребление электрической энергии утроится и достигнет 75 киловатт в час. на душу населения, что бесспорно будет крупным достижением советской экономики. Однако, простого сопоставления этих достижений с западными странами довольно, чтобы убедиться в крайней отсталости СССР.

Учитывая потребление энергии сейчас 25 киловат в час, а через пять лет, в условиях нормального развития, 75 киловат в час на душу населения, отмечаем, что Германия уже сейчас имеет 600 кил. в час, С.-Штаты — 800 к. в час, Швейцария — 1000 киловат в час, Норвегия — 2000 кил. в час и т. д.

В производстве электрической энергии среди 11 стран СССР занимает последнее место в 25 г. В производстве электрических машин и оборудования СССР занимает также весьма скромное место. За время с 13 по 25 год СССР увеличил свое производство на 104 %, в то время, как богато снабженные страны, как Великобритания на 133%, Франция — 173%, С.-Штаты — 325% и только наиболее богатая в этом смысле европейская страна Германия показала несколько меньший рост прироста — 62%.

И Госплан сам признает — «мы значительно сильнее отстали от западных стран в отношении масштаба электрификации, централизованного электроснабжения и степени удовлетворения общей потребности страны электрической энергией, чем в отношении других отраслей народного хозяйства и других потребностей».

И не только электрификация, но и весь энергетический баланс СССР в целом складывается для него крайне неблагоприятно. Так, в использовании энергии живой и механической силы СССР в ряду крупных европейских стран занимает последнее место. В 25 г. на душу населения он имел 270,2 единицы против 291 единицы Италии, 664,4 Германии, 671,1 Франции, 1052,9 — Англии, 2026,3 С.-Штатов. Наша энергетическая бедность становится тем рельефнее, что собственно количеством живой, т. е. мужской человеческой и животной силы мы уступаем только С.-Штатам, но в количестве механических сил мы оказываемся вдвое беднее даже Японии.

***

После всего сказанного, едва ли следует распространяться о других, хотя бы и важных отраслях советского хозяйства.

В СССР, поскольку можно судить по его собственной экономической печати, в настоящее время нет товарных рынков не дефицитных.

Дефицитны рынки — хлебо-фуражный, текстильный, металлических, кожевенных товаров, бакалейных продуктов, частично лесной, химический, строительных материалов.

Если это и есть указание на рост потребительской мощи обширной страны, то, одновременно, это есть свидетельство ее крайней технической и финансовой бедности, не говоря уже о многочисленных и разнородных дефектах управлен. системы, усугубляющей и хозяйственные недочеты.

**
*

Мы уже говорили, что хозяйство нэп‘а есть хозяйство антагонистическое по существу, поскольку оно есть своеобразная и сложная система борьбы между частно-хозяйственными стихиями и государственным планированием — между частно - капиталистическим и обобществленным секторами хозяйства.

Но и самому хозяйственному механизму СССР присущи многочисленные внутренние противоречия, изживания коих, в условиях крайней бедности, представляет огромные и во многих отношениях непреодолимые трудности.

В контрольных цифрах, представленных Госпланом Совнаркому СССР и СТО, отмечены все «важнейшие диспропорции и трудности в народно - хозяйственном строительстве внутри страны». Они заключаются в следующем: а) недостаточном уровне развития страны; б) недостаточно равномерном развитии человеческих и материальных производительных сил, в виду повышенного темпа роста населения, превзошедшего довоенный. Не только более высокий рост населения, чем рост продукции, но и равный рост их ставят в данных технических условиях непреодолимые препятствия к изжитию аграрного перенаселения, следовательно, безработицы; в) в неравномерном развитии отраслей промышленности, вырабатывающих предметы потребления, и отра-

слей, вырабатывающих средства производства, наиболее разрушенных войной и послевоенной разрухой; г) несовпадение во времени получения сельско - хозяйственной продукции и промышленной (летний ремонт и отпуска), при недостаточности запасов в стране. Между тем, запасы восстанавливаются с чрезвычайной медленностью. За годы 24-25 - 27-28 % отношение запасов к товарной массе выражается в следующем ряде: 30,1, 25,8, 26,4, 25,2 («Плановое Хозяйство» журн. стр. 42, № 10); д) в разрыве между движением основных фондов советского хозяйства и промышленности с одной стороны, транспорта и жилищного с другой; е) недостаточной подготовленности всего технико - организационного аппарата страны к огромному размаху капитального строительства, предстоящего в ближайшие годы; ж) несоответствие успехов промышленного развития росту потребностей страны. Отставание товарного предложения от платежеспособного спроса принимает хронический, а по некоторым отраслям и прогрессирующий характер.

Госплан упоминает еще о других менее крупных диспропорциях и затруднениях в народно - хозяйственном строительстве. Однако, наше внимание должны здесь остановить лишь важнейшие и крупнейшие из них.

Курс на индустриализацию страны, провозглашенный 14 с'ездом партии, был продиктован с одной стороны — стремлением отстоять свою независимость от поползновения мирового империализма превратить СССР в свою колонию, с другой — необходимостью ликвидировать любыми средствами чудовищную диспропорцию между стихийно нарастающим потребительским спросом и чрезвычайной слабостью наших производительных рессурсов.

На своем выступлении в Ленинг. Совете Р. и К. Деп. от 3-III-26 г., Рыков определенно заявил, что «в этой диспропорции, т. е., в недостаточном развитии промышленности и ее техники, конечно, заключается самое слабое место во всей системе нашего хозяйства». («Правда» 10-3-26 г.).

В докладе СТО о контрольных цифрах на 27-28 г. Госплан писал: «Первой и наиболее важной диспропорцией, накладывающей свою печать на все плановое, народно - хозяйственное развертывание, является недостаточный уровень промышленного развития страны. Как ни значителен темп роста нашей промышленности, как ни значительны капитальные вложения в промышленность за истекшие годы, понадобятся еще гигантские усилия в течение ряда лет, на пути индустриализации страны, прежде чем будет обеспечен достаточный и надежный перелом в этом отношении («Экономическая Жизнь» 9-9-27 г. № 205).

Выражения этой основной диспропорции многообразны. Остановимся лишь на важнейшей из них, играющей роль исключительно важную не только в строении нашего хозяйства, но и в строении всей политической жизни СССР.

Это противоречие между промышленностью и сельским хозяйством, «основная», «исторически» сложившаяся диспропорция, «важнейшая характеристика советского хозяйства», говорящая «об отсталости страны», о «недостаточности промышленного развития*)».

Для исследования действительных масштабов этой диспропорции, как и частных антагонизмов, из нее возникающих, обратимся прежде всего к общей динамике сельского хозяйства СССР за истекшие 10 лет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Советское сельское хозяйство и советская аграрная политика.

Один из наиболее компетентных и вместе об'ективных наблюдателей советской хозяйственной экономики — проф. М. Огоновский — намечает в ней следующие этапы (Н. Огоновский. — Падение, восстановление и ре-

---

*) См. доклад Бухарина на активе Лениг. орг. ВКП от 28-7 26 г. «Правда» от 3-8-26 г.; статьи Крумина — Товарный голод и индустриализация — «Экономическая Жизнь» 24-X-26 г.; Савельева — Иностранный и внутренний рынок 2-8-10 - 26 года. Вообще же, газетный материал по этой части безграничен.

конструкция сельского хозяйства в десятилетие в 1917-27 годы. «Эконом. Обозр.» 1927 г. стр. 55-72): «Мировая, гражданская война и голод — вот три периода падения сельского хозяйства, вслед за которыми мы можем, хотя не вполне отчетливо, разграничивать два этапа под'ема: этапы восстановления и реконструкции сел.-хозяйства».

«Первый этап эпохи падения — период мировой войны... Мировая война принесла расстройство хлебного рынка, падение интенсивности земледелия в некоторых районах, резкое сокращение основного сельскохозяйственного капитала в инвентаре и прекращение начавшейся было до войны организации сельско - хозяйственной территории».

«Второй этап — период гражданской войны — (1917-1922 г. г.). В этот период «при общем поравнении деревни, идущем в сторону пауперизации, вызываемой падением сельского хозяйства, экономический разрыв города и деревни приводит к натурализации, которая в свою очередь свела почти на нет все завоевания интенсивного земледелия, сделанные в эпоху довоенного под'ема».

«Третий этап — голод 1921 года и начинающееся восстановление сельского-хозяйства, причем «падение скотоводства за всю эпоху деградации сельского хозяйства было значительнее, чем падение земледелия».

В количественном отношении к 1922 году сельско - хозяйственное производство потеряло не менее, а скорее более третьей части посевных площадей и более 40% всего скота; прекратилось землеустройство, крупные мелиорации, переселение, агрикультурные начинания (стр. 60).

Однако, темп восстановления сельского хозяйства оказался несравненно более энергичным, чем можно было предполагать по характеру разрушения. С 1923 года начинается эпоха восстановления, реконструкции сел. - хозяйства.

Но и, принимая во внимание относительно крупные успехи сельского хозяйства за годы восстановительных

процессов, необходимо отметить те отрицательные стороны в его развитии, которые: 1) понижают его конкурентность на мировом рынке, 2) продолжают и углубляют исследуемую нами диспропорцию. Эти отрицательные моменты в основном сводятся к следующему: 1) слабости темпа развития сельского хозяйства, 2) неустройству значительной части земельной площади; 3) крайней технической отсталости сельско - хозяйственного производства; 4) необеспеченности инвентарем малосостоятельных слоев крестьянства; 5) крайне низкому уровню урожайности; 6) крайне низкому уровню его товарности; 7) наличности аграрного перенаселения; 8) разрыву цен на сельско - хозяйственные и промышленные товары.

Эти выводы требуют некоторого фактического освещения .

Общие данные о динамике сельского хозяйства за 10 лет таковы*): в 1927 г. общая посевная площадь СССР равнялась 105,5 миллион. десятин или 96,7% довоенной (при несколько убывающем темпе роста посевов). Посевы по отдельным культурам показывают, что 27 г. в процентном отношении к 13 году дает 92,2% для зерновых, 94,1% для льна, но 130,4% для всех технических и интенсивных культур. Таким образом, урожайность довоенного времени, бывшая ниже в 2-3 раза урожайности капитал. стран, благодаря общей и культурно-экономической отсталости и слабости сельско-хозяйственной техники, еще не достигнута. Урожайность зерновых хлебов в 1913 г. равнялась 52 п. с десятины, в 26 г. — 52 п., хлопка-сырца — 13 г. 80 п., в 26 г. — 52 п. Превышение среднего урожая в пудах за 1910-13 г. г. мы имеем для периода 22-26 г. г. только для яровой пшеницы (104,8%), картофеля (110,4%), кукурузы (104,4%) и конопли волокна (105,2%); для ржи озимой (84,5%), ячменя (88,5%), овса, проса, гречихи, льна - семени

---

*) Цифровой материал взят из статьи С. Ужанского: — Сельское Хозяйство за 10 лет. «Бюллетень Госплана РСФСР» 27 г. № 21-22, ст. 23 и Н. Огоновский, — цитируемая статья.

(86,3%), подсолнуха, конопли, семени и наиболее ценных растений — льна-волокна (67,9%), хлопка (70%), свеклы (71%) — мы имеем еще более или менее значительное отставание от довоенной урожайности. Довоенные валовые сборы могли бы быть достигнуты лишь при превышении площади культур на 25-30% (Н. Огановский. — Эконом. Обозр. 26 г. стр. 64).

В плане животноводства довоенный уровень уже достигнут. Общее количество скота (в переводе на крупный) составляло в 1926 г. — 96,9% от 1916 года (84,3 миллиона голов), в 1927 г. — 101,2%. По отдельным видам в 1927 году довоенный уровень превысили — овцы и козы (106,8%), крупный рогатый скот весь (111,7%), коровы — (113,5%), но рабочий скот еще весьма далек от него: лошади — 87,0%, в том числе рабочие — 82,7%. Не достигло уровня свиное стадо (98,5%). Однако, советские экономисты путаются еще в вопросе: происходит ли у нас экстенсификация стада (Уханский) или интенсификация (Огановский).

В целом, несмотря на относительно слабый темп восстановления рабочего скота — животноводство несколько обгоняет рост посевных площадей.

В плане крестьянского машиноснабжения внутреннее производство сельско - хозяйственных машин заметно обогнало довоенный уровень. 1926 год к среднему за 1911-13 г. г. дал: по внутреннему производству — 129,3%, по ввозу — 65,7%, по общему потреблению — 96,8%. При этом соотношения внутреннего производства и ввоза изменились следующим образом: в 1913 г. ввоз — 44,6%, в 1926 г. — 34,6%. Новым словом советского хозяйства являются тракторы. За 1921-27 г. г. всего в СССР работало 28.370 тракторов. Из них 92,2% импортных и 7,8% — внутреннего производства. За годы 1924-27 импорт последовательно убывает, внутреннее производство растет.

Однако, эти цифры при всей их относительности, ничтожности маскируют потрясающее нищенство советской деревни. По данным ЦСУ СССР 26 г. в Союзе имелось: орудий вспашки (сохи, плуги и пр.) 16.011 тысяч штук или в среднем на одно хозяйство — 0,72 пахотных

орудий. Немногим более было орудий разрыхления почвы (бороны) 17.104 тысячи штук, или на одно хозяйство — 0,76. Наконец, орудий транспорта, под коими разумелись все способы передвижения, — телеги на железном и деревянном ходу, сани и пр. — приходилось на хозяйство 0,65.

Такова техническая база деревни в сельско-хозяйственной стране.

Каков производительный баланс крестьянского хозяйства? Общая валовая продукция сельского хозяйства СССР по данным Госплана СССР и Народного Комиссариата Финансов (в довоенных ценах) составляла: в 25-26 году — 10.786 миллионов руб., в 26-27 г. 11.641 мил. руб., т. е. 67,5% и 81,6% к 1913 году, что по справедливому замечанию одного советского обозревателя, при некотором сокращении посевных площадей, указывает на «некоторую» реорганизацию сельского хозяйства в сторону повышения удельного веса ценных культур».

Однако, при решении вопросов об интересах народного хозяйства в целом и судьбах накопления, наибольшее значение имеет динамика товарности сельского хозяйства. Она по годам представляется в следующем виде (в довоенных ценах. Михайлов — Сельско-хозяйственное производство и его товарность. «Эконом. Жизнь» от 19-VII-27 г.:

	Валовая продук. сельского хозяйства		Товарная масса сельско-хозяйственных продуктов		% товарности
Годы	к 1913 г.	к 1923 г.	к 1913 г.	к 1923 г.	
1913	100	—	100	—	26,9
1923-24	65,4	100	43,2	100	17,8
1924-25	67,5	103,3	48,8	113,0	19,4
1925-26	83,8	128,1	59,1	136,9	19,0
1926-27	90,4	138,3	67,6	156,7	20,1*)

Таким образом, устанавливается резкая диспропорция между уровнем валовой продукции и товарной ее

*) Проф. Огоновский дает более низкие проценты товарности.

части, еще весьма далекой от довоенных размеров. Это свидетельствует «о снижении денежности крестьянского хозяйства, о его большой натурализации». Характеристикой резкого снижения товарности является и наш экспорт, достигший в 1925-26 г. г. едва 23,8% экспорта 1913 года. Разрыв между уровнем товарности и экспорта для 25-26 года свидетельствует, что «размер товарности сельского хозяйства отстает от роста потребности внутреннего рынка».

Снижение товарности обусловлено: а) резким расхождением цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами, б) резкой дефицитностью рынка промышленных товаров, в частности, товаров крестьянского потребления.

На ряду с «ножницами» между промышленными товарами и сельско-хозяйственными продуктами имелись: 1) «ножницы» между производимыми и потребляемыми продуктами, 2) «ножницы» между производимыми и отчуждаемыми сельско-хозяйственными продуктами.

Наконец, на уменьшение товарности влияют: а) несоответствие между недовосстановлением сельско - хозяйственной продукции и численностью населения, превышающего в 1925 году довоенную величину на 2,3%, в 1926 году на 5,7%; б) улучшение питания крестьянского населения, в) стремление к восстановлению запасов, уничтоженных годами империалистической и гражданской войн, и урожаев; г) изменения в социальной структуре, выразившееся в ликвидации помещичьего и крупного крестьянского хозяйства, дающее наиболее высокие нормы товарности, и общей нивелировке крестьянского хозяйства*).

Если резюмировать все вышеуказанное, можно вполне присоединиться к характеристике русского хозяйства, данной одним из правоверных советских экономистов к десятилетию октября в официальном органе Госплана и РСФСР. «Советское сельское хозяйство характеризуется: однообразным зерновым направлени-

---

*) См. Михайлов. — Сельско-хозяйственное производство и его товарность. «Эк. Жизнь», 19-7-27 г.

ем с малым процентом интенсивных культур, низкими урожаями и удоями, плохим качеством продукции и малой товарностью». (См. цитированную выше статью Ужанскаго, стр. 31).

Убийственная характеристика, если вдуматься в конкретное содержание образующих ее формул. Здесь — мера возможных масштабов советского накопления.

СССР — страна сельско-хозяйственная по преимуществу. Сельско-хозяйственное производство не ограничивается снабжением и обеспечением внутреннего рынка, но преследует также осуществление первоклассной, одновременно политической и экономической задачи — подготовки товарных фондов для нормального развития экспорта. Последний является важнейшим непременным условием индустриализации страны, ибо воспроизводство основного капитала невозможно при помощи только собственных внутренних средств, а в значительной мере осуществляется при помощи импорта.

Но основной базой усиления товарности роста сельскохозяйственных заготовок (как хлебных, так и сырьевых, вообще), является предоставление деревне соответствующего эквивалента, дешевого товара. При отсутствии дешевой, доступной деревне, промышленной продукции, товарный выход сокращается за счет усиления собственного потребления и натурализации производства (лен); этим самым снижаются экспортные возможности, ограничивается импорт и компрометируются возможности дальнейшей индустриализации.

Поэтому снижение отпускных цен промышленности является важнейшей первоочередной задачей. Однако, только такое снижение отпускных промышленных цен не отразится болезненно на интересах промышленности, которое имеет место за счет снижения себестоимости, рационализации производства. Всякое иное или ограничивает возможности собственного внутреннего накопления на предмет усиления воспроизводства основного капитала, или вызывает ухудшение качества и ассортимента продукции, что в свою очередь при росте требовательности потребительского спроса, понижает емкость

платежеспособного рынка и усиливает тенденции натурализации хозяйства.

Такова органическая антитеза интересов промышленности и сельско-хозяйственного производства, породившая и две самостоятельные политические программы — «большинства» и «оппозиции».

Первая — через всемерное снижение цен, осуществляемое, по преимуществу, за счет сокращения прибылей, стремится к немедленному получению дешевого промышленного эквивалента, в целях форсирования экспорта.

Вторая — рекомендует временное повышение отпускных цен промышленности, в целях скорейшей ее реконструкции, утверждая, что только рост промышленной продукции может дать действительное, а не административное снижение цен. Между тем, повышение отпускных цен должно сократить прибыли торговли, содействовать росту зарплаты и усилить темп индустриализации.

В погоне за последней, «оппозиция» не останавливалась и перед тем, чтобы покончить с сентиментальностями «худого мира» и об'явить открытую войну деревне.

Однако, политики и публицисты большинства в пору, когда гремели витии оппозиции, принять такой платформы не могли. В слишком режущем противоречии она стояла с возвещаемым ими всюду лозунгом «лицом к деревне». Лишь, когда разбитая «оппозиция» ушла с исторической арены, они под шумок превратили в практику ее «контрреволюционные измышления». Но об этом мы скажем позже. В момент разгара борьбы с оппозицией они защищали истинно ленинскую «философию малых дел». В применении к интересующему нас случаю — это были указания на грядущий под'ем техники сельско-хозяйственного производства и, главным образом, на успехи коллективизации и кооперирования деревни.

«Техническая реконструкция — пишет один из них — является базой для социальной, а социальная является средством осуществления технической. Вот это

об‘единение технической и социальной реконструкции, это единство проявления двух начал и является той социалистической реконструкцией, которая стоит у нас в порядке дня». (См. вышецитированную статью Ужанского, стр. 32).

— Другой исследователь определяет смысл кооперирования и коллективизации советского хозяйства следующим образом: распыленные крестьянские индивидуальные хозяйства по своей структуре мало приспособлены для выработки однородного стандартного сырья, необходимого для промышленности технологических качеств. При этом основная их задача — продовольственно - фуражная; производству товарных сырьевых ценностей промышленного значения отводится второстепенное место, в зависимости от потребности крестьян в денежных средствах — на предмет уплаты повинностей и удовлетворения домашних нужд. Отсюда медленное капитало-накопление крестьянских хозяйств, о чем свидетельствуют бюджетные обследования. Наконец, сюда присоединяются: а) техническая необслуженность мелкого хозяйства, б) низкая нагрузка посевной площади на одну рабочую лошадь, при 25% безлошадников, в) чрезвычайное обременение амортизационными расходами сельско-хозяйственной десятины в мелких хозяйствах и прочее (см. В. Барюшков. Коллективизация и индустриализация сельск. хозяйства. Бюллетень Госплана РСФСР 27 года № 21-22, стр. 34).

Что же представляют или должны представлять современные совхозы?

По мысли руководителей советской сельско - хозяйственной политики, они должны быть образцовыми крестьянскими хозяйствами. На них не только падает задача снабжения крестьянских хозяйств семенным материалом, племенным молодняком, им должна принадлежать и агрикультурно - показательная роль*).

---

*) См. статью Смирнова А. П. б. Наркомзема «Сов. Хоз. и коллективы, их значение для реорганизации и укрупнения сельского хозяйства. «Правда» — 10-6-26 г.; отдельные факты и характеристики, помещенные далее, взяты из этой статьи.

Первоначально, совхозы были «собезными учреждениями» полублаготворительного характера. С установлением нэпа они были отодвинуты на задний план. Центральной задачей стало восстановление промышленности. И только позже начали для них отпускаться средства. Новейшие данные о совхозах таковы:

	Число совхозов		Площ. в гектарах		Площ. на 1 совхоз	
	1921 г.	1927 г.	1921 г.	1927 г.	1921 г.	1927
РСФСР	5.227	3.360	2.606.500	3.116.135	498	927
УССР	939	1.122	797.483	778.571	849	693
БССР	145	151	78.815	88.968	543	588
	6.311	4.633	3.482.802	3.983.674	551	859*)

Таким образом, произошло укрупнение совхозов. Одновременно имели место рост посевной площади и рост посевов под интенсивными культурами. Сбор с десятины в 1925 г. в сравнении с 23-м г. поднялся со 109% до 230%. Отмечается рост продуктивности скота. В отдельных хозяйствах удой поднялся до 170-200 пудов на корову. Выжеребка с 26% в 21-22 году поднялась в среднем в 25 году до 66%.

Однако, все эти успехи, сделанные после нищенских норм 21 года парализуются многочисленными дефектами, борьба с которыми весьма затруднительна.

1) Прежде всего надо указать на неустроенность территории. В начале 26-27 года до 66% совхозов РСФСР не было землеустроено. За 26-27 год число землеустроенных выросло на 15-20%.

2) Доселе все ведомства имеют свои совхозы. Последние распылены между множеством хозяев. Закон 16-III-27 года о передаче так называемых «приписных» совхозов сельско-хозяйственным трестам не выполняется . В РСФСР всегда считается — 1308 или 38% от общего числа. Между тем, за 26-27 год передано в систему

*) См статью: Карпинский. — Социалистический строй в советском хозяйстве. «Правда» 12-1-28. Отдельные факты далее заимствованы из этой статьи.

всего 65, намечено к передаче 105 (с площадью в 126 тысяч гектаров) или 13% подлежащих передаче.

3) Основное затруднение совхозов — недостаточность их основных средств производства. Обеспечение капиталом одной десятины угодий достигает в процентах: 60% для трестов РСФСР, 72% для УССР и 65% — Сахаротреста. Только для БССР эти цифры повышены до 93%.

4) Совхозы жестоко страдают от недостаточного снабжения их живым и мертвым инвентарем. Обеспечение совхозов тяговой силой, правда, систематически растет, но в 1926 году все еще составляло к потребности от 44,7% (Сельтрест РСФСР) до 83,3% (Бельсельтрест). Систематически растет и обеспечение механической тяговой силой, но в 26 году оно располагалось очень неровно (в отношении ко всей тяговой силе: от 0,5% в Госконзаводах до 28% в Укрсельхозтресте). Обеспечение капиталом в мертвом инвентаре составляло от 75 до 95% потребности, но 30-40% его требует, вследствие изношенности, срочной замены. Лучше обеспечены совхозы основным капиталом в постройках, но из за отсутствия ремонта они крайне невысокого качества. Многое усвоенное из помещичьего наследства (постройки, инвентарь) или вовсе не подходит к условиям совхозов, или устарело. В целом совхозы обеспечены к 27-му году живым инвентарем на 34%, тяговой силой на 62%, постройками и мертвым инвентарем на 82%.

Урожаи в совхозах по официальным данным в среднем выше крестьянских: по ржи от 35,5% до 76,8%, по озимой пшенице от 6 до 40,5%, по овсу от 9 до 86%. Но по картофелю урожай приближается к крестьянским, а местами даже ниже их.

Производительность труда в совхозах, по признанию даже официальных летописцев, крайне невысока. В рабочем дне работником используется не выше 75%, остальное идет на подготовку к работе. Жилищные условия в совхозах не удовлетворительные.

Трестированные совхозы РСФСР дали продукции (в рублях):

	Общая продукция	На 1 рабочего
1923-24 г. г.	12.071.000	633
1924-25 г. г.	24.296.000	911
1925-26 г. г.	32.308.000	1.212
1926-27 г. г.	48.964.000	1.200 — 1.300

Доходность совхозов крайне незначительна. В 26 году совхозы РСФСР дали убытку — 1.350.000 рублей, в 27 году (по предварительным сведениям) несколько сот тысяч прибыли.

В результате этой бедности и слабости государственных дотаций нового строительства у совхозов нет (за исключением овцеводческих хозяйств).

Наконец, надлежит отметить и плохое руководство совхозами. Более 40% руководителей не имеет вовсе сельско - хозяйственного образования, 23,6% имеют низшее, 26,7% среднее и только 8,8% высшее. Тяжелые условия работы вызывают крайнюю текучесть служилого состава (в одном из самарских совхозов с 24 по 27 год сменилось 25 заведующих.

В 1926 году рабоче-крестьянская инспекция произвела обследование Госсельсиндикатов — республиканского об'единения совхозов РСФСР и отметила — «неурегулированность и неупорядоченность системы управления совхозами». У Госсельсиндиката — паевого капитала нет, снабженческая деятельность ничтожна, комиссионные, взимаемые с совхозов, чрезмерно велики, работа по поставке племенного скота носила убыточный характер, торгово - коммерческая деятельность шла главным образом по линии бурного роста розничной торговли и т. д.*).

В несколько лучшем положении находятся советские колхозы**).

К последним принадлежат — коммуны, артели, товарищества по общественной обработке земли и, как пе-

---

*) См. Д. Розит. Госсельсиндикат и Губсельтресты. «Правда» 13-6-26 г.

**) См. характеристику их, вышецитированную, и в ст. Кузьмина: состояние и развитие коллект. хоз. «Эконом. Жизнь» 15-XI-27 г.

реходная форма, — производственные об'единения кооперативного типа — машинные, тракторные, мелиоративные товарищества и другие.

О динамике их можно судить по следующим данным:

	1919 г. СССР.	1925 г. СССР.	1925 г. Украина.
Коммуны	31,6%	10,6%	6,2%
Артели	58,2%	61,4%	76,1%
Товарищества	10,2%	28,0%	17,4%

На первое октября 1920 года всего по СССР считалось около 18.000 сельско - хозяйственных коллективов. Из них наиболее простых производственных об'единений (животноводных, машинных, мелиоративных и других) — 15.000.

Товарищества — наиболее простая и доступная форма, не нарушающая бытовых индивидуальных привычек, обобщающая только отдельные процессы труда. Артели вводят общее пользование землей и средствами производства. Коммуны — высшая форма обобществления до быта включительно.

О степени их устойчивости дают представление следующие данные:

24-25 г. г. (в % к предшествующему году)	Зарегистрировано	Ликвидировано	Абсолютный прирост
1) Коммуны РСФСР	28,1	22,4	5,7
2) Коммуны Украины	22,0	10,3	11,7
3) Артели РСФСР	35,5	13,1	22,4
4) Артели Украины	23,4	11,2	12,2
5) Товарищества РСФСР	73,6	7,8	65,8
6) Товарищества Украины	73,2	5,3	67,9

Повсеместно коммуны систематически убывают. Причины их распада многочисленны: а) общераспространенный взгляд на коммуну, как на учреждение благотворительного характера; б) дурная организация труда и вытекающая отсюда безхозяйственность; в) малая

культурность населения и прочее. При этом, по данным советского обозревателя — роль середняка, этой наиболее популярной и значительной фигуры в сельском хозяйстве СССР, растет при переходе от более сложных к более простым формам обобществленного производства. Значит, роль деревенской бедноты, наоборот, повышается при переходе от простых к более сложным формам сельхоз. коллективов.

На 1-X-26 года общая площадь колхозов достигла 740.942 десятин. Однако, землеустроенных из них на 1-I-27 года было только 49%.

В колхозах процент освояемости пашни выше чем в совхозах. В 25 году в среднем он выразился в 70-90%. Наибольший процент освоения падал на товарищества. По местам свыше 50% тракторов находится в коллективах. Тракторы влияли на укрупнение коллективов, изменение площади посевов в сторону усиления использования земли.

В колхозах отмечены — усиление машинизации, более рациональное использование тяговой силы, рост крупного и мелкого скота, большая, по сравнению с индивидуальными хозяйствами, обеспеченность мертвым инвентарем, специализация, более высокая производительность труда. Колхозы по большей части являются рассадниками чистосортных семян. Урожайность в них выше на 20-25 % урожайности единоличных хозяйств. Товарность их также выше (в центральном земледельческом районе товарность к валовой продукции составляла — в колхозах 36%, в единоличных хозяйствах 32,3%, на Урале — 34,5% и 24% и т. д.).

Но многочисленные достижения и преимущества колхозов в значительной мере парализуются многочисленными недостатками: а) слабой самодеятельностью, б) текучестью личного состава, в) бесхозяйственностью, г) недостатком капиталов и оборотных средств, д) отсутствием или обветшалостью хозяйственных и жилых построек, е) недостаточной обеспеченностью средствами производства; обеспеченность машинами крайне низка. Есть районы, где значительная часть колхозов не имеет сложных машин. По данным колхозцентра, сред-

няя обеспеченность средствами производства выражается в 55 рублей на десятину при норме в 100-135 рублей, ж) крайней неудовлетворительностью жилищных условий.

Уже беглый обзор материалов, характеризующих современное состояние совхозов и колхозов, позволяет нам утверждать, что чрезмерные надежды возлагаемые на них, вера в их способность произвести чуть ли не целый хозяйственный переворот, в настоящее время представляются чрезмерно преувеличенными и нереальными.

Для того, чтобы они могли стать на ноги и сыграть действительно положительную роль в развитии крестьянского хозяйства, необходимо радикальное и всестороннее переоборудование их, необходимо обеспечить им твердую финансовую базу, снабдить их техническими средствами для химизации и индустриализации хозяйства, поднять повсеместно сельскохозяйственное образование, бросить в деревню одушевленные культурные силы. Но для этого надо прежде всего раскрепостить деревню, не фигурально и не лицемерно, но подлинно стать лицом к ней, отдать обратно хищнически вырываемые у нее миллионы и признать за ней полное право на ее труд.

При действующей же системе опеки, сыска, реквизиций — совхозы и колхозы являются жалкими паллиативами, которым не побороть косности крестьянского хозяйства в целом.

Бросим беглый взгляд на социальный состав советской деревни. Здесь наибольший интерес представляют арендные отношения, сложившиеся в ней. По данным ЦСУ подавляющая часть сдатчиков (80-90%) концентрируется среди малопосевных и в маломощной части среднепосевных. Сдача земли в аренду систематически растет, что обусловливается: у малопосевных — отсутствием средств производства, у середняков — недостатком рабочих рук, дальноземельем. Верхушкой деревни, так называемыми «кулаками» сдается в аренду ничтожный процент (1,8%) земли. По существу, здесь обычно имеется перераспределение земли: сдается худший участок, арендуется лучший.

Бедняки, дающие до 20% арендаторов, держат в руках не более 10 % от всей арендованной земли. Эта аренда диктуется подлинным безземельем.

Центральная доминирующая фигура в деле аренды — середняк. Значительная часть арендованной земли — 52,6% в потребляющей полосе, 72,5% в производящей — находится в его руках. Аренда середняка, как правило, вызывается потребностью трудового хозяйства, но, конечно, не редки случаи, когда аренда теряет трудовой характер и арендатор-середняк превращается в хозяина, пользующегося наемным трудом, в эксплоататора, кулака.

«Кулацкий» элемент определяется в современной деревне примерно 13,1% и ему принадлежит почти 30,5% всей арендованной земли. Но Рабоче-Крестьянская Инспекция, связывая понятия капиталистической аренды с применением наемного труда, увеличивает цифру капиталистических арендаторов до 21,7% ко всему числу арендаторов.

Если в довоенное время в помещичьих хозяйствах сдатчик имел тенденцию к постоянному повышению арендной платы, то кулацкое хозяйство — арендатор — стремится обратно к систематическому снижению платы бедняку сдатчику. Тем не менее арендные цены растут неуклонно, при весьма значительных колеабниях по району (Зап. Сибири — 2,6 рубля, в среднем за десятину, центральный земледельческий район 13,6 рубля, центр. промышл. район 12 рублей и т. д.). Одновременно энергично развивается процесс денатурализации аренды. По данным Раб. Крест. Инспекции в 26 году до 50% арендованной земли сдавались за деньги, и наиболее кабальные формы арендной платы — отработки, выплаты натурой и прочее, — постепенно отмирают. Аренда повсеместно преобладает краткосрочная: по всем обследованным районам на один год она составляла — 87,4%, два года — 14,8%, 3 года — 7,2%, более трех лет — 0,6%. Центральная роль середняка в современном сельском хозяйстве подкрепляется данными о наемном труде.

Довоенный наем в несомненно приуменьшенных цифрах выражался в 4.000.000 человек. Война резко сократила это число. Перепись 20-го года обнаружила еще дальнейшее снижение, в связи с ликвидацией крупных помещичьих и капиталистических хозяйств. Перепись батрачества августа 26 года, охватившая 22 миллиона хозяйств, или 90% их общего числа, установила это число в 2 с половиной миллиона. Новейшие источники повысили эту цифру для 26-27 года до 3.200.000 человек.

До 75% наемного труда приходится на хозяйства середняцкие, благодаря их подавляющему положению в сельском хозяйстве.

Группы	Количество хозяйств нанимающих	% ко всему числу	% занятых рабочих
Бедняк	1.173	9,5	7,4
Середняк	9.345	75,5	66,9
Кулак	1.866	15,0	25,7
Всех	12.384	100,0	100,0

Таким образом, середняк концентрирует в своем хозяйстве наибольшее количество наемной силы. При этом только до 50% сельскохозяйственного пролетариата работает в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Чрезвычайно трудно подлинно охарактеризовать физиономию современного батрачества. С одной стороны, есть факты, как будто свидетельствующие об укреплении социального положения батраков. Так, в союз сельскохозяйственных и лесных рабочих их входило: в 24 году 52.000 человек, в 27 году 495.000 человек. Трудговорами пастухов и батраков было охвачено в 24 году — 376.000 человек, в 25 году 819.000 человек, в 26 году — 1.187.000 человек. Наконец, при среднем госминимуме для батраков и пастухов в 7 р. 50 - 10 рублей, фактически, заработок батрака на октябрь 26 года составлял 19 р. 69 коп., пастуха — 24 р. 37 к.

С другой стороны, «оппозиция», разоблачившая политику сталинской группы, характеризовала положение батрачества в следующих выражениях: «регистрация

договоров по найму, сплошь да рядом кабальных, едва поставлена. Зарплата батраков обычно ниже госминимума, рабочий день редко ниже 10 часов».

Если середняк, таким образом, является центральной господствующей фигурой, как в сфере арендных отношений, так и в сфере эксплоатации наемного труда, позиции его получают еще подкрепление в системе сельскохозяйственного налога.

Сельско - хозяйственный налог является мощным орудием в руках правительства в направлении перераспределения денежных рессурсов между различными группами крестьянства, в целях поддержки и укрепления хозяйств бедняцких и ограничения роста хозяйств эксплоатирующих или кулацких.

Сельхозналог 26-27 года сконструирован таким образом, чтобы крестьянство облагалось по совокупности всех его доходов, а не только по доходу от земли и скота, как это было ранее. Трудности этого налога заключаются не столько в значительном повышении его против предшествующего (на 25% — до 300.000.000 рублей), сколько в таком распределении повышения, чтобы до 50% нового налога падало на 15-20% наиболее зажиточных крестьянских хозяйств. Сольхозналог — налог подоходный и прогрессивный.

Указывают, что налог в силу обложения условно чистого дохода недостаточно подоходен. Понижение облагаемого дохода чаще наблюдается в хозяйствах крепких, ибо последним легче укрывать об'екты обложения, и доходность от отдельных источников выше в мощном хозяйстве.

Более выдержанной является прогрессивность налога. С 25-26 года элементы прогрессивности в системе обложения увеличены в 2 раза со значительным снижением тяжести налога для маломощных хозяйств, стабильностью для середняцких и значительным повышением тяжести налога для высших групп хозяйства. Рост прогрессии в действующем сельскоз. налоге, по абсолютным размерам, исключителен. При доходе хозяйства в 1.200 руб., налоговое из'ятие достигает 18-20%. Такой прогрессии не знает никакая иная форма обложе-

ния в стране. Однако, оффициальные обозреватели советского хозяйства полагают, что, благодаря недоучету облагаемого дохода, прогрессия относительно невелика и что в составе верхушки деревни есть часть хозяйств даже недообложенная. К этому добавляется, что кулак арендатор при помощи разнообразных ухищрений (зачислением посева на арендованной земле за бедняком и прочее) успевает сбросить со своих плеч часть сельхозналога. Так обследование 6 округов Украины обнаружило, что сельхозналог уплачивается сдатчиком 74%, арендатором 19,9%, остальное совместно.

Наконец, система действующего сельхозналога добавляется специфической системой самообложения населения на культурно - хозяйственные нужды. Силой административного давления, а также естественным стремлением бедняцких хозяйств сложить с себя бремя налога, система самообложения превращается в чрезвычайно тяжелую принудительную форму обложения только зажиточных слоев крестьянства, притом находящегося под бдительным контролем односельчан. Первоначально, предельный размер самообложения был установлен в 35% сельхозналога. Однако вскоре центральным административным инстанциям было предоставлено по ходатайствам уездных, районных и соответствующих им исполкомов право повышать для отдельных районов и волостей установленный законом предельный размер обложения. И в огромном числе мест, где партийные ячейки энергично взялись за проведение этой кампании, самообложение далеко оставило за собой размеры первоначального налога. Самообложение в 40-50% от единого сельхозналога стало явлением заурядным. Рекордной цифрой является сообщение из Артемовска (село Веровка), где самообложение достигло 122% сельхозналога.

***

Мы сказали выше, что советская экономика — нэп — антогонистична по существу. И наиболее антагонистичной, наиболее противоречивой является крестьянская политика в целом.

Отметим лишь важнейшие ее противоречия.

Исторически, в процессе развития нэпа первоначальный курс на бедняка сменился ставкой на середняка. «Старательный крестьянин, старательный середняк, —центральная фигура в нашем сельском хозяйстве», — сказал Ленин. Эту идею на все лады эксплоатируют его эпигоны... На 14-й конференции Бухарин говорил: «мы идем на развитие нэпа в деревне, которого до сих пор не было... Мы на это пойти теперь можем, потому что у нас есть командные высоты, которых раньше по существу дела не было... У нас существует пролетарская диктатура, которая есть не только государственная власть, которая есть еще огромный хозяйственный кулак»... Отсюда, «если мы говорили, что нужно сейчас развязывать кулацкое хозяйство и хозяйство середняков, то мы в тоже время имеем целый ряд мер, которые ограничивают связанные с этим эксплоататорские стремления...». Это «развязывание» надо использовать для «поддержки и финансирования антикапиталистического элемента в деревне...». «На рост социальных элементов в хозяйстве». Надо помогать центральной фигуре, т. е. середняку, а для этого нужно развязать наш товарооборот и так далее, и так далее. Но вместе с тем Бухарин высказывался против обострения классовой борьбы в деревне, довольствуясь борьбой на политических выборах, усиленных налоговым обложением кулаков, т. е. «новыми формами классовой борьбы, возможными только при диктатуре пролетариата». На всякие же попытки кулака претендовать на руководящую роль, можно отвечать вновь курсом на комбеды, террором, «всеми батареями, которые у нас есть». Вместе с тем партия убеждена и громко высказала это в резолюции о «работе в деревне» на 15-м С'езде, что если в капиталистических условиях хозяйства товаро - производитель в сельском хозяйстве может превратиться либо в мелкого капиталиста, либо в пролетария, — в условиях пролетарской диктатуры он имеет третий путь — все большее внедрение в процесс общего социалистического строительства при посредстве массовой кооперации.

Так обстоит дело у большинства.

У «оппозиции», как мы знаем, веры в такое гармоническое развитие нет. Устами Ларина, подогреваемая старым осужденным лозунгом Бухарина — «обогащайтесь» — она заявила, что «признание деревенского нэпа... не заключается в развязывании рук верхушечной буржуазии, что признание нэповского экономического развития в деревне надлежит соединять с усилением общественно политической борьбы против деревенской буржуазии».

Середняк, как мы видели выше, есть центральная определяющая фигура в советской деревне и всей политики, связанной с последней. В дискуссиях с оппозицией середняк вырастал в исполинскую фигуру подлинного строителя социализма. Предложение оппозиции пойти с ним «на ссору» отбрасывается с негодованием, заподазривание середняка в его готовности перейти в кулацкий лагерь устранялось ссылками на растущее значение кооперативного строительства в деревне.

Большинству было ясно, что при наличии крепкого середняка «соратника», пионера социализма и прочее, увеличение кулацкого элемента на 1-2% не представляет для деревни никакой опасности, козни его легко преодолеть, самое существование его становится эфемерным.

На 15-м С'езде Молотов уделил не мало внимания кулачеству. Партия, по его словам, не отрицала и не отрицает роста капиталистических элементов в деревне. Она признает, что развитие производительных сил в деревне есть одновременно рост буржуазных отношений. Но партия утверждает, что в деревне одновременно и в гораздо большей мере развиваются и укрепляются социалистические элементы. Опираясь на данные о годовом душевом доходе бедняков, середняков и батраков, исчисляемых в 78 рублей, 92 рубля и 81 рубль, партия умозаключает о чрезвычайной близости этих доходов, а следовательно и интересов этих классовых прослоек между собой. Отсюда их резкий отрыв от высшей группы с душевым доходом в 166 рублей, естественный антагонизм к последней и столь же естественный союз для борьбы с общим врагом. «Тот, кто допускает раз'е-

динение середняка и бедняка — патетически заключил Молотов — тот превращается в настоящего врага рабочих, тот враг октябрьской революции, тот враг пролетарской революции вообще».

Но где грани между преуспевающим середняком и кулаком? Не становится ли еще вчерашняя «старательность», служба социализму, сегодня — социальной опасностью, угрозой для роста социалистических элементов в деревне, требующей вменения и грозных санкций? Есть ли какие либо иные твердые критерии кулака и середняка, кроме тех, в высшей степени сомнительных, душевых доходов, которыми оперировал Молотов? Каков, наконец, должен быть тот об'ем хозяйства в деревне, который действительно может обеспечить не реквизиционное накопление советской власти?

Здесь альтернатива — или середняк будет переливаться невозбранно в кулака и большевизм закроет глаза на метаморфозы во имя реального поднятия технической культуры сельского хозяйства, усиления его товарности, успехов экспорта и прочее и прочее, — или будет беспощадно стричь кулака, убивая этим стимулы накопления, ставя под угрозу посевную площадь, задерживая воспроизводство сельско-хозяйственного капитала за счет роста кубышек, усиленной натурализации.

Общая политика советской власти в деревне получила наиболее элементарное, но вместе законченное выражение в тезисах Калинина на 4-м С'езде Советов Союза ССР, одобренных президиумом ЦИК СССР (см. «Правда» 31-III-27 г.).

«Эта политика — говорится в них — направлена на улучшение положения крестьянских масс, на укрепление их хозяйства, т. е. на поднятие хозяйств бедняцких слоев и на под'ем хозяйств середняцкой массы и вместе с тем связана с ограничением роста эксплоататорских (кулацких) элементов».

И рядом: «эта политика и впредь должна всячески содействовать под'ему производительных сил крестьянского хозяйства и, в частности, оказывать поощрение крестьянским хозяйствам (беднякам, середнякам, кол-

хозам и т. п.), являющимся проводниками улучшенных способов ведения хозяйства».

Не говоря уже о неверности последнего утверждения, ибо в условиях нэпа, в условиях частно-хозяйственного производства, техно - экономический прогресс несомненно предоставляется слоям зажиточного эксплоатирующего кулацкого крестьянства — в тезисах во весь рост встает противоречие, в конкретных условиях советской экономики неразрешимое.

Бессилие большевистского государства социализировать сельское хозяйство и перейти к распределенческим методам, капиталистическое окружение, невозможность внешних займов, необходимость внутреннего накопления — породило в 1921 году нэп. Но нэп, логически продуманный, реальный, трезвый нэп, способный дать то, что от него ждут, есть, конечно, ставка на «старательного» и, следовательно, «сильного», на развязывание кулацких элементов, на всяческое поощрение их инициативы — ибо только им предоставляется техно - экономический прогресс сельского хозяйства.

Административно поддерживаемые бедняки и середняки или держат курс на прыжок в сельско-хозяйственные верхи, или безнадежно плетутся в тине натурального хозяйства, неспособные обеспечить государству нужную ему товарность. Итак, в данных условиях рост производительных сил деревни есть рост ее верхушки, ее кулацких элементов. Отказаться от последних, значит отказаться от нэпа, значит считать себя достаточно сильными, чтобы строить сейчас немедленно социалистическую форму хозяйства.

С другой стороны, не говоря о собственной, классовой догме большевизма, весь смысл революции вопиет против образования могущественного слоя хозяев, неустанно увеличивающих свои производственные и потребительские фонды, хотя бы и под хищнической опекой коммунистического государства. Любой демагогии заранее обеспечен здесь решительный успех. На этой почве оппозиция давала наиболее кровопролитные и наиболее успешные для нее сражения, и большинству партии для отвода обвинений в мелко буржуазной сущности

приходилось, не только лавировать, но и вилять, протестовать, сажать в казематы, но самые протесты претворять сценической признательностью и в директивы и в практику.

Но... применение хотя бы принципа подоходного прогрессивного обложения, бесспорное и с точки зрения социальной справедливости и даже с чисто деловой точки зрения, в конкретной советской действительности лишь условными гранями отделено от нелепого, нерационального. Налог, как метод срезывания капиталистического накопления деревенской верхушки, в огромном числе случаев есть налог не только на зажиточность, на накопление, но и на культурность, на интенсификацию хозяйства. Политика, верная и выдержанная с классовой точки зрения, становится политикой враждебной об'ективным принципам нэпа. Она убивает стимулы к поднятию культурного уровня сельского хозяйства, ограничивает накопление, создает разнообразные формы обхода реакционного с экономической точки зрения законодательства, и у большевистского государства, руководимого партийным центром, вдохновляемого мертвой догмой, определяемого в практических решениях безчисленными, со дня на день открывающимися новыми прорехами — средств разрешить это противоречие нет. И в этом бессилии — источник, как хронически - кризисного развития хозяйства в целом, так и хронических кризисов в недрах самой партии.

Этим не кончается злоключение партии в сфере сельско-хозяйственной политики.

Деревня СССР бесконечно бедна. Она остро нуждается в знаниях, технике, капиталах. По словам «кулака» Еличева, на крестьянском с'езде, эта нищета представлена с почти посошковской силой: «все... доказывает нашу бедность. И поэтому власти надо смотреть на крестьянство, не как на кошелек самотряс, а как на что то дорогое, которое находится в расслабленном состоянии».

И правительство диктатуры «пролетариата», по существу, понимающее положение, казалось, должно было бы с особой энергией отстаивать интересы именно

сельского хозяйства в своих генеральных годовых и прочих планах. Однако, доминирующая над всем проблема индустриализации разрешается в сторону усиленного, преимущественного покровительства промышленности и недопустимого пренебрежения интересами сельского хозяйства.

Так, исполнение плана индустриализации получает в пятилетке следующее выражение*).

Нардный доход (в мил. дов. р.)	1913 г. (терр. СССР)	25-26	30-31	Прирост за 5 лет в %
1. По с. хоз-ву	7.625	7.633	9.486	24,3
стр. 25. 2. По промышленности	3.283	2.918	4.915	68,6
3. По транспорту	1.151	999	1.472	(с акциз. 74,5) 47,6
Тов. продукт.				
Табл. 1. По сел. хоз-ву	—	1.804	2.947	63,0
174-177. 2. По промышленности	—	5.372	9.590	77,5
Прирост благосостояния				
1. Сельское население				30
2. Производ работник стр. (реальная зарплата)				50
12-13. 3. Всех наемн. работн. (торг. админ. служ.)				45
4. С учетом своб. проф-ремесл. пенс. и пр.				37,5
Направл. тов. прод. с. х-ва.				
Табл. 1. Город и армия	—	978	1.415	43
176-177. 2. Промышленность	—	546	951	75
3. Экспорт	—	271	581	115
		1.804	2.947	63

В движении основных фондов также значится крупное отставание в темпе фондов сельского хозяйства по сравнению с фондами промышленности и тем более с

*) См. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926-27, 1930-31 г. г. Госплан 1927 г., таблица 174-177 и также стр. 12, 13 и 25.

фондами электростроительными. В то время, как прирост фондов в сельском хозяйстве за 4 года с 24-25 г. по 27-28 г. устойчив и стабилен (4,3% — 4,7% за год) и за все время выражается в 19,6%, прирост фондов промышленности относительно весьма динамичен (от 0,5% до 11,9%) и дает за те же годы — 32,7%.

Все эти данные говорят: а) о резком перевесе прироста дохода от промышленности над таковым же от сельского хозяйства, благодаря усиленным вложениям в промышленность; б) о близком соответствии темпа развертывания промышленности использованию последней, в качестве сырья, товарной продукции сельского хозяйства; в) о соответствии прироста товарности от промышленности приросту ее дохода и, наоборот, — о резком несоответствии обоих моментов в области сельского хозяйства; г) о крайне медленном темпе повышения благосостояния сельского населения.

Вышеуказанное обусловлено: 1) доминирующей над другими заботами ориентацией на индустриализацию; 2) стремлением выкачать из непосредственного распоряжения сельско - хозяйственного производителя максимум его продукции при помощи государственного заготовительного аппарата и государственной политики цен; 3) стремлением обеспечить потребление города, обгоняющее его рост, даже при высоком проценте избыточного населения деревни.

Но исключительная медленность в темпе развития сельского хозяйства в стране, по преимуществу сельскохозяйственной, обусловлена помимо программы коммунистического государства, помимо специфической бедноты СССР, еще одним важным моментом.

Авторы пятилетнего плана превосходно учитывают трудности планирования сельского хозяйства, где «подавляющая часть сельско-хозяйственной площади и средств производства распылены между двумя с половиной десятками миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, имеющих различные и противоречивые социальные типы и хозяйственные уклады, воздействие на экономическую деятельность которых со стороны государства весьма затруднительно и ограничено, преиму-

щественно, методами, не прямого, а косвенного воздействия» (стр. 158 цитируемого выше источника).

Авторы плана знают, что в области сельского хозяйства сам собой намечается путь максимальной его интенсификации во всех подходящих районах и широкой переселенческой политики в отношении ряда областей. Но что же касается машинизации сельско-хозяйственного труда, то широкое применение и ее можно мыслить лишь по мере поглощения накопившихся доныне за много лет кадров избыточного населения деревни (стр. 10 там-же). Вот где зарыта собака. Здесь — сверхестественные трудности, перед которыми бессильны самые хитроумные планы. Аграрное перенаселение деревни — гласит пятилетка — ... «за пять лет в лучшем случае лишь не возрастет против нынешних его размеров». И далее — ... «на ближайшую пятилетку при крайней ограниченности тех средств, которые могли быть обращены на финансирование сельского хозяйства, они должны быть сконцентрированы на мероприятиях по интенсификации и повышению урожайности сельского хозяйства, в то время, как на следующее пятилетие гораздо более важной окажется проблема машинизации сельхозтруда» (стр. 16 там же).

Таким образом, ограниченность рессурсов, могущих быть обращенными на сельское хозяйство и огромная опасность от роста избыточного населения, которое при настоящем уровне промышленного развития, не может найти приложения в индустрии — заставляет воздерживаться от вложений, соответствующих значительности сельхозяйства в общей экономике страны.

Как преобладание отсталых форм хозяйства порождает в ряде районов СССР перенаселение деревни и усиливает обход рабочей силы в городах*), так и машинизация грозит советской деревне теми же последствиями, но, очевидно, что недоснабжение деревни машиной является одним из основных источников ее бедности,

---

*) См. тезисы Рыкова на 15 Партконференции, Торг.-Пром. Газета 27-X-26 г.

медленности развития ее производства, медленности роста ее товарности, а, следовательно, и убывающего ее значения в развитии народного хозяйства в целом.

Не менее характерным является отношение к деревне в плане капитальных вложений сельского хозяйства.

Из общей массы капитальных вложений (новые вложения и капитальный ремонт без оборотных фондов) за пять лет, исчисляемой 15.926 миллионов червонных рублей (90,6% от всех вложений), на долю сельского хозяйства придется 1.200 миллионов рублей, т. е. 6,8% в то время, как на промышленность поступит 5.654 миллиона рублей, т. е. 32,3%; транспорт — 4.977 миллионов рублей или 28,2%, электрификация — 1.339 миллионов рублей или 7,6%. Капитальные вложения на сельское хозяйство равны вложенным на городское жилстроительство (1.196 миллионов рублей или 6,8%) и коммунальное строительство (1.180 миллионов рублей или 6,7%).

Эта исключительная скупость находит следующее об'яснение в комментариях автора пятилетнего плана: «в последнем счете все финансирование нашего хозяйства, происходит ли оно за счет прибылей наших госпредприятий, или за счет бюджетных рессурсов, падает всей своей тяжестью на трудовые доходы и прежде всего на городской пролетариат. Это последнее утверждение на первый взгляд может показаться неправдоподобным, ибо трудящиеся массы города даже к концу пятилетки составят у нас едва 21% всего населения в рабочем возрасте. Но тем не менее это факт. Дело в том, что производительность внеземледельческого труда в несколько раз выше, чем в земледельческом». И далее — «производительность городского труда раза в три выше сельского. Этим об'ясняется, конечно, втрое более низкий уровень благосостояния деревни. Но этим же следует об'яснить и слабое участие деревни в госбюджете и в накоплении рессурсов для хозяйственного строительства. При низком уровне производительности труда и низком душевом доходе деревня живет на пороге физиологических норм существования и не может служить

сколько нибудь заметным источником для социалистического накопления*)».

Так, по мысли плановых верхов СССР, самая природа советского земледелия обращает его в крупного должника народного хозяйства в целом.

Сюда же присоединяется еще и то, что советская деревня слишком дешево оплачивает расходы по финансированию народного хозяйства, по удовлетворению культурных нужд страны и пр. За все про все деревня платит единым и притом крайне недостаточным сельхозналогом, выражающимся за пятилетие в сумме 1.635 миллионов рублей.

Как ни отточены все эти рассуждения с точки зрения выдержанной классовой политики рабочего государства, удивительны грубейшие ошибки, допущенные в расчете уплат деревни авторами пятилетки.

Ошибки эти вскрыты одним из обозревателей перспективного плана: этот счет в 1.635 миллионов рублей представляется совершенно неверным, так как нельзя не учитывать косвенных налогов и части промыслового и подоходного, падающих на сельское население. Исчисления, произведенные в Наркомис. финансов (НКФ), свидетельствуют о том, что около 40% всех налогов в 1925-26 г. падало на сельское население. Учитывая более интенсивное увеличение городского населения и более быстрый темп нарастания его благосостояния, связанного с увеличением потребления, облагаемого косвенными налогами, товаров и продуктов, нужно признать, что если доля сельского населения в общем итоге налогового бремени страны и сократится к концу пятилетия, то во всяком случае не ниже 35%, что, при учете суммы налогов на пятилетие по исчислению не Госплана, а НКФ, т. е. в несколько меньших цифрах, дает итог 5.080 миллионов рублей, а не те только 1.656 мил. рублей, о которых говорит Госплан. Этот просчет трех с половиной миллиардов рублей совершенно не понятен, но им об'ясняется и ряд дальнейших построений перспективного плана, которые делает Госплан. Установивши,

---

*) См. цитир. выше: Перспектива, стр. 28-32.

что сельское хозяйство даст мало в общую массу национального накопления, Госплан считает возможным дать на него в качестве максимума из 16.123 миллионов рублей вложений (с оборотными фондами)только 1.200 миллионов рублей, т. е. всего только 7,5% — сумма совершенно для сельского хозяйства недостаточная. Ее малыми размерами, в частности, об'ясняется слабый темп развертывания сельского хозяйства, спроектированный Госпланом*). Так, в условиях советской экономики противоречие между промышленностью и сельским хозяйством вырастает в грандиозное, по своему политическому смыслу, противоречие города и деревни ,вернее — в целый комплекс противоречий, рождающихся из существа их взаимоотношений.

В известной ленинской формуле советского государства, как государства рабочего в стране с преобладающим крестьянским населением и с бюрократическими извращениями — правильно охарактеризован основной антагонизм из обширного клубка противоречий, связанных с исследуемым явлением. Общераспространенная формула — «рабоче-крестьянская власть», как будто устанавливающая равенство между промышленным пролетариатом и крестьянством, в действительности, маскирует антагонистическое отношение двух классов.

Прямая, последовательная, неограниченная гегемония принадлежит индустриальному пролетариату. По отношению к крестьянству рекомендуется: укрепление Союза — «смычка» с «основной массой крестьянства» (Рыков), причем к этой «основной массе» первоначально были отнесены бедняки, позже, под влиянием необходимости поднятия уровня сельхоз. культуры, и середняки.

Рабочее государство в стране с преобладающим крестьянством есть, таким образом, диктатура пролетариата индустриального. Крестьянство в глазах блюстителей чистоты большевистских принципов остается вы-

---

*) См. Авинов Н. И. «Планировка народного хозяйства в современных советских условиях». «Эконом. Строит.» 1927 г. № 6, стр 47.

разителем частно-хозяйственной стихии, и его формы хозяйствования нуждаются, поэтому, в специальных коррективах со стороны класса-гегемона.

Диктатура пролетариата есть гегемония города, обусловленная соображениями политическими. Индустриальный пролетариат есть, по марксистским и большевистским схемам, основная армия революции, ее мозг и ее сердце, и потому все усилия командных высот должны быть направлены к тому, чтобы все потребности города удовлетворялись в первую голову. Деревня может быть обеспечена прмышленными товарами в меру реальных возможностей индустрии, город же, вернее городской пролетариат, должен быть обеспечен и хлебом и промышленной продукцией.

И потому, не взирая на высоко-политические, по большевистски, разсуждения о важности, необходимости, даже каноничности увязок, смычек и прочее рабочих с основной массой крестьянства, бедняки и середняки, по существу, пасынки этого первого союза. И душевые нормы потребления города и деревни спроектированы Госпланом на 30-31 г. г., как 8 : 1, и когда приходит трудный случай, большевистский торгаш распоясывается, становится апостолом здравого смысла и отправляет бутафорию к чорту. «Нажим города на товарный рынок очень силен: можно оставить без ситца уезд, губернию или даже две губернии Сибири, но оставить без ситца Ленинград, как каждому известно, невозможно» (доклад Рыкова в заседании ленинградского СРК и К Депутатов от 2-III-26).

Однако, даже большевистские невозможности имеют свою диалектику.

Многотерпеливая деревня не раз вступала в бой с партийной диктатурой, ложно выступающей от имени городского пролетариата, и умела выигрывать победы.

В 1921 г. она сломила голову Военному Коммунизму, в последующие годы не раз вынуждала город к маневренным отступлениям, в начале 27-28 г. вновь дала сражение.

Политика дешевых хлебных цен, отсутствие промышленных товаров, диспропорция цен на сельско - хо-

зяйственные и промышленные товары подготовили провал хлебозаготовительной кампании. Ноябрь и декабрь 1927 г. для партии, для всех планирующих и регулирующих учреждений страны были паническими. Крупнейшие партийцы были сняты с мест и отправлены на поля СССР на предмет уговора, убеждения, нажима. Сотни советских чиновников полетели с мест. Рыковские ситцы пришлось скинуть с городских счетов и переадресовать их на деревню. Именитые гастролеры с Наркомом по Внутр. и Внеш. торговле Микояном во главе потопили синдикаты и кооперативы телеграммами, ломая ,путая проработанные, согласованные, увязанные планы, снимая с городского, т. е. рабочего, сектора все, что можно было снять, перебрасывая добытое на сектор деревенский, т. е. крестьянский. Городской рынок в мгновение ока был оголен и стоял таким два месяца.

«Ситцевая» диалектика дала плоды. Крестьянство как будто опамятовалось, стали приходить известия с мест, что дотоле малосознательные крестьяне, украсив верноподданническими флагами свои подводы, повезли хлеб. Уже январь дал колоссальный под'ем по сравнению с катастрофической осенью. И дальше шло не хуже. Но особых восторгов не последовало. Парадные сообщения шли в сопровождении брюзгливых передовиц, в которых в туманных, но все же доступных пониманию среднего гражданина СССР выражениях, говорилось об извращении маневра, перегибах палки, усердии не по разуму и прочих малоприятных для советской администрации вещах.

И скоро по всей стране, вплоть до столицы, поползли сперва слухи, потом серьезные указания, наконец, документальные сведения о бесшабашном партразгуле на местах, — фактической отмене нэп'а, принудительном товарообмене, возвращении не только к продразверстным методам, но о воскресении эпохи военного коммунизма во всей первозданной прелести ее, — заградительных отрядов, реквизиций, каталажек, — привычного ассортимента большевистского планирования. Но в каких бы серьезных поправках ни нуждался нэп, даже злопыхавшая оппозиция не додумалась до прямой экс-

проприации не только кулака, но и середняка. Твердолобые стали раскачивать базу, доселе, не отказавшую им окончательно в питании мудреной и весьма мало выгодной большевистской диалектики. Наряду с злоупотреблением помпадурскими приемами вскрылось величайшее бессмыслие мер, принятых в пожарном порядке, якобы, для наилучшего удовлетворения потребностей населения.

Отдельные участки оказались загруженными товарами до отказа, до невозможности принять их, за отсутствием людей и помещений. Сотни низовых кооперативов, не имея свободных средств, завопили о разорении. При этом, товары могли получать только пред'явители квитанций о сдаче хлеба. Советская валюта оффициально была признана никчемной. Натуральный обмен — такова была директива центра. Лучшего урока крестьянской политики партии, недоверия к червонцу, отказа от аренды, расширения запасов, расширения посевов, — дать было нельзя.

Эффект этого обращения большевистского «лица к деревне» вышел потрясающий.

Еще один удачный сталинский маневр, — а сейчас крестьянство под надзором большевистских урядников готовится к посевной кампании, — и СССР может оказаться в вихре грозных событий.

Кронштадт был залит кровью при помощи преторианцев, когда многие верили, если не в административные и хозяйственные таланты партии, то в чистоту ее намерений. Ныне эта вера утрачена.

Повиновение может быть повиновением только за страх, а не за совесть. Какая цена и сроки такому повиновению, знает каждый.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Безработица и положение труда в СССР.

Выше было сказано, что одной из важнейших диспропорций сов. хозяйства является резкое несоответствие в росте человеческих и материальных произво-

дительных сил. Огромные кадры избыточного населения препятствуют реконструкции сельского хозяйства, дальнейшей машинизации сельхоз. труда.

Поэтому, проблема безработицы есть первоочередная соц.-экономическая проблема СССР, требующая максимума внимания к себе.

Численность безработных членов профсоюзов СССР за последние 3 года такова*).

Отрасли	В тыс. чел.			В % к предш. году	
	24-25 г.	25-26	26-27	25-26	26-27
Сельское хозяйст.	70,6	154,1	288,3	218,3	187,1
Промышленность	278,5	312,9	448,0	112,4	143,2
Строительное дело	90,3	128,9	173,1	142,7	134,3
Транспорт и связь	130,1	120,0	180,8	92,2	150,7
Государств. и обществ. учреждения	263,0	289,8	389,0	110,2	134,2
Прочие	50,2	79,5	128,1	158,4	161,1
Всего	882,7	1085,2	1607,3	122,9	148,1
В том числе без с. хоз. раб.	812,1	931,1	1319,0	114,6	141,7
В том числе без с.-хоз. и сезон. раб.	692,8	771,0	1101,8	111,3	142,9

Таким образом, имеется систематический рост безработных почти по всем отраслям хозяйства.

По данным бирж труда числилось на 1-X 26 г. — 1.070 тыс. чел.; 1-IV 27 г. — 1477 тыс. ч.; 1-VI 27 г. — 1.419 тыс. чел.; 27 г. 1-IX — 1.127 тыс. чел**). Сезонные приливы и отливы труда имеют здесь довольно рельефное выражение. Какое место по сезонам занимает избыточная деревенская рабочая сила в городской безработице, можно судить по следующим данным:

*)См. В. Г. Громан. Система контрольных цифр на 27-28 г. «Плановое Хоз.». 1927 г. № 10, стр. 41.

**) Я. Гиндин. Борьба с безработицей. Экон. Жизнь 2-X-1927 г.

Периоды	% безработных из сел в городском предложении труда
Окт - Дек. 25 г.	19,6
Янв. - Март 26 г.	21,7
Апр. - Июнь 26 г.	28,7
Июль - Сент. 26 г.	20,9
Окт. - Дек. 26 г.	16,0
Янв. - Март 27 г.	19,7
Апрель 27 г.	28,9
Май 27 г.*)	35,5

Где источники этой гигантской армии безработных?

Прежде всего, — в огромном численном приросте населения в рабочем возрасте, не умещающемся в рамках ни сельско - хозяйственного, ни индустриального развития.

В частности — в аграрном перенаселении, т. е. в наличии огромной части крестьянского населения, получающей основной доход от собственного хозяйства, но не могущей по своей слабой имущественной состоятельности обеспечить себе хотя-бы нынешнего весьма скромного «середняцкого» уровня благосостояния **).

При слабости землеустроительных работ, неналаженности переселенческого дела, недостаточной индустриальной емкости, перенаселение гонит крестьянство в города и промышленные центры в поисках дополнительного дохода. Для 24-25 г. г. это «аграрное перенаселение» расценивалось в 26,5 мил. человек или 6 милл. дворов слишком. К этому основному потоку присоединяется тяга в город индустриальных представителей кустарной и мелкоремесленной промышленности.

Эти огромные кадры малоквалифицированного труда положили основание необычайному росту городско-

*) См. Л. В. Минц. «Безработица в СССР». «Эконом. Жизнь» 12-X-1927 г. Пробывшие в городе 3 месяца засчитываются за «местных жителей».

**) См. Ю. Ларин. Аграрное перенаселение СССР к десятилетию Октября и его судьбы. «Эконом. Обозрение» 1927 г. № 10, стр. 15.

го населения, выразившемуся для 1925 г. в 1 мил. чел., для 1926 г. — 800 тыс. чел. и т. д.

Характеризующиеся чрезвычайной текучестью, обусловленной сезонностью сельского хозяйства, кадры эти порождают ту текучесть в составе индустриального труда, которая является одним из условий, снижающих производительность труда в сфере промышленности. При этом выдающуюся роль в предложениях труда играют женщины и подростки. По данным бирж труда на 1-VII-27 г. женщин было — 43,8%, подростков — 13,2%.

На ряду с этими основными источниками безработицы имеются налицо обширные кадры интеллигентского (по преимуществу, конторского) труда, который в условиях систематического огосударствления отраслей хозяйства и общественных служб, не имеет достаточных путей к рассасыванию. Удельный вес индустриальных групп в общей массе безработных упал с 17,1% на 1-X-1926 г. до 15,9% на 1-VIII-1927 г.

В итоге, безработица СССР не имеет еще выраженного индустриального характера*).

Безработица советского хозяйства, также, как капиталистического, не есть случайный уродливый нарост на цветущем хозяйственном организме, но плоть от плоти, кровь от крови самой хозяйственной системы.

Советская безработица определяется низким уровнем сельского хозяйства, чрезвычайной слабостью индустриального развития, неспособного впитать избыточное население. Сюда же присоединяется своеобразие советской госкапиталистической системы, все менее оставляющей место частной инициативе и замещающей ее государственной службой. Поэтому средства, обычно рекомендуемые для борьбы с безработицей, являются паллиативами.

Ни стремление ограничить кадры рабочих лишь теми, кто работал по найму ранее, ни организации трудоемких работ крупного народно - хозяйственного значения, ни развертывание жилищно - промышленного стро-

---

*) См. А. Рабинович — Проблема труда в СССР — «Эконом. Обозр.» в 1927 г. № 10, стр. 154.

ительства, неизбежно ограниченное относительной слабостью капитальных вложений, и ни различная форма организации материальной помощи, ни проектируемое введение 7-ми часового рабочего дня, — в данных условиях не могут справиться с явлением, порождаемым своеобразием системы в целом.

***

Для всесторонней оценки советского индустриального развития помимо данных о динамике промышленности, помещаемых выше, надлежит остановиться на положении труда в производстве.

Здесь, как и по всем вопросам советской экономики, имеется необычайное разнообразие цифр, решительно несогласуемых между собой. Будем пользоваться теми, которые являются позднейшими.

В 1926-27 году общее число рабочих, занятых в промышленности исчислялось в 2.007,8 тысяч человек, из них в тяжелой индустрии — 849,7 тысяч человек, в легкой — 1.158,0 тысяч человек' *).

Прирост рабочей силы складывался последние годы следующим образом: в 1923-24 г. на — 18,3%, в 24-25 на — 20,5%, в 25-26 на — 25,0%, в 26-27 на — 4,6% (в тяжелой промыш. — 8,5%, в легкой — 2,2%).

На лицо, таким образом, резкая остановка в вовлечении новой рабочей силы в производство, об'ясняемая только что цитируемым автором, как замедление поступательного движения в промышленности, так и накоплением в предшествующие годы в ряде крупных отраслей промышленности излишков рабочей силы, якобы, использованных ими в 26-27 году.

Этот процесс снижения темпа втягивания рабочей силы в предприятия неизбежно должен найти отражение в дальнейшем росте и заострении безработицы.

---

*) См. Г. Козловский. — Производительность труда и зарплата Итоги 1926-27 г. (Торгово - Пром. Газета, 29-I-1928 г.). По данным Центр. Отдела Статистики Высш. Сов. Нар. Хоз. — их считалось с 26-27 г. без мукомольн., кондит., полиграф., электр. — 2.469,1 тысяч человек.

Динамика заработной платы рисуется в следующем виде (в довоенных рублях): 1913 г. — 32 р. 50 к., 1926-27 — 31 р. 30 к., т. е., довоенный уровень в среднем оказывается недостигнутым, причем эта средняя маскирует крайне резкие колебания, в зависимости от отрасли промышленности, степени квалификации рабочего, пола и пр.

Реальная зарплата в последние годы систематически отставала от роста номинальной и только в 26-27 г. по официальным данным, она с 27 р. 6 к. в 25-26 г. повысилась до 31 р. 29 коп., или на 13,1% и превысила темп номинальной на 1,1%.

По официальным же данным, зарплата в %% в 1926-27 г. по отношению к 1913 г. выразилась: месячная — в 104,6%, дневная — в 96,1%, часовая — в 128,2%. Но колебания, в зависимости от отрасли промышленности чрезвычайно велики: за 9 мес. 1926-27 г., без накладных расходов и исчислений на зарплату, реальная зарплата по всей промышленности выразилась — в 102,4%, в металл. отрасли — 83,17%, в горной 78,5%, а с начислением и накладными расходами по всей промышленности в 123,0 %, метал. отрасли — 97,9 %, горной — 89,2 %. При этом, достижение более высокого уровня зарплаты, хотя и сопровождается дальнейшим ее ростом, но вместе и замедлением темпа увеличения*).

Еще менее достоверными, чем данные по зарплате, являются данные о производительности труда.

Во всяком случае, и здесь после бурного нарастания производительности восстановительных годов (максимум 24-25 год, давший плюс 39% против 23-24 года) отмечается резкое и последовательное сокращение темпа роста выработки на рабочего, несомненно обусловленное, как систематическим ухудшением технической обстановки предприятий (изнашивание оборудования), так и всей совокупностью условий, понижающих качество

---

*) См. А. Рабинович. Проблема труда в СССР. «Эконом. Обозрен.». К десятилетию Октября. 1927 г., стр. 157-160. Более низкие цифры роста зарплаты см. Е. Грановский. Вопросы зарплаты и производ. труда и демагогия оппозиции. «Правда», 31-VII-27 г.

работы и убивающих в рабочем первоначальный энтузиазм к социалистическому строительству.

Тем не менее, в связи с частичной рационализацией производства, усилением трудовой дисциплины и пр., производительность в 1926-27 г. в среднем за год (на один человекодень) оказалась выше на 9,7% и достигла довоенного уровня, а в цензовой промышленности превысила его на 2,4%. Однако, под'ем этот сказался весьма слабо на снижении себестоимости, выразившись не более, чем 0,5-1%, вместо проектировавшихся 5%.

Соотношение между ростом зарплаты и ростом производительности по оффициальным данным и в разрез с категорическими утверждениями оппозиции остается, якобы, неблагоприятным для роста производительности. Оффициальные источники отмечают все, что темп нарастания зарплаты идет быстрее темпа роста выработки рабочего. Зарплата за 25-26 - 26-27 г. г.за один человеко-день в реальных рублях выросла на 29%, а производительность на 23%*).

Любопытно, что СТО постановлением от 6 сентября 27 г., по существу воспроизводящем резолюцию пленума Ц. К. партии от 16 августа 24 г., констатировал, что «в отношении производительности труда и зарплаты в первом полугодии 26-27 г. достигнуты некоторые улучшения по сравнению с 25-26 годом, когда рост зарплаты, значительно обгоняя рост производительности труда, являлся существенным фактором вздорожания себестоимости. В первое полугодие 26-27 года рост производительности труда не отступает от роста зарплаты. Однако, это соотношение нельзя признать для 1926-27 года благоприятным, так как Промфинпланом, в интересах снижения себестоимости, намечалось некоторое превышение роста производительности труда над ростом зарплаты» (§ 6).

Самое существенное в вопросе о зарплате и производительности труда заключается в том, что рост зар-

*) См. А. Халатов. — Рабочий вопрос в тезисах ЦК по пятилетнему плану народного хозяйства. «Правда» 2-XII-27 г. См. также цитиров. выше статью Рабиновича, стр. 162.

платы имеет место в советской системе не столько за счет технического прогресса, сколько за счет повышения интенсивности рабочего труда, т. е., усилением его эксплоатации. В отдельных, весьма многочисленных, случаях, современная интенсивность превосходит довоенную. Разумеется, подобная эксплоатация, тщательно замалчиваемая и даже отрицаемая (в диспутах с оппозицией), по существу оправдывается творцами действующей политики труда, соображением, что в пролетарском государстве не может итти речи об эксплоатации в собственном смысле слова, что здесь усиленная эксплоатация идет целиком в пользу самого же пролетариата — хозяина страны и т. д., т. е., горькие пилюли советской действительности подслащиваются розовой водичкой традиционной теории прогресса.

Характеристика положения рабочего класса Советской России была бы неполной без указаний на:

а) Весьма значительную безработицу, своими размерами далеко превосходящую регистрируемую оффициально и обусловленную, помимо общих причин (отмеченных выше), дальнейшим изнашиванием технического оборудования, рационализацией производства, дефицитом промсырья, переходом на стандартные производства и т. д., т. е., явлениями и прогрессивного и регрессивного характера в техно - экономическом смысле.

б) Исключительную, невозможную в условиях рационализированного производства, текучесть рабочей силы в промышленности, обусловленную сильной еще связью фабричного труда с деревней, аграрным перенаселением, выталкивающим избыток в несезонное время, отсутствием обеспеченного жилья, различиями в оплате труда по разным предприятиям и пр.

На Орехово-Зуевской мануфактуре состав меняется за год на 25%. По данным Ц. К. союза Текстильщиков в трех хлопчато-бумажных трестах состав меняется на 18-20%, по фаб-м Вигон. треста на 48%. В хлопчато-бумаж. индустрии есть предприятия, где в течение 12 и даже 10 м-цев сменяется весь наличный состав рабочих. Согласно обследования Сев. Кавказского Краевого Со-

вета Проф. Союзов, текучесть рабочего состава в металлообработке выразилась в 70%, в полиграфделе — в 81%, в химич. промышл. — 108%. На предприятиях Донугля в 25-26 г. текучесть дала небывалую цифру в 270% и т. д.*).

Подобная текучесть является крупнейшим дезорганизующим моментом, снижающим качество работы, серьезно препятствующим дальнейшей рационализации хозяйства. Справедливо сказал один американский предприниматель: «Машины я мог бы сейчас же купить, хо тя в долг, но навряд ли восстановил бы теперешнюю организацию за целое поколение.

в) Систематическое, в целом, ухудшение жилищных условий, при несомненных и значительных достижениях в этом смысле в отдельных случаях. При санитарной норме в 16 кв. аршин на человека, фактически жилая площадь в рабочих семьях на душу, к концу 1926 г., составляла в кв. метрах — по Москве — 4,46, Ленинграду — 6,51, Уралу — 4,17, Украине — 5,10, в среднем, по всем обследованным районам — 4,94.

г) Установление бесплатного ученичества, весьма невыгодно отражающегося на интересах рабочей молодежи.

д) Усиленное внедрение алкоголя в рабочую среду.

Совокупность этих тяжелых условий порождает катастрофическое падение трудовой дисциплины, заслуживающее быть отмеченным в стране, строющей социализм. Прогулы на фаб.-заводских предприятиях достигли неслыханных размеров. В 1924-25 г. в среднем на рабочего приходилось 9,5 прогульных дней (по уважительным и неуважительным причинам), в 25-26 г. — 10,47 дней, т. е., в 2,25 раза выше, чем у довоенного рабочего. На отдельных предприятиях число дней колеблется между 25 и 30-ю днями. Образовались значительные специальные кадры прогульщиков, коим и принадлежит до

---

*) См. «Экономическую Жизнь» 30-IX-27 г., 21-I 28 г., Торгово-Пром. газ. 2-VII 1927 г. и мн. др.

80% всех прогулов*). Сталин в докладе активу Ленинградской организации от 13 апр. 26 года обращал внимание на необходимость специальной кампании по борьбе с прогулами, отнимающими у промышленности сотни тысяч рабочих дней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Профсоюзы и кооперация в СССР.

Остается коснуться еще профсоюзного движения, чтобы картина положения рабочего класса в СССР была полной.

Февральская революция была первым сигналом к открытой классовой организации пролетариата. Почти стихийные образования фаб.-завкомов были первым реальным шагом к контролю над деятельностью предпринимателя. Необходимость об'единения деятельности комитетов вызвала к жизни Советы фабзавкомов с Всероссийским с'ездом во главе.

Завкомы, таким образом, были пионерами в области контроля над производством с перспективами в дальнейшем совершенного захвата производства. Профсоюзы были заняты повышением материального и культурного уровня своих членов.

Профсоюзное движение внешне имеет импозантный характер.

«В настоящее время — пишет один из его обозревателей, — нигде в мире рабочий класс не представляет такой широко, почти поголовно охваченной профорганизациями массы, как в СССР... При системе индивидуального добровольного членства, в Профсоюзах состоит свыше 9,8 миллионов человек, и в них организовано более 90% всего рабочего класса страны... Характерной чертой современного профдвижения в СССР является его близость к рабочим массам, активность ра-

*) См. Журавлев. Больше внимания борьбе с прогулами. «Правда» 7-IV 27 года.

бочих масс в строительстве всей хозяйственной жизни в стране и в укреплении своих профорганизаций. Этой активности трудящихся масс не знает и не может знать никакая капиталистическая страна» (Л. Рабинович. Проблемы труда в СССР. К десятилетию Октября 1917-1927 г. Октябрь 1927 г. стр. 151).

Увы, восторженные утверждения автора не только свидетельствуют о глубоко пропитавшем советских журналистов казенном оптимизме, но дают и совершенно извращенные представления о действительном порядке вещей. Прежде всего: «добровольное членство» в СССР не существует. Конечно, оно добровольно в том смысле, в каком добровольным может почитаться всякий акт самоубийства. Профсоюзный билет есть минимум гражданского состояния в СССР. Профсоюзный билет есть необходимое условие служебного, а, следовательно, и экономического бытия советского гражданина. Для того, чтобы стать рабочим, советским служащим и пр., профсоюзный билет необходим. Неимеющие его — белые вороны. Добровольное членство на самом деле есть весьма жестокий принудительный порядок, облегчающий возможность учета и наблюдения за всеми работающими в учреждениях гражданами. Притом, было бы весьма наивным полагать, как это явствует из слов только что цитированного автора, что профсоюзы являются органами защиты интересов советских рабочих и служащих. Советские профсоюзы не суть органы борьбы, каковыми они являются в капиталистических странах, ибо согласно аксиоме большевистской государственности, пролетарские профсоюзы не могут бороться против рабоче-крестьянской власти, т. к., согласно большевистской догме, это означает бороться против самих себя.

С Октябрьской революцией в рабочее движение проникли централистские принципы большевистской диктатуры. Автономия завкомов была признана излишней. Союзы были перестроены по производственному принципу. И завкомы стали нисшими ячейками производственного союза, зависимыми от директив центральных органов. Одновременно, ком. партия энергично принялась за пополнение профсоюзов своими членами. В

короткий срок партия завоевала большинство во всех центральных и губернских правлениях союзов. Во всех фабрично - заводских предприятиях возникают комячейки, ставшие фактическими хозяевами положения. Центральный орган профес. движения — ВЦСПС — стал под непосредственную опеку и эгиду Центр. Комитета партии.

Так, профсоюз, долженствующий быть, по крылатому выражению Ленина, «школой коммунизма», превратился в механически пассивного исполнителя велений партийного центра. Инициатива из рук рабочих ушла в руки союзных бюрократов. В одних слоях рабочих «новый курс» вызвал апатию, индеферентизм ко всем делам союза, в других — возмущение и протесты.

«Нельзя, — шумела еще «рабочая оппозиция», — подменять великую творческую силу пролетариата в деле строительства коммунистического хозяйства формальной вывеской диктатуры рабочего класса», — той диктатурой, которую один из представителей этой ранней оппозиции назвал метко «диктатурой партийного чиновничества».

Но пришел 10 с'езд РКП, и Кремль сказал решающее слово. Профсоюзные дискуссии были воспрещены, идеи «рабочей оппозиции» осуждены, как имеющие «явный синдикалистский и анархистский уклон», борьба с ними признана неотложной, пропаганда их об'явлена несовместимой с принадлежностью к коммунистической партии. С тех пор, в профсоюзах царит спокойствие смерти. Начала выборности, гласности, под'отчетности, ответственности, вычеркнуты из их практики. Слепое подчинение директивам и декретам, казарменная дисциплина, бюрократизация механизма — превратили союзы в бездушные отростки центральных партийных канцелярий.

**
*

В ряду советских достижений есть одно, своими грандиозными масштабами импонирующее не только отечественным панегиристам, не только заурядному советскому обывателю, но и залетным иностранцам, приезжающим взглянуть на роды социалистического обще-

ства. Это достижение — советская кооперация. С тех пор, как указал Ленин, что «кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население есть все, что нам нужно», что «это еще не построение социалист. общества, но все необходимое и достаточное для этого построения», величайшие усилия были затрачены на то, чтобы выстроить достойную отечества мирового пролетариата — кооперацию.

И действительно, фасад ее великолепен. После базельского конгресса в августе 26 г. советская кооперация была принята в международный кооперативный альянс, и могущественная доселе ветвь международного кооперативного движения — английская, с 5-ю миллионами членов и 2 миллиардами оборота низовых потребительских обществ, стушевалась перед более могучим пришельцем. Потребительская кооперация СССР на 27-28 год насчитывает 15 миллионов членов, обороты ее достигли 5 миллиардов рублей.

Но все это — фасады, прельщающие наивных иностранцев, затверживающих советскую экономику со слов партийных чичероне.

Кооперация — движение, строющееся на началах свободы, равноправия, самодеятельности. Кооперация утверждает себя на почве добровольного сотрудничества. Попытки навязать ей волю извне, подчинить ее опеке —обрекают ее на смерть. Советская кооперация есть придаток государства. У нее нет самостоятельности, нет целей, отличных от целей советской государственности, нет права свободно выбирать свои пути, своих людей, свои средства.

Опутанная десятками декретов — невежественных, разноречивых, убийственных для ее независимости, она живет директивами сверху, не имея инициативы, бюрократически следуя за прихотливыми извивами высокой политики Кремля.

Личный состав кооперации, размеры и характер ее капиталов, построение ее сети, масштабы и направление ее заготовительных и сбытовых операций, ее взаимоотношения с контр-агентурой, ее цены — все указуется сверху.

Чтоб обеспечить послушание кооперации, нужно было подчинить ее постоянному контролю. Это было достигнуто через обольшевиченье выборных органов. Какие эффекты такая мера может дать, свидетельствуют следующие цифры: коммунистов среди крестьян не более одного %. В выборных органах низовой сети сел.-хоз. и потребительской кооперации коммунистов — 35%. В правлениях союзов с.-хоз. кооперации на 1-I-27 г. коммунистов — 63%, потребительской кооперации — еще более и т. д.

Замечательно при этом, что подавляющее число мест в правлениях с.-хозяйственных кооперативов принадлежит людям или вовсе не имеющим кооперативного стажа, или располагающих им в весьма слабой степени. По перевыборам низовой сети с.-хоз. кооперации в 25 г. кооператоры с более чем 5-ти летним стажем составляли всего 9% от общего числа членов правления.

Неудивительно, что собрание членов правлений кооперативов, столь искусно подобранных, есть партсобрания, собрания фракции, собрания ячеек. Повсеместно, также в низовых кооперативах, как и в могущественных центрах кооперативных организаций, собрания уполномоченных и членов сводится к формальному истолкованию решений партии, бывших предварительно предметом суждения в фракционных заседаниях.

В хлебо-заготовительной кампании 27-28 года, когда осенние месяцы принесли первые вести о полном провале заготовок, остервенелые опричники большевизма выбросили из кооперации сотни выборных членов (особенно в Сибири); Союзы в свою очередь смещали стрелочников в первичках.

После подобного партийного нажима только оголтелые выражали согласие пойти в правление. Как должно было административное воздействие отразиться на качествах кооперативного персонала, ясно каждому. В сложившихся условиях массы не проявляют интереса к непосредственному участию в кооперативной работе. В перевыборной кампании 26-27 года, в огромном числе мест, как в городах, так и особенно в деревнях, первые собрания не могли состояться из за отсутствия кворума.

В среднем посещаемость по низовой сети с.-х. кооперативов равнялась 35% всех членов, потребительской кооперации от 30 до 40%.

Да и самое число пайщиков в советских кооперативах, рабочих и крестьян, при страшной погоне за механическим ростом в кооперативной системе, относительно незначительно. На 1-X 26 г. по всему союзу процент пайщиков в сел. потребительских обществах к взрослому населению составлял только 11%, к числу крестьянских хозяйств — 31,4%. В городских потребительских об-вах % пайщиков к взрослому населению к этому же времени составил всего 28,6%. В 1925-26 г. городское население только 35,7% своих закупок делало в потребительских кооперативах; деревня — 23,7%.

В согласии с организационными принципами, на которых строится кооперация, слагается и ее деятельность. И здесь, прежде всего должен быть отмечен эксплоататорский подход советской кооперации к труду непосредственных производителей. В этом смысле имеются прямо фантастические факты, дающие, кстати, яркое представление о степени благосостояния мелкого производителя в стране, идущей к социализму.

На сентябрьском совещании 27 г. при Всесоюзном об'единении (Всекомпромсоюз) промысловых союзов, вырабатывающих кружево, было установлено, что заработок кустарки - кружевницы в Вологодском кустарном промысловом Союзе составляет от 1,5 до 3 коп. в час, в Гирецком союзе — 1-3 коп. в час. Даже царская Россия не часто имела такие законченные образчики «потогонной системы». Не удивительно, что до 50% первичных сельско - хозяйственных и кустарно - промысловых кооперативных организаций предпочитают оставаться «дикими» и работать с частным рынком, обнаруживающим менее эксплоататорского жара, чем государственные советские кооперативы.

Неистовства административной опеки, стремление внести аракчеевщину во все разветвления кооперативной системы — обеспложивают ее и убивают.

Особенно грубой, военно - коммунистической политикой является все отношение центральной власти к за-

готовительным операциям кооперативной системы. В результате жестокого регулирования и жестокой политики цен получился не только массовый отход крестьянства от кооперации, но и выявившиеся глубокие изменения в самом характере сельско-хозяйственной тенденции к натурализации, сокращение площадей под интенсивными культурами и пр. На долю кооперативной системы ложатся тяжелые убытки, вынужденное свертывание работы, обусловливающее в свою очередь усиленные выступления в сбытовой работе частного капитала.

Правительственная регламентация взаимоотношений кооперации и госпромышленности создает для первой исключительно тяжелые условия работы, превращая ее в настоящего данника промышленности.

Совершенно убыточным для системы в целом являются ее экспортные операции. В целях искусственного создания активного баланса правительство вынуждает кооперацию вывозить собираемую ею крестьянскую продукцию даже при наличии на заграничном рынке для этого вывоза самых неблагоприятных кон'юнктур. В 25-26 г. все кооперативные экспортеры — Сельскосоюз, Льноцентр, Маслоцентр, Птицеводсоюз — потерпели на своем вывозе крупные убытки.

Поневоле кооперации приходится пускаться во все тяжкие, чтобы добыть необходимые ей средства накопления. И в этом направлении извращаются все методы кооперации.

Во всех своих звеньях советская кооперация работает по преимуществу на средства, полученные от государства. Население в образовании этих средств почти не принимает участия.

К юбилейным дням средний и фактически оплаченный пай составлял: по сельским потреб. обществам — 3 р. 09 к., по рабочей кооперации — 4 р. 72 к., по с.-хоз. кооперации — 3-3 р. 50 к.

Собственные средства всей системы потреб. кооперации на 1-X 26 г. занимают в сводном балансе — 34,8%.

В 26-27 году ее чистая прибыль выразилась в 200 миллионов руб., полученных за счет вздорожания про-

дуктов, отпускаемых членам. Здесь есть кричащие факты, граничащие с мистификацией. Первичные рабочие кооперативы Иваново-Вознесенского района за 25-26 год на 1.817 тысяч рублей собств. капитала получили прибыли 1.490 тысяч рублей. Всего же в итоге по райсоюзам и первичным рабочим сельско-потребительским кооперативам этого района на собственный капитал в 5.944 тысячи руб. прибыли было получено 3.775 тысяч руб. Та же картина наблюдается и в ряде других районов. Неудивительно, что даже привычные ко всяким фокусам передовики «Правды» писали: — «только на основе грубого «забвения» потребителя, на основе прямо свинского отношения к нему, рабочий потребительский кооператив может наживать на рабочих потребителях свыше 200% чистой прибыли». («Правда» 1-X 27 г. № 25). Автор не чувствовал, что это «свинское забвение» есть исключительный продукт партийного руководства кооперацией.

Нельзя не упомянуть еще об одном волшебном средстве, свидетельствующем уже не о забвении, а о сугубом внимании, проявляемом к производству и пополняющим карман кооперации — о вине. В обороте первичных потреб. обществ ассортимент спиртных изделий занимает 25-30%. В отдельных кооперативах эта цифра выростает до 50%. В этом направлении экономические и моральные рекорды созданы Ленингр. Союзом Потреб. Обществ, разбросавшим свои пивные по всем рабочим кварталам и успешно спаивающим рабочих и крестьян не только в Ленинграде, но и по всей Сев.-Зап. области. Не лишенным юмора штрихом в этих кооперативных распродажах является привиллегия отпуска вина, в случаях его нехватки, лишь пред'явителям профсоюзных билетов. Совершенно также, во время хлебо-заготовительной кампании 27 г., в некоторых уездах вино отпускали только сдатчикам хлеба («Эконом. Жизнь» 14-I-28 г.).

Какой глубоко просвещенный взгляд на вещи! Какое мощное орудие в руках пролетарского государства.

Жалкое, ублюдочное положение занимает сел.-хоз. кооперация, не могущая выйти из хронического, финан-

сового кризиса. Крестьяне, не доверяя кооперации, участвуют в ней мало. Ненормальные взаимоотношения с госпромышленностью, убытки, получаемые по поставке сырья, по экспорту, беспощадное регулирование и неумелая скачкообразная политика цен, не дают возможности накопить ей собственные средства. Последние почти сплошь иммобильны (неподвижны). Заемные средства в балансе сел.-хоз. кооперации на 1-X-26 г. составили 75,8%. Между тем, деньги, получаемые в кредит дороги, стоят от 18-20%. В 25-26 году сел. хоз. кооперация одних процентов уплатила свыше 70.000 тысяч рублей.

Когда крестьянин Еличев на Всесоюзном крестьян. с'езде заявил, что «кооперация при довоенном времени была на наибольшей высоте, в особенности сел. хозяйственная... что наша народная крест. сел.-хоз. кооперация убита в корне, и вообще вся кооперация убита, что вместо нее поставлены два государственных приказчика самого буржуазного уклона: заготовительный — заготовлять по чем прикажут и распределительный — по чем укажут, то всесоюзный оперный староста, М. И. Калинин, особым остроумием никогда не щеголявший, не нашел лучших возражений, как: — ату его, кулак... Но есть даже правоверные, но не утратившие еще до конца здравого смысла и чутья действительности, которые говорят то же, что и Еличев. Только в «Правде» они говорят приличнее, без ссылок на довоенный режим, столь часто посрамляющий советскую экономическую стройку.

«Регулирование сел.-хоз. кооперации — писал Беленький (зам. председателя Хлебо-центра), — установление условий деятельности кооперативных организаций, определение направления и содержания их работы, — все это производится нередко без участия самой кооперации, помимо нее, за нее. Сел.-хоз. кооперация не должна дольше оставаться в этой роли. Необходимо полностью обеспечить за кооперативной системой начало самодеятельности, хозяйственной заинтересованности, ответственности и хозяйственного расчета, без которых с.-хоз. кооперация не может развиваться» (М. Беленький. — Регулирование рынка и специальная систе-

ма сель-хоз. кооперации. «Правда» 22-XII-26 года).

Пока этот голосок, слишком тонкий, еще не услышан, да и не может быть услышан.

Советская кооперация живет без света и без воздуха. В стоячем болоте копошатся бесчисленные гады. Недаром неслыханный поток хищений разлился по всей системе. У советской власти против преступлений есть испытанное средство — «стенка». Но убивая симптом болезни, самую болезнь карающая рука глубже загоняет внутрь. Болезнь становится неизлечимой. А иностранцам следует попомнить, что вместо советской кооперации они узнают под мудрым руководством большевизма лишь советскую бухгалтерию. Это единственный пока неубыточный товар в советском кооперативном экспорте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Положение науки.

В универсальном походе против свобод первые и, быть может, самые тяжкие удары поразили сферу человеческой мысли.

Наука во всем ее об'еме, во всем многообразии ее проявлений, была взята в опеку. Свобода научного исследования упразднена. Каждая научная дисциплина своими корнями возводится к марксизму. Общественная наука исследует и пропагандирует лишь истины коммунистической государственности. Ленинизм есть религиозное учение, канон, допускающий лишь благоговение компартии. Возражение есть признак или безумия или политической реакционности. И потому именем и диалектикой его клянутся люди и группы, стоящие на позициях прямо противоположных. Университет, без различия факультетов, стал партийной школой. Здесь молодые, вновь напеченные красные начетчики обрабатывают подобранную паству при помощи красного непреложного корана.

Вся советская система народного образования в целом носит узко-классовый характер, но не в смысле

«пролетарском», а в смысле партийно-большевистском.

Наука — трудящимся — красивый революционный фасад, прикрывающий эксплоататорскую сущность системы.

Фактический доступ во все типы школ и в высшие, по преимуществу, открыт вовсе не трудящимся, но прежде всего и более всего привиллегированной группе, новому красному дворянству коммунистов.

«Наука — коммунистам» — таков истинный смысл большевистского лозунга. Беспощадная чистка университетов в 24 году, исключительно партийный отбор по командирам, практиковавшийся до 1926 г., с тех пор ослабленный, но еще продолжающий существовать доселе — такова реальная обстановка проникновения в советские вузы. Партийный билет или партийная рекомендация, суть условия, необходимые для получения образования в стране, строящей социализм. Беспартийные в университете, как и в специальных вузах, в известном проценте допускаются лишь на предмет «социалистической» рекламы. В известном проценте они черпаются из групп, которые либо экономически заинтересованы в поддержке командного класса, усвоив до конца его эксплоататорские тенденции, либо так социально-психически обесцвечены, что не представляются коммунистам ни в каком смысле опасными.

То, что «наука» есть бесспорная монополия правящего класса, подтверждается такой красноречивой справкой. Коммун. партия вместе с комсомолом составляет не более 2% от всего населения страны. В высших учеб. заведениях им принадлежит не менее 33% мест. Но даже диктатура мест не столь убийственна для судеб советского просвещения, как диктатура идеологическая.

В мировой истории не было эпохи, когда бы в таких масштабах, с такой последовательностью, тупостью, жестокостью утверждалось догматическое мракобесие, как сейчас, накануне мифологического прыжка в царство свободы. В новых теологических школах, под разными названиями, под разными соусами, преподносится затравленной пастве одно и тоже опостылевшее блюдо — советское богословие, то именуемое «историче-

ским материализмом», то «историей партии ВКП», то просто «политграмотой» и пр. и пр.

Ученые, независимо от их научных заслуг, стажа, эрудиции, известности, отсортировываются по степени их соответствия идеалам педагогического большевистского участка. Партбилет заменяет с успехом школу, и вот, профессора остервенело, отзубривши свой марксизм, толкуют его с кафедры, как библию, коран.

Те же методы духовной обработки граждан имеют место в средней школе.

Религия ленинизма начинает преподаваться с азами. Марксизмом озаряется человеческая история, ленинизмом она кончается. Две родственные братские системы —единственные нестирающиеся во времени, отвечают на все вопросы, снимают все затруднения, утверждают пути человеческого или пролетарского развития — что одно и тоже — на долгие десятилетия, быть может, столетия вперед.

Советская школа современности есть школа лицемерия и рабства. Убивая в юношестве все запросы — вредные или преступные с точки зрения преступного марксизма — она воспитывает либо верноподданнических чиновников, автоматических исполнителей велений надчеловеческой партийной машины, либо подлых трусов, опустошенных обывателей, мещан, ленивых, равнодушных, для которых шкурное благополучие в иерархии ценностей занимает более высокое место, чем истина, раз навсегда открытая, к которой ничего нельзя прибавить, от которой ничего нельзя отнять.

Так готовятся будущие обитатели социалистического рая — обыватели, чиновники, рабье. А сколько молодых трагедий схоронено в советских рассадниках научных истин.

Тот же мертвящий яд казенного единообразия, тот же беспредельный советский шовинизм, та же иезуитская ферула царят и в области печати. Газеты, журналы, книги, издательства, типографии, все в руках только верных. Неверным закрыты все ходы.

Большевизм, имея непреложную теорию, может позволить себе роскошь критиковать слегка и кое-что из

«писанного разума». Но горе тому из лагеря неправоверных, кто перешагнул границы, вздумал бы усумниться в истинности хотя бы явно для всех колеблющихся основ. Нет, не найдет он места на страницах советской печати. Но будет взят на учет, на партийный прицел. Из вольных или невольных попутчиков, он станет изгоем со всеми вытекающими отсюда политическими, административными, организационными и экономическими последствиями.

Цензурный центр советского самоуправления — Главлит, своими неистовствами, карикатурами на здравый смысл, превзошедший давно все анекдоты и эксцессы Николаевской эпохи. Но он, вооруженный всей мощью принудительных санкций, замирает в бессилии, когда нежданно для него, по мотивам, скрытым ото всех, в разрез с его чрезмерно либеральными решениями, начинает говорить воля ГПУ. Главлитовское «разрешение» становится игрушкой, книгоиздания гибнут под рукой палача. Апеляции бесцельны, они опасны для апелянтов. Рассадники советской поэзии, театра, музыки — социал. заказчики, меценаты из наркомов, благоговея, указывают пути, коими должно следовать благоразумное и полезное коммунистическому строительству свободное творчество.

Угодливые виршеплеты в тысячах стихов жуют большевистские фельетоны, живописцы на казенных полотнах увековечивают подвиги вождей; театры жгут огни большевистского патриотизма; даже музыка тужится дать почувствовать величайшую гармонию большевизма (казенные оперы, казенные балеты, казенные симфонии).

**
*

Такова современная коммунистическая государственность.

С последовательностью и цинизмом упразднила она все виды и формы человеческой свободы. Гражданские свободы, — мысли, печати, собраний, союзов, труда — об'явлены отжившим доктринерским хламом, предрас-

судком, наглым прыжком подымающей голову контр-революции.

Для искоренения подозрительных свобод, органы правительственного террора — в недавнем прошлом чрезвычайные комиссии, ныне ГПУ — полностью наделены неограниченными полномочиями, им принадлежат собственные упрощенные формы административной, судебной юрисдикции. Они располагают собственным штатом всевидящих, несомневающихся, развращенных и наглых чиновников, на действия которых нет апеляций, пред волей коих, как показал огромный опыт, даже высшие органы правит. власти склоняются в бессилии.

Ни одна реакционная эпоха не расправлялась с такой жестокостью, бесзастенчивостью и произволом свободой и жизнью граждан, как эпоха борьбы за новый братский мир.

Большевизм возродил охранку и жандармов худших времен царизма. Он возродил политическую тюрьму, политические голодовки, тюремные избиения заключенных. Он не остановился перед мерой, на которую не решались самые подлейшие руки самых кровожадных буржуазных правительств, — перед заложничеством.

Тов. Лазаревич, вырванный из цепких рук советских тюремщиков, брошюрой — «То, что я пережил в России» — поведал нам, что такое «советские исправительные заведения», исторгающие чувства умиления у благосеянных гастролеров компартии и соц.-демократии Запада.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Советский бюрократизм.

Вопиющим, но естественно вытекающим из этой мертвящей обстановки, злом является неслыханный расцвет бюрократизма, своей претенциозностью, бесзастенчивым игнорированием вневедомственных интересов, волокитой, превзошедший довоенные рекорды.

Непомерное развитие бюрократизма не одобряет ни один из ответственных руководителей сов. власти. Но борьба против него и волокиты пошла по совершенно ложной дороге и потому не только не устраняет этого явления, но, наоборот, заостряет и углубляет его формы. Главная энергия устремилась на сокращение штата. По мысли сов. законодателя основным источником бюрократизма является непомерно разбухший аппарат, как хозрасчетных, так и госбюджетных органов.

О громадной сложности бюрократ. аппарата, о необходимости его сокращения, упрощения, удешевления и оздоровления говорили тезисы 15 партконференции ВКП (по докладу Рыкова), говорил Сталин в докладе активу Ленингр. организации от 13-IV-26 г. «Надо, наконец, взяться за это дело по большевистски, по настоящему и навести строжайший, зверский режим экономии», — патетически кончил он.

Зверский режим по сталински, по большевистски был введен. Учреждения опустели более, чем на половину, за счет блистательного роста клиентами бирж труда. Сейчас есть уже достаточный опыт действия нового режима, и едва ли кто либо решается утверждать, что с сокращением сов. чиновничества, сократилась волокита. Наоборот, наряду с бездельниками, невеждами, из учреждений вылетели опытные, ценные работники, выполнявшие серьезные, ответственные функции. Кое-какая часть этих работ, независимо от степени их важности, оставлена вовсе, часть с грехом пополам осуществляется поредевшими рядами оставшихся. Исполнение любой работы сейчас находится в условиях менее благоприятных: служащие учреждений, которых коснулась зверская экономия, несомненно не справляются с работой, возложенной на них, и это едва ли может содействовать сокращению волокиты.

Красноречивую оценку режим экономии получил в самом рассуждающем и рассудочном учреждении страны — Госплане, в январе 1928 г.: «Грубость наших показателей, не только с течением времени не уменьшается, но усиливается, так как, благодаря сокращению штатов и технических рессурсов, и количество и качество

данных ухудшается, а разработка материалов огрубляется и замедляется».

Наиболее рельефно спасительный принцип экономии и сокращения штатов отражается на деятельности торговых заведений. Бесконечные очереди женщин и стариков, выстраивающихся с раннего утра за добычей молока, муки и пр., — являются наглядной демонстрацией убожества «рационализации». И тот, кто раз прислушался к голосам людей, мерзнущих или мокнущих в очередях, где раздражение, мелочное, обывательское, но упорное, постоянное, непрерывно нарастающее, — становится достаточной базой для уличных выступлений, тот поймет, что подлинные, реальные, а не абстрактные источники оппозиции бьют здесь. Те же очереди стоят в поисках ж.-д. билетов на вокзалах и пр. и пр.

Не стоит говорить о том, какое развращающее влияние имеют на рабочих эти очереди, воспитывая в них пренебрежительное отношение к времени и правильному его использованию. Режим экономии был понят и применен по большевистски.

Экономия есть принцип всякого более или менее благоустр. хозяйства. Экономия есть база операций любой хозяйственной единицы, но во истину является безумием принцип домашней хозяйки возводить в рецепт государственного хозяйственного социалистического накопления. Никакой режим экономии — если это не есть принципиальный отказ от удовлетворения потребностей, — не в состоянии создать государственной казны. Экономия в работниках есть палка о двух концах. Пусть она сберегает государству жалованье чиновника, но она обращает его в клиента биржи труда, сокращает его платежность, его налогоспособность, обрекает его и семью на такие условия жизни, которые в лучшем случае воспитывают политический протекционизм, в худшем — алкоголика и вора.

Источники сов. волокиты коренятся не в разбухших аппаратах. Злоупотребления на этой почве искоренить легко. Страшные иные источники коренятся в глубоких недрах сов. системы, в ее психологии: 1) Прежде всего в постоянной, хотя бы об'ективными условиями

вынуждаемой смене курса. Лихорадочная перестройка основных заданий, стоящих перед сов. учреждениями, в зависимости от колебаний политического курса, от побед или поражений, как на международном, так и на внутреннем фронте, — порождают усталость, скептицизм, безразличие к заданиям. Нельзя безнаказанно сегодня рваться в одну сторону, с тем, чтобы на завтра менять курс на прямо противоположный. Между тем, такие смены курса на сов. хоз. фронте явление постоянное и в ближайшее время они изжиты быть не могут.

2) Они — источники волокиты — заключаются в той системе универсального недоверия, постоянного и повсеместного контроля, мелочной опеки, — коими окружены все учреждения, опутаны все служащие в них, которые всегда торопятся к ответу, непрестанно ждут ревизии, стремятся хоть как-нибудь свести концы с концами, без всякого интереса к существу дела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Алкогольная политика большевиков.

В этом тяжелом перечне грехов и язв сов. системы, нельзя не остановиться еще на одном вопросе, который, быть может, с наибольшей яркостью знаменует разрыв между собезными лозунгами большевизма и его циничными буднями, — на вопросе алкогольной политики. С опубликованием 5-тилетнего плана Госплановой Комиссии, плана, характеризуемого его творцами, как «новая полоса развития, когда между прошлым и будущим властно вклинивается творческая воля револ. пролетариата», — последние иллюзии на счет чистоты позиций большевистской диктатуры в алкогольном вопросе должны были рухнуть.

Не только оппозиция, но и правоверномыслящие коммунисты не могли не обратить внимание на зияющие противоречия между устремлениями к соц. строительству, под'ему благосостояния масс и заботой о повсеместном внедрении казенной водки (особенно в райо-

нах производствен. заготовок), как о важном источнике социалистического накопления. В полуоффиц. журнале «Плановое Хозяйство» вып. 27 г. № 10, была напечатана статья некоего Дейгмана, давшая убийственную и неотразимую картину алкогольной политики большевистской диктатуры.

О темпе нарастания потребления алкоголя можно судить по следующим цифрам: а) водки (в миллионах) в 23-24 г. — 0.8; в 26-27 г. — 31,5; б) пива в 22-23 — 0,8; в 26-27 — 32,0. Расход на спиртные напитки занимал в бюджете московского рабочего в 23 г. — 0,9%, в 25 г. — 4,2% и т. д. и т. д. Тот же Дейгман дал целый ряд цифр, по существу не новых, но характеризующих современную сов. действительность. Бурное наростание поступления больных с алкопсихозами в психиатрические лечебные заведения, рост смертности от алкоголизма (в Ленинграде за 4 года в 6 раз), рост числа задержанных в пьяном виде, при огромном преобладании алкоголиков в Москве и Ленинграде до 90% из рабочих и их семейств и пр. Алкоголь имел, наконец, дезорганизующее влияние на народное хозяйство. В 26-27 г. затрата населения на спиртные напитки, не считая самогона, составляла 850 миллионов руб. Если даже половина этой суммы поступает в форме акциза в бюджет Союза, все же остается еще громадная сумма — 400 миллионов руб., затрачиваемых на потребление разрушающих общественный организм спиртных напитков. На ряду с этим необходимо учесть влияние алкоголизма на рост прогулов и понижение производительности труда. Между тем ни одна отрасль сов. хозяйства не будет по 5-тилетнему плану иметь такого бурного темпа восстановления, как винокурение.

По предположениям пятилетки, в то время, как валовая продукция отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления, должна дать прирост за 5 лет 67,3%, валовая продукция водки увелич. на 92,6%. Если в 24-25 г. на душу населения приходилось 0,6 бут. водки, в 30-31 г. будет 9,5. В результате удельный вес винокурения в общей группе предметов широкого потребления дает поднятие с 3,24% до

5,70%, в то время, как удельный вес сахарной промыш. снизится с 8,41% до 7,45%, а хлоп.-бумаж. с 35,15 до 33,6%. Так же должно подняться и душевое потребление пива с 0,22 ведра в 26-27 г. до 0,28 в 30-31 г. Наконец, «перспективный план» предусматривает и значительное снижение акциза и отпускных цен на спиртные напитки, что не может не стимулировать энергии потребителя.

В результате, Дейгман пришел к заключению, что перспективный план в развитии винокуренной и пивоваренной промышленности «не соответствует директивам партии и интересам социалистического производства» и что «вариант Центр. Комитета по пятилетке в этой области должен быть решительно отвергнут».

Центральный Комитет не мог оставить без ответа столь стремительного нападения и сопроводил статью Дейгмана соответствующими комментариями.

Как и следовало ждать, творцы пятилетки выдвинули помимо частных поправок к вычислениям Дейгмана, знаменитый аргумент о борьбе с самогоном.

«Фискальных задач в этой области мы не преследуем, — утверждают они. — Страна заражена самогоном. При данном уровне культуры расчитывать покончить с алкоголизмом в одно или два пятилетия немыслимо. Поэтому, с рентабельным самогоном возможно бороться исключительно экономическими мерами, путем конкуренции. На ближайшее пятилетие было бы огромным достижением, если бы удалось целиком вытеснить самогон, не увеличивая общего потребления самогона и водки. Такова наша целевая установка».

Таким образом, задача, стоящая перед правительством и, в частности, перед Наркомземом заключается в приучении населения к советской водке и отучению от самогона. А потом будет об'явлена война триумфирующей водке.

Несостоятельность такой политики очевидна со всякой точки зрения, кроме карманной. Не стоит, разумеется, толковать о морали и педагогике. Эта мелочь не останавливает большевиков на пути к социалистическому строительству. Но полагать и утверждать, что, приучив к водке и алкоголизму и выудив на этом оздоров-

ляющем пути солидную денежную толику, потребную для индустриализации страны, можно затем победоносно сразиться с водкой и алкоголизмом — верх наивности или верх бесстыдства. Яснее ясного, что потребитель и в первую голову мужичек, заботливо воспитываемый большевистской диктатурой, вернется к традиционному и рентабельному самогону, как только правительственным декретом лишится казенной водки. Ибо можно учить чему угодно, но ни одному учителю не дано учить разом двум противоположным вещам.

Ленинская диалектика гибкая вещь, но за 10 лет имеется уже достаточно убедительный опыт, доказывающий, что неуклюжим эпигонам Ленина не удалось ни разу победить здравого смысла деревни.

Рост самогоноварения в СССР опрокидывает самые фантастические предположения. По несомненно преуменьшенным данным НКВД по РСФСР было отобрано за июнь-сентябрь 26 г. — 11.186 самогонных аппаратов; за октябрь-декабрь — 12.282; за первую половину 27 года — 17.609 («Известия» ВЦИК-а 14-I-28 г.). Правда, сократилось несколько число возбуждаемых дел о тайном винокурении, но эта статистика находится в зависимости от такого количества факторов «случайного» характера, что она менее всего может свидетельствовать о действительной эволюции самогоноварения. Но официальная статистика дает крайне интересные, конечно, также неполные данные относительно дел, возбуждаемых в уголовном порядке о хулиганстве, связанных, и по признанию властей, с ростом самогоноварения. Оказывается, за 1-ую половину 1926 года, в городах РСФСР возбуждено дел — 14.674; за вторую половину — 30.130, за первую половину 27 года — 24.543. Еще хуже обстоит дело в сельских местностях: за первую полов. 1926 г. — 28.942 дел, за 2-ю — 67.202, за 1-ю пол. 27 г. — 76.762 и т. д.

Еще одна недавняя и необыкновенно убедительная справка. На рождественских праздниках 27-28 г., когда падение хлебозаготовок приняло катастрофический характер, срывая экспортную, а, следовательно, и валютную политику СССР, один из корреспондентов «Эконо-

мической Жизни» в тамбовском Внуторге узнал, что «административным отделом одного чистого самогона обнаружено 179.000 литров... В общегубернском масштабе это должно дать 8 миллионов литров или 900.000 пудов хлеба за 7 дней». И это по данным администр. отдела. («Эконом. Жизнь» 15-I-28 г.).

Наконец, оберегая казенный спирт, правительство издало декрет о совершенном запрещении тайного винокурения, как для сбыта, так и для собственного потребления. Борьба с самогоном развертывается по всему СССР. Чем бы ни кончилась война, для казенной водки готовится обширный плацдарм. Но борьба с самогоном должна была бы быть и борьбой с водкой. И откуда большевики, столь искусные в механических способах борьбы до физического истребления включительно, стали внезапно культурными, начали прибегать к дипломатическим обходным путям, столь приятно пополняющим «социалистическую» копилку?

По советской терминологии вся алкоголистическая идеология партии — одно бузотерство. Большевистскому штабу для увенчания здания не хватает презренных пустяков — денег. Стоит ли останавливаться перед способами, чтобы их добыть? Болезни, смерти, разорения — пустое. Лес рубят — щепки летят. Хотят жрать водку, пускай жрут водку, хотят азартных игр, — пускай играют. Пускай растраты, показательные процессы, самоубийства, высшие меры наказания, — но золотой ручеек течет. Силой волшебной ленинско - сталинской диалектики пьянство и разврат становятся источниками социального накопления. Все, чего не коснется смелая большевистская рука, становится плодотворящим. Смерть — абсолютам, да здравствуют относительные ценности.

***

В этом мире относительного, есть еще одна проблема, неразрешимая в узких рамках настоящего очерка, но заслуживающая быть отмеченной, хотя с некоторых сторон. Это — проблема проституции. Здесь статистика вообще всегда и везде очень мало достоверна. Но есть

все же любопытные цифры, освещающие некоторые специфические стороны советского быта. Так, в одном специальном исследовании мы находим следующие данные (Стат. Обозрен. 27 г. № 7) по вопросу об источнике заражения. Как и следовало ожидать, в этой сфере проститутка потеряла свой прежний удельный вес. В 1914 году он выражался 56,9%, в 26 г. в 25,7%. Зато необычайно поднялся вес «жены». 14-й год 1,2%, в 26 г. 11,8%, знакомых женщин с 12,8%, в 14-м, до 32,6%, в 26-м. Слегка и незнакомых женщин с 24,4% до 28,3%.

Так, проститутка в привычном ей доме вытесняется женой или доброй знакомой. Свидетельствует ли это об улучшении нравов, — сомнительно.

Перейдем к возрасту проституток в Москве. Здесь есть два обследованных года — 1924 г. и 26-27 г. Довоенных цифр, к сожалению, под рукой нет.

Оказывается, что катастрофически упал удельный вес возраста более или менее зрелых проституток: в возрасте 26-30 с 32% до 16,8%; свыше 31 года с 23,8% до 7,1%; заметно упал и самый ранний возраст — моложе 16 лет — с 5,2% до 1,9%. Но зато имеется резкий под'ем всех существенных групп: с 16 до 18 лет — с 4,2% до 26,1%; 19-ти и 20-ти лет — с 7,7% до 18%. С 21 до 25 лет с 19,9% до 29,8%.

Думается, что и здесь советский быт не имеет преимуществ перед царским режимом.

Последний штрих. Вопрос о месте заражения мужчин венерическими болезнями. В 1914 году первое место принадлежало группе «на дому у знакомых женщин» — 43%; в 26 году удельный вес группы упал до 28,8%. Еще более резко снизился удельный вес домов терпимости, домов свидания и специальных номеров и проч. после радикального их упразднения. В 1914 году, вес «гостинниц» был 16,3%, в 26 году — 2,3%. Удельный вес «притонов, домов свидания» — в 1914 г. — 12,7%, в 1926 г. — 1,5%. Удержался вес бани — 3,5% и 3,9%. Зато советское государство оказалось патроном, если так можно выразиться, натурализаторского метода заражения. Удельный вес заражения «под открытым небом» в 1914 году составил 4,7%, в 26 г. — 40,5%, при росте из

года в год. Возрос удельный вес «своего дома» — 15,1% до 18,7%, что вполне соответствует заметной роли, которую начинает играть «жена» в изследуемой сфере явлений.

Не следует переоценивать данную группу явлений. Коренная ламка основных устоев жизни, трудности приспособления к новому быту, естественное направление всех индивидуальных устремлений, за отсутствием других выходов, именно в эту сферу отношений, своеобразное понимание в условиях малой культурности, женской свободы и женского равноправия и многое другое — невольно породило не мало уродливых явлений, которым, быть может, в близком будущем суждено исчезнуть. Но в данных условиях (компактных) эти явления представляются грозными, и нездоровая форма отношений является пристанищем, куда бегут от опостылевшей всем коммунистической грамоты.

**
*

После сказанного выше о крестьянской политике, профсоюзной политике, кооперативной политике, алкогольной политике, можно ли ждать активного участия граждан в политической жизни страны?

Выборные учреждения, советы давно стали ареной беспардонного хозяйничания коммунистических ставленников.

Выборные кампании с арестами и тюремными заключениями неугодных правительству кандидатов, с правом безнаказанного глумления над ними, на стенах оффициальных заборов, на страницах казенной прессы, с возможностями неограниченного извращения воли избирателя, представляет классический, ни одной страной, ни одним режимом не превзойденный, образчик политического шарлатанства.

Выборы в сел. советы протекали и протекают при тревожащем даже большевиков абсентеизме крестьянства. Последнее научено горьким опытом, что проявить самостоятельность, высказать и защищать точку зрения, идущую в разрез с точкой зрения казенного благополучия, — значит, сойти за кулака-эксплуататора, эконо-

мического или политического контр-революционера. И потому гробовое молчание стало лучшей формой участия в местной политической жизни. Селькоры безнадежно развращены властью навязанной им ролью чиновников, исполняющих функции местной охранки. Этим обусловлены нерасположение к ним и даже ненависть не у одних только советских «мироедов».

Хитренький и осторожный Рыков должен был признать на 10 с'езде КПУ (б) в ноябре 27 г., что «до 14 партконференции огромную роль в деревне играли методы администрирования, командования, назначенства, являвшиеся остатками от военного коммунизма... Наличие этих остатков сдавливало развитие производительных сил во всем сел. хозяйстве. Широко практиковавшееся назначенство в сельские органы — советы, кооперацию, — отталкивало крестьянство от них, делало эти органы неавторитетными, чужими для крестьян» (См. «Правда» 25-XI-27 г.).

Но и после 14 партконференции и после покаяний Рыкова — в деревне не только не исчезли методы администрирования, командования, назначенства... но выросли еще, преуспели, взошли пышным, никогда еще невиданным цветом во время последней хлебо-заготовительной кампании 1927 года.

Отход крестьян от Советов был столь значителен, что в 24-25 г. компартия провела специальную кампанию оживления советов. Перевыборы, действительно, дали до 10% увеличения числа граждан, принимавших участие в выборах. Но в 40% сел на выборах было не более 35% избирателей.

Все тот же Рыков говорил, что бойкот московской деревней перевыборов принял такой характер, что % принявших участие в них в кампанию 1924 года, упал до 18%, местами и ниже. «Острейшим проявлением недовольства крестьянства были принявшие широкий характер убийства селькоров, советских работников, разгон ячееч».

На Украине, по признанию ее старосты Петровского, были села, где избирателей было менее 20%. После кампании «оживления» число коммунистов в органах,

так называемого, самоуправления, сильно упало и все же их засилие было непомерно велико: в сельсоветах их осталось до 52%, в уисполкомах — 67%, в губисполкомах — 76%.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Оппозиция в рядах ВКП.

Хаотическая жизнь большевизма, полная грозных антагонизмов, не могла не породить и в среде твердокаменной партии протестующих элементов.

Драма оппозиции сыграна сейчас как будто до конца.

Что же такое оппозиция?

Конечно, она не измена мировому пролетариату в большевистском понятии этого слова, — конечно, не нытье интеллигентов, не вопль отчаявшихся, не заговор дураков.

Быть может, все эти элементы и входят в некоторых дозах в сложный композитум, именуемый оппозицией, но существо и смысл ее не в этом. — «Троцкизм» не первая и не последняя форма оппозиции. Отвлекаясь от суб'ективных характеристик, мы должны признать, что оппозиция есть законченное детище антагонистических условий развития советского хозяйства.

Партия могла быть единой, железной, твердокаменной, пока вынашивала свои решения в мансардах эмиграции. Став вершителем судеб народа — огромного, пестрого, с интересами противоречивыми и нередко враждебными, партия неизбежно отразила и в своей среде противоречия и враждебные точки зрения, убеждения, теории, философию развития. В антагонизмах города и деревни, рабочего и мужика, индустриализации и политики низких цен, товарного голода и низких цен на хлеб и проч. и проч. — идеология «большинства» и идеология «оппозиции» находят достаточное и исчерпывающее об'яснение. И, конечно, правоверным марксистам, следовало бы менее всего забывать формулу марксизма

— бытие определяет формы сознания — по случаю рождения оппозиции. Оппозиция не может быть — она должна быть.

И оппозиция права, напомнивши большинству слова Ленина — «Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля той машины сидит».

Нельзя же, в самом деле, и самому от'явленному централизатору и декретоману забыть все о среде, в которой надо жить и действовать. Словом, пестрая, упрямая российская действительность умеет воздействовать и на твердокаменных большевиков, и отсюда создаются разные уклоны — и успевшие себя выговорить до конца и пока еще молчащие, выжидающие нужной исторической минуты. Таким образом, поскольку троцкизм был продиктован жизнью, он — принципиален, опирается на основания не худшие, чем у других, имеет корни, выражает по своему противоречия, складывающиеся на путях советской экономики.

Если обратиться к персональным характеристикам оппозиции, приходится признать — беспринципность ее вождей велика, но она ничуть не больше беспринципности ее противников. И для этой беспринципности, характеризующей вообще все уклоны большевистской мысли и практики, есть некоторые об'ективные основания. Оба течения одинаково проходили единственную, незаменимую школу наглядного революционно - оппортунистического обучения у Ленина. В этой школе — диалектика маневрированием и лавированеим была доведена до виртуозности. Никто еще в мире политиканства и оппортунизма, — не исключая Наполеона Малого, Гамбетты, Тьера, — не владел искусством диалектики с такой развязностью, с какой владеют им мастера от большевизма.

Следовательно, и здесь, в этом важном мастерстве владения диалектикой, из логического средства давно обратившегося в орудие управления, — обе стороны, по меньшей мере, стоят одна другой.

Надо признать, что все же оппозиция — более да-

ровита, заряжена, остроумна, более революционна, наконец.

По крайней мере, в ней нет той хлестаковщины, дешевки, той грубой неряшливой стряпни, которой щеголяет сталинская группа перед своей невзыскательной аудиторией. Но аппетит у оппозиции большой. Даже в тоге мученика оппозиция мечтает о лакомом куске, который у нее отняли. Вот причина, почему пролетариат, наблюдая обе шарлатанствующие группы, даже если учесть некоторое воздержание страха ради иудейского, обнаруживает относительное спокойствие насчет участи распинающейся и распинаемой оппозиции. На другой день после очередной клоаки Бухарина или Молотова, какой нибудь Кзыл-Ордынский актив аккуратно выносит благонамеренную резолюцию о «бесшабашных выступлениях троцкизма».

Каково отношение наше, анархистов, к оппозиции? Конечно, она неприемлема для нас уже постольку, поскольку неприемлем для нас всякий централистический государственнический, политиканствующий, чиновный социализм, деспотически подменяющий волю масс своей волей, эксплоатирующий и обманывающий массы. В критике оппозиции — чрезвычайно много верного. В ее полемических трудах — много метких и блестящих характеристик. Мы согласны с оппозицией, что «группа Сталина ведет партию вслепую», что группа Сталина «скрывает правду», «затыкает рот тем, кто требует правды и раскрывает ее», что «Ленина искажает, исправляет, раз'ясняет применительно потребностям покрыть каждую свою очередную ошибку», что путь Сталина есть «не пролетарский путь», а более курс на «капитализм в рассрочку», что вся «сталинская линия состоит из коротких зигзагов влево и глубоких вправо».

Мы согласны с оппозицией, что «теория Молотова насчет того, что нельзя будто бы требовать приближения рабочих к государству и государства к рабочим, так как наше государство уже само по себе рабочее — представляет наиболее злокачественную форму бюрократизма, заранее освещающую все бюрократические извращения». Мы согласны с оппозицией, что в партии «ле-

нинский призыв» давно сменился «сталинским отсевом», что все в ней захлестнули волны «карьеризма, бюрократизма, неравенства и даже антисемитизма». Мы согласны с оппозицией, что в комсомоле уже давно «всякая критическая мысль заглушается и преследуется», что для руководства комсомольской организацией требуется «прежде всего послушание и готовность травить оппозицию». Мы согласны с оппозицией, что политика центра есть «типичная политика иллюзий, самоутешения и самообмана». Мы, наконец, согласны с оппозицией, что вся внешняя политика ЦК партии — есть нагромождение грубых теоретических и практических ошибок, обусловленных плохой осведомленностью, самонадеянностью, оппортунизмом. Мы согласны, таким образом, с оппозицией во многом и еще в гораздо большем, чем здесь сказано. Никто не откажет оппозиции, что она больно и искусно бичует зажиревшее большинство.

И вот пришла Каносса оппозиции, враг наступил коленом на грудь и при всем отвращении к победителю, ничуть не жаль повергнутой оппозиции.

Во первых — «tu l'as voulu, Georges Dandin» (ты этого хотел, Жорж Данден).

Разве — Троцкие, Зиновьевы, Каменевы и все остальные, находясь у власти, не вели той же деспотической и развращающей политики, против которой только что метали громы? Разве на совести теперешней оппозиции менее крупных и мелких грехов, чем те, которые она еще недавно коллекционировала с таким злорадством? Разве — если бы силой исторического сюрприза троцкисты изгнали сталинцев из твердынь Кремля и стали у кормила правления — не началась бы старая потеха? Не остались бы в советской практике — фаворитизм, лакейство, волокита, цензура, тюрьма и расстрелы? Все осталось бы по старому, и каждый это понимает.

Да, наконец, не осуществляет ли сейчас до гениальности диалектическое большинство пункт за пунктом нелегальные прокламации оппозиции? Троцкизм даже и не грезил о такой ссоре с «мужичьем», какую затеяли сталинские молодцы. Он — робкий — лепетал о прину-

дительном займе, сталинцы прошли по деревне мамонтовским рейдом, забирая все, что годилось для питания городских канцелярий и активного баланса СССР.

А семичасовой рабочий день — разве не есть самый ловкий фокус, при помощи которого сталинцы выбили из рук оппозиции одно из самых сильных средств их нападения?

Ответить на ядовитые указания противника, подтверждаемые тысячами даже официально засвидетельствованных фактов, — «пресечь в корне всякие поползновения к удлинению рабочего дня», под коим разумелся восьмичасовой-семичасовой, значило ошеломить противника одновременно — своим бесстыдством, но и своей... революционностью. Ни для кого не тайна, что вихрь рационализации, носящийся сейчас по русской земле, есть самый беспардонный, самый циничный курс на выжимание пота у рабочего человека. Еще в 26 году голодные клиенты Биржи Труда под руководством анархистов, требовали сокращения рабочего дня в целях снижения безработицы. Расправа с несвоевременными рационализаторами была коротка. Ныне большевистский Хлестаков вещает миру о великих достижениях пролетарской диктатуры.

Итак, если физически в СССР и правит большинство, идеологически у кормила правления стоит оппозиция. И каким бы лицом к нам не вертелся большевизм, он всегда нам отвратителен...

Но есть у оппозиции еще одно и главное ее свойство. И это свойство, быть может, наиболее отталкивающее. Оно в том, что оппозиция есть или стремится быть чистым последовательным якобинизмом, т. е. наиболее фанатичной, безумной формой политиканства, строящей себя и свои акты на догме, демагогии, терроре.

Якобинизм скрывает лицо маской. Он страшен отрывом от человека и жизни. Он населяет мир призраками, ставит для людей костры ради мечты безумца.

Мы присутствовали при финале братоубийственной борьбы. Под хохот разжиревшего хамского Демьяна, под улюлюканье и зубоскальство большевистской клики, которые выдавались за возмущенное чувство

пролетариата, якобинцы сошли с исторической арены.

История почти не знает чистых комедий. Ее ирония глубока, ее и комические постановки фатально венчаются зловещим, трагическим концом — безумие истории требует жертв.

Товарищи большевики, становитесь в очередь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Преступление перед революцией.

У каждой революции есть свои враги. Завистливая и мстительная реакция подстерегает шаги свободы. Она неистощима в придумывании средств для гибели ей ненавистного врага. Но нет у революции более страшного, несокрушимого противника, чем разложение ее собственных идеалов. Революция останется таковой, пока она хранит незыблемо свои моральные ценности. Падение революционной морали есть вместе гибель революции. Бакунин писал однажды: «вся сила русского царя основывается на лжи — лжи внутри и лжи во вне; это такая колоссальная и искусная система лжи, какой, пожалуй, еще не существовало во всемирной истории». Ныне такая система есть система государственного коммунизма. За ее свободолюбивыми фасадами зреет тупая, бесжалостная реакция. Убив свободу трудовых масс, партийная диктатура копит яд в недрах порабощенной общественности.

Так зреет контрреволюция; — не заговор извне, не согласие империалистов, не поход «белогвардейской сволочи», но детище самой партийной диктатуры.

Большевизм повинен не в том, что взял на себя непосильную задачу, не в том, что просчитался на ставке на международную революцию, не в том, что бессилен справиться со строительством, не в том, что не успел спаять в один союз промышленный пролетариат с крестьянством. Он повинен в том, что великое, чудесное одушевление народа, в могучем порыве опрокинувшего трехсотлетнюю монархию, разрушившего веками слагавшийся хозяйственный порядок, расстроившего все интервен-

ции, — он учел и использовал для постройки деспотических государств.

Он повинен в том, что и через 10 лет его неограниченного властвования — в подчиненной ему стране нет элементарной свободы даже буржуазных стран; что, пропагандируя повсюду, Мопр, он установил у себя режим террора, тюрем, лагерей, расстрелов; что, оповещая миру о своем желании схоронить у кремлевских стен прах замученных анархистов Сакко и Ванцетти, он хоронит по всем застенкам анархистов русских. Он повинен в том, что в пафосе его строительства не оказалось ничего отличного от полицейского творчества царской России. Прежде всего и более всего он повинен в том, что демагогией, ложью и террором он фальсифицировал волю трудящихся масс, что он подменил и подменяет могучий, радостный, всенародный Октябрь — своим, партийным, злобствующим и мстительным Октябрем; что борьбу за революцию он подменил самообороной привиллегированной группы, хранимой прочным кордоном шпионов и жандармов-палачей.

***

Прошло десять лет, в цикле мировых событий, коротких, как мгновение.

Но этих 10-ти лет довольно, чтобы открыть глаза трудовым массам, чтобы они могли дать себе отчет в том, что Кремль не их, что Кремль был и остается угрозой их существования, что мстительный и ревнивый деспотизм убивает душу революции. Борьба сталинцев с троцкистами вскрыла глубину морального падения партии, наростающую силу ненависти в ее рядах, сусальный характер ее вождей.

Еще вчера организатор советских побед — Троцкий, — молчаливо и явно признаваемый умнейшим и талантливейшим членом партии; еще вчера председатель Коминтерна, могущественный организатор мирового пролетариата, глава передовой ленинградской компартии, — выпестованный Лениным, — Зиновьев; вчера еще председатель Моссовета — первой ячейки коммунистической общественности, — Каменев; вчера предсовнар-

кома и авторитетный полпред Раковский; вчера еще, по определению Ленина, талантливейший публицист партии Радек; выдающиеся экономисты Преображенский и Смильга; популярные военные вожди Лашевич и Муралов и мн. мн. других, — сегодня об'явлены предателями; имена их топчутся в грязи, мелкие партийные грешки раздуваются до степени огромных преступлений, самих их разбрасывают на окраины, в пустыни.

И смолк — по слову Троцкого — «последний исторический всплеск октябрьской волны».

Но кто же будет верить вам — Сталин, Калинин, Бухарин?

Что может заставить поверить, что истина в вас, что именно вам, провиденциальной «семеркѣ», открыты пути к спасению и блаженству? Кто, зная вас по вашим словам и актам, поверит вам, что правы вы, что вы не ошибаетесь, что вы знаете, куда ведете? И верные вам знают, что вы беднее, вы слабее и не честнее травимой оппозиции. Вы киваете на массы, поддерживающие вас. Но разве то же благополучие не окружало дом Романовых? Разве возложение венцов на их главы, их праздники и горе не собирали также многотысячной толпы? Разве был у них недостаток в верноподданических адресах, молитвах, шествиях с значками?

Из десятков, быть может, сотен тысяч демонстрантов, ликующих с вами в дни ваших праздников, осталась ли бы половина, если бы они свободно могли располагать собой; если бы за отказом идти не стояли призраки лишения работы, места, безработица? Мог ли кто либо и когда либо из вас, приветствующих прогоняемые по площади толпы, топтавшиеся до этого часы по мостовым Москвы, — спросить открыто, без мармелада и кнута, — участника демонстрации, — радостно ли ему демонстрировать?

Кнутосоветская республика, изгнав из Кремля одни святыни, поставила на место их другие, изгнав православные, водрузила там святыни большевизма. Лики святых сменили диктаторские лики. Но уже Бакунин знал, во что обращается любая диктатура: «всякая диктатура, писал он, узка, слепа, неспособна ни проникать

в глубину народной жизни, ни обнять всей ее ширины... Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке... Они одинаково реакционны».

***

Глаза понемногу раскрываются у всех. Сдерживаемый еще плотной крышкой декретов, охранок и тюрем, трудовой котел начинает закипать. Наливается соком жизни заглушенный партийной ложью лозунг: освобождение трудящихся, —дело самих трудящихся. Декрет и коммунистический чиновник обнаружились до конца. В них верит лишь новое дворянство, родившееся с советской диктатурой. Сознательные пролетарские массы, сознательные слои деревни, трудовая интеллигенция — задыхаются в потоке противоречивых настроений правящей верхушки.

Из опыта советской диктатуры государство еще раз выходит банкротом. Никогда, ни в одной исторической обстановке, властнический принцип не вскрывал так до конца своей плотоядной сущности, никогда не разверзал такой глубокой пропасти между посулами и практикой, как в условиях «рабоче - крестьянской» власти. Никогда еще рабочие и крестьяне не были так цинично, так всесторонне обмануты, как сейчас. Никогда анархические стихии, живущие в трудовых массах, не имели такой глубокой и разносторонней школы, как в деятельности коммунистического государства.

И потому, никогда еще свободная пролетарская организация, свободная кооперация, добровольные об‘единения коммун на почве самоопределения их членов, не имели такой глубокой силы, практической убедительности.

Бьет исторический час, когда массы, прошедшие через все исторические этапы государственных софизмов и лжи, приступят сами, без опеки и указки, к строительству своего мира.

Дух разрушения есть дух созидающий.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ.

Абсентизм — воздержание (в данном тексте).
Абсолютный — безусловный.
Агрикультура — земледелие.
Авторитарный — властнический.
Ажиотаж — биржевая игра.
Альтернатива — задача, которая может быть решена двояко; положение, из которого два выхода.
Альянс — союз.
Аммортизационный расход, — расход, идущий на погашение сделанных затрат на оборудование.
Аморализм — отсутствие нравственности.
Аморфный — бесформенный.
Аморфизм — бесформенное состояние.
Антагонистический — противоречивый.
Антиподы — резко противоположные друг другу.
Ассортимент — подбор товаров.

⁂

База — основание.
Баланс — равновесие, окончательный вывод.
Бутафория — показная, театральная сторона.

⁂

Ветеран — старый заслуженный деятель на том или ином поприще.
Виртуоз — художественный исполнитель.

⁂

Дефекты — недостатки.
Деградация — падение, ухудшение.

Динамика — движение, изменение (в данном случае).
Директива — распоряжение, указание.
Диалектика — система рассуждения, свойственная философии Гегеля и употребляемая Марксом. По этой системе, в развитии понятий каждое понятие впоследствии заменяется противоположным ему; по гегелевской терминологии, «вещь переходит в свою противоположность».
Догма — философское или религиозное утверждение.
Диагностировать — определять.
Доминирующий — господствующий.
Диспропорция — несоразмерность.
Диаметрально - противоположный — прямо противоположный.
Денатурализация — переход с платы натурой (работою, продуктами и т. д.) на плату деньгами (в данном тексте).
Дефицитный — недостаточный по количеству имеющихся товаров (в данном тексте).
Дифирамбы — похвалы.
Дотация — вклад, пожертвование.

⁂

Изгой — лишенный прав.
Изолированный — уединенный.
Имманентный — присущий природе чего или кого либо.
Иммобильность — неподвижность.
Импозантный — внушительный, величественный.
Импонировать — внушать впечатление или уважение.
Импорт — ввоз.
Индиферентный — безучастный, безразличный.
Импровизированный — выполненный без предварительного подготовления.
Интенсификация — улучшение качества.
Интуиция — чутье.

⁂

Канон — церковное правило.
Каносса — «Пойти в Каноссу» — покаяться.
Коллективизация — обобществление.
Коментарии — замечания к чему нибудь.
Комплекс — совокупность.
Композитум — соединение.

Компромисс — взаимная уступка.
Консервация — предприятия на «консервации» — бездействующие.
Консолидация — упрочение.
Констатировать — установить.
Коньюнктура — условие, обстановка.
Коррективы — поправки, смягчение.
Контрагент — лицо, заключающее контракт, договор.
Контрагентура — контракт, договор.

***

Маккиавелизм — хитрая, не стесняющаяся нравственными принципами политическая деятельность.
Мансарда — жилое помещение под самой крышей.
Маскировать — скрывать.
Мелиорация — усовершенствование в земледелии.
Метаморфозы — превращения.
Меценат — в переносном смысле — покровитель искусств и наук.
Миссия — возложенное поручение, задача.

***

Натурализация запасов — запасы не денежные, а из предметов потребления.
Нивеллировка — уравнение.

***

Оппортунизм — стремление к приспособлению, к примиренчеству.
Оптимистический — видящий в благоприятном свете.
Оптимальный — наиболее благоприятный.
Ортодоксальный — правоверный.

***

Паллиатив — временная мера, не исправляющая зла в корне.
Панегирист — восхвалитель.
Пасквиль — клеветническое сочинение.
Пауперизация — обнищание.
Периферия — наружные, удаленные части целого, в противоположность внутренним центральным частям его.
Перманентный — постоянный, непрерывный.
Перспективы — вид на будущее; ожидаемое в будущем.

Помпадур — название у Салтыкова - Щедрина губернаторов.
Постулат — предпосылка, исходное положение.
Потенция — скрытая, но не проявленная возможность, сила.
Претенциозность — деланность, напыщенность.
Преторианцы — обычно разумеется верноподданная какой-либо власти армия.
Прогноз — предвидение на основании научных или практических данных.
Прогрессирующий — возрастающий.
Протекционизм — система государственного покровительства.

***

Реабилитировать — утвердить в прежних правах, возвратить в прежнее положение, восстановить.
Реагировать — отвечать, воздействовать.
Регламентация — подчинение обязательным правилам.
Резюмировать — сжато повторить главнейшие выводы статьи, речи и т. д.
Реконструктивный — заново переделываемый.
Реконструкция — переоборудование.
Рентабельный — доходный.
Ресурсы — источники дохода.

***

Санкция — наказание или награда.
Симптом — признак.
Ситуация — политическое или экономическое положение в зависимости от окружающей обстановки.
Сконструированный — составленный.
Специфический — характерный, особенный.
Стабильный — устойчивый.
Стабилизация — приобретение устойчивости.
Стандарт — установленный образец (в данном тексте).
Стимул — двигатель, побуждение.
Схоласт — ставящий фрму выше содержания.

***

Темп — быстрота, скорость.
Тенденция — стремление, склонность.
Теденциозный — пристрастный (в данном тексте).

Универсальный — всеобщий.
Утрированный — преувеличенный.

❦

Фаворитизм — пристрастное выдвижение вперед любимцев, не имеющих ни способностей, ни подготовки для той или иной работы.
Фаланга — ряд (в переносном смысле).
Фатально — неизбежно.
Ферула — принудительное управление (в данном тексте).
Фигаро — герой комедии Бомарше (болтун).
Фикция — вымысел.
Форсирование — усиление скорости.
Фундамент — основание.

❦

Хронический — постоянный.

❦

Чичероне — проводник.

❦

Шедевр — образцовое произведение.

❦

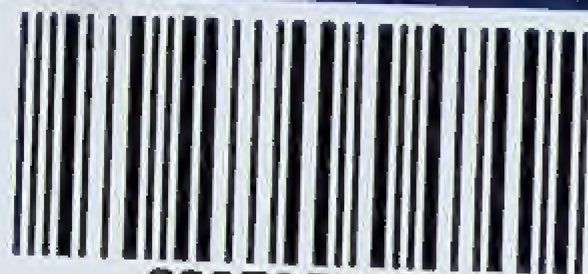
Эгида — быть под эгидой, быть под покровительством кого-либо.
Эквивалент — соответственное количество.
Экспромтный — неожиданный.
Экспорт — вывоз.
Экстенсификация — численное увеличение.
«Энергетический баланс» — общая сумма расходуемой силы.
Эрудиция — всесторонняя ученость, книжная начитанность.
Эфемерный — скоро преходящий.

❦

Якобинизм — фанатичная вера в сильную центральную власть, которая одна, якобы, знает потребности общества и пути его развития.

IMP. L. BERESNIAK
12, RUE LAGRANGE
PARIS

2007052105